

Проникновение в наш собственный внутренний мир является единственной и узкой дверью к истине. Никакого другого пути к этому, безусловно, не существует.

А. Шопенгауэр

Р и ч а р д Х о д с о н

О НЕКОТОРЫХ ФЕНОМЕНАХ ТРАНСА,

комментарии и размышления

**избранные места из протоколов
о серии спиритических сеансов
с медиумом госпожой Пайпер**

Отчёт д-ра Ричарда Ходсона

Лондонскому Обществу психических исследований

*Перевод с английского под редакцией и с комментариями
Йога Раманантаты*

*Настоящая публикация подготовлена к печати Йогом Раманантатой.
В издании сохранены характерные особенности
авторской орфографии, пунктуации и стиля.*

Ходсон Р.

О НЕКОТОРЫХ ФЕНОМЕНАХ ТРАНСА. Пер. с английского под редакцией и с комментариями Йога Раманантаты.

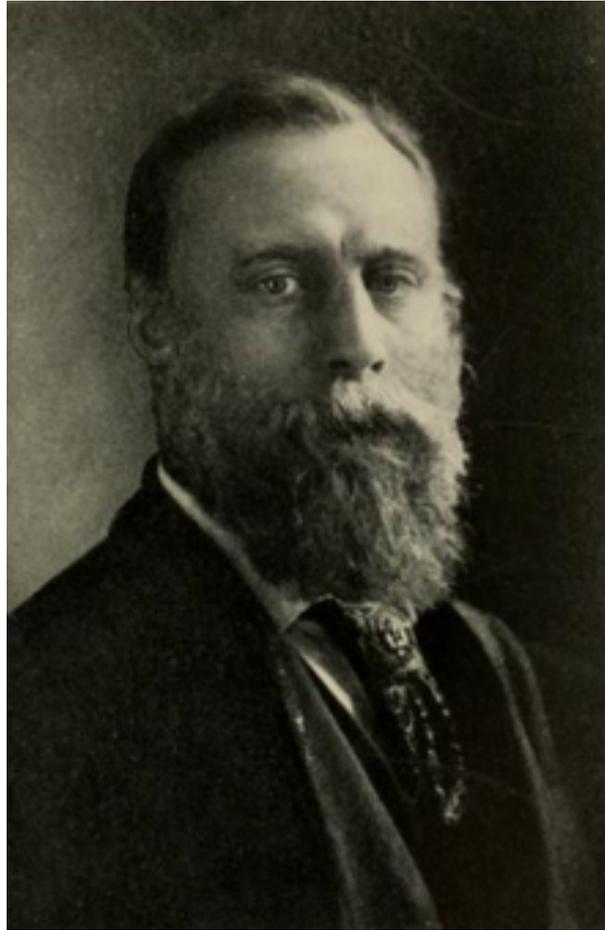
Аннотация

Ричард Ходсон (1855–1906) – один из выдающихся американских исследователей психизма; доктор права и доктор филологии; член Общества психических исследований в Лондоне и секретарь Американского Общества психических исследований.

Долгое время д-р Ходсон был ярким гонителем и противником спиритической доктрины, разоблачал медиумов-обманщиков, но, в конце концов, в результате терпеливого изучения и вникания в предмет выступил решительным сторонником спиритического учения.

Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой относительно подробные сведения о многолетнем труде, предпринятом им на пути к конечным выводам. Книга предназначена для широкого круга читателей.

© Общая концепция и русский текст: Йог Раманантата, 2020 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ НОВЕЙШЕГО РУССКОГО ИЗДАТЕЛЯ

Пора, давным бы давно пора положить конец тому бессовестному, бесстыдному и беспардонному шельмованию спиритизма и научных исследований, проделанных в своё время в данном направлении серьёзными и авторитетными учёными, со стороны всех тех недобросовестных сил, что присвоили себе право наименоваться «учёным сообществом», хотя на самом деле речь идёт здесь всего лишь о сговоре материалистически настроенных умов, находящихся в плену своих весьма ограниченных и примитивных представлений о жизни и обо всём прочем.

Засилье вздорной наукообразности и ложной науки привело к тому, что нынешняя думающая часть человечества охотно и вполне серьёзно изучает такие вопросы, как катары желудка у инфузорий или профилактика перелома ног у тараканов и блох и предпочитает эти «исследования» размышлению о глубоких тайнах души человеческой. В итоге интеллигенция даже не знает, есть ли у человека душа, и склоняется к бездумному утверждению того, что её нет, и потому с достойной последовательностью изучает всякий недостойный вздор и предаётся унижительной глупости.

А.В. Михеев, современный русский учёный, физик и математик, один из пионеров российской инструментальной транскомуникации, ввёл в обиход, на наш взгляд, очень удачное выражение и понятие: *труповёр*, *труповерие*. Под ним подразумеваются все те – и учёные, и обыватели, – кто верит, будто человек – это его тело, т.е. конструкция из мяса и костей; будто никакой души нет и что сознание – не более чем функция этой конструкции. Очень мудрёная, надо сказать, философия и крайне незатейливое мироощущение, которое подобные мыслители вполне разделяют с кошками, собаками и воронами, но каковое, по нашему разумению, совершенно неуместно у человека и недостойно его.

Суеверие, предрассудок и невежество – близнецы-братья, препятствующие сегодня признанию и становлению спиритизма как официально признанной науки. Но их, шаг за шагом, отгеснят свет разума и стрелы истины. Это – дело лишь ближайшего будущего, и научный мир вновь вступит в законное владение своим древним наследием. Для этого от нас теперь требуется лишь беспристрастное и точное исследование методов спиритической науки средствами различных других наук. И вовсе не потому, что спиритические истины нуждаются в подтверждении со стороны научных авторитетов, но просто из-за того, что некоторые учёные позволяют себе оспаривать их, не приводя при этом весомых доводов и фактов, не вникая в сам предмет и ничего о нём на самом-то деле толком не зная. Они просто считают этот вопрос раз и навсегда решённым – и для себя, и вообще. Припоминаем, как в 70-х годах прошлого века мы пытались втолковать суть этой науки и миропонимания одному знакомому преподавателю философии и услышали от него такой, с позволения сказать, аргумент, что-де вопрос этот окончательно был решён в своё время Энгельсом и Лениным, которые признали всё это вздором, и наука тоже давно всё это отвергла и сняла с повестки дня. Какое лукавство, и какая умственная ограниченность!

Люди многого не понимают, и более того, не видят нужды в понимании многого. Совсем не одно и то же, когда представления о мире и жизни расширяются или когда они углубляются. Кто идёт в глубину, тот знает самую суть, а кто двигается по поверхности, тот при поверхностных знаниях так и остаётся и не знает ничего существенного, более того, не догадывается о его существовании. Иной говорун (скажем, журналист-забавник Невзоров или интернетный лектор Савельев с его «выносом мозга») в результате постоянного словесного фехтования находится в отменной спортивной форме, что называется «за словом в карман не лезет», но это вовсе не значит, что он всегда прав или что он глубоко мыслит. Скорее наоборот, все эти выпады, пируэты, антраша и вообще весь его «балет» лежат на поверхности и за ними ничего, кроме мелкости, не скрывается, никакой глубины-то ведь нет.

Материалисты прекрасно понимают, что «духи» и «спиритизм» – это, извините, такая материя, которая властно принуждает их распрощаться с их труповёрным мировоззрением. По мысли Конан-Дойля, «просто само собой разумеется, что коль скоро дух может существовать и действовать без материи, то сам принцип материализма рассыпается во прах, повлекая за собой крушение всех вытекающих из него теорий». Поэтому у них по поводу сему остаются

только две возможности: первая – упираться на телепатию (что весьма зыбкая для них почва и на самом деле означает всего лишь отсрочку); и вторая – одержимо и упёрто твердить, что все медиумы – шарлатаны, а изучающие провоцируемые медиумами явления и феномены (пусть даже это учёные с мировым именем) все сплошь легковёрные глупцы и дураки. Последняя позиция представляется труповедам более сильной, вот они её и придерживаются. Такая у них, с позволения сказать, наука.

Барон Карл Дюпрель, в своей книге «Открытие души потайными науками», справедливо указывал: «Доказательства, взятые из трансцендентальной психологии, имеют тот недостаток, что они не могут быть общепризнаны, поскольку феномены этого рода не принадлежат к числу повседневных фактов; люди же в большинстве своём желают верить лишь тому, обо что они повседневно стучаются носом. Большинство людей могут попасть в область истины лишь путём зрения, а не путём мышления, и эта необходимость является главнейшей причиной сомнения».

Наивно думать, будто наука, серьёзная и большая наука не может обойтись без материализма и без всех этих, говоря по-русски, любителей ставить телегу впереди лошади. Науке вообще мало дела до философских кривотолков; единственное, что ей нужно, это то, чтобы философия стесняла её как можно меньше, ставила ей как можно менее узкие рамки. Когда-то, в пору средневекового мракобесия, такой философией был материализм, но лет где-то сто пятьдесят назад, после выхода в свет работ Кардека, а затем Мейерса, Крукса, Дени, Деланна, Конан-Дойля и остальных, его с полным основанием стал вытеснять спиритизм, хотя, правда, вскоре этот последний – в связи с революцией в России и двумя мировыми войнами – был задавлен твердолобым и теперь уже реакционным материализмом, который сегодня для науки является таким же тюремщиком и палачом, каким ей в средние века был католицизм. Сегодняшняя наука задыхается в материалистических тисках, как задыхался бы человек в не по размеру узком панцире, в который его насильно засунули инквизиторы. Но всё это не имеет значения, ибо чуть раньше или чуть позже истина всё равно восторжествует, и спиритизм займёт по праву принадлежащее ему место, пока что узурпированное дипломированными труповедами. По словам Дюпреля, «когда какой-то определённый ключ не подходит к данному замку, всегда вполне разумно попытаться подобрать другой. Однако наши горе-учёные, вместо того чтобы воспользоваться тем, что предлагает им трансцендентальная психология, всё продолжают навязывать физиологическое объяснение феномену человека, что равнозначно *упрямому желанию продолжать работу, уже давно ставшую никому не нужной*». (Курсив наш, – *И.Р.*)

Необходимо подчеркнуть, что в ту пору, когда явления эти действительно серьёзно изучались учёными (конец XIX-го века – начало XX-го), вопрос о неподложности, а зачастую и о невозможности подлога спиритических явлений, был многократно в положительном смысле решён авторитетными учёными и целыми учёными комиссиями – в Англии, во Франции, в Германии, в Италии, в Испании, в Соединённых Штатах и, не в последнюю очередь, в России. Не станем перечислять имена всех учёных, подтвердивших свою приверженность спиритизму (в ту пору его нередко называли «психизмом» и «спиритуализмом»), подписавших протоколы сеансов и издавших специальные сочинения, посвящённые данному вопросу. Ограничимся лишь первыми, кто приходит в голову: Крукс, Рассел Уоллес, Лодж, Рише, Жибье, Фламарион, Гюстав Жэле, Гелленбах, Цёлльнер, Дюпрель, Скиапарелли, Боццано, Ломброзо, Милези, Брофферрио, А.М. Бутлеров, Н.П. Вагнер, В.М. Запорожец... Среди них есть физики, химики, математики, астрономы, медики, психологи, биологи и так далее. Разумеется, их специальность, которая принесла им заслуженную славу и известность в их научной области, не давала им никаких реальных преимуществ перед теми, кто занимался конкретно данным направлением исследований, поскольку и те, и другие начинали равно с нуля. Но просто сам факт, что столь серьёзные умы заинтересовались данным предметом, уделили ему массу времени и дали ему своё подтверждение, говорит о многом. И заметьте: вникнув в дело, они не побоялись дать своё подтверждение, не взирая на неудовольствие и улюлюканье учёных коллег, не удосужившихся хотя бы ознакомиться с предметом.

При изучении этой проблемы следует учитывать то обстоятельство, что все учёные экспериментаторы, принимаясь за спиритические опыты, исходят из недоверия к медиуму,

они, как правило, видят в нём замаскированного обманщика и считают, что причиной феноменов является его искусное фокусничество. Это их изначальная умственная установка. И именно поэтому, поскольку такая подозрительность ведёт их к принятию всех возможных мер предосторожности, ни у одного здравомыслящего человека нет причин сомневаться в верности результатов их опытов и в справедливости тех выводов, к которым эти исследователи на основании своих опытов приходят, особенно в тех случаях, когда скептические исследователи начинают высказываться в пользу спиритизма и из его противников, гонителей делаются его сторонниками и поборниками.

Тем более на таком фоне забавна незатейливая «логика» врагов спиритизма: они полагают, что когда исследователи-практики не приходят в своих опытах ни к каким результатам и делают на этом основании лишь отрицательные выводы, то они, оказывается, всегда правы и, стало быть, им можно верить; когда же они приходят к подтверждению феноменов, то тогда они всегда ошибаются и результаты их не внушают никакого доверия. То есть, если опыты не подтверждают того, что Солнце вращается вокруг Земли, как то говорят нам глаза наши, но, напротив того, утверждают, что Земля вращается вокруг Солнца и вокруг своей оси, то, стало быть, и долой эти опыты, то, стало быть, им нельзя оказывать никакого доверия. И это на полном серьёзе! И это называется «наукой». Барон Рейхенбах оставил в этой связи весьма назидательную сентенцию: «Скептицизм иного учёного в своей глупости превзойдёт и тупость невежды». Профессор Баррет в той же связи писал: «Скептицизм, в высокомерии своём отказывающийся признать существование множества фактов, происходящих у него перед глазами, никак не может претендовать на звание здорового. Такой скептицизм нуждается во вмешательстве врача».

Русский химик А.М.Бутлеров, в одной из своих «спиритических» монографий писал: «Совершенно справедливо сказано кем-то, что привычка к мнению порождает убеждение в его непогрешимости. Вот эта-то привычка к известному мнению – составляющая в сущности ни что другое, как слепое верование – и лежит нередко в основе иных убеждений, из слывущих за научные. Побеждать такие убеждения (в сущности – предубеждения) трудно не только здравому умозрению, но и фактам; глаза и уши открываются тут и для фактов лишь исподволь, понемногу. Неослеплённому наблюдателю крайне интересно тогда следить за этим процессом невольного и многообещающего прозрения. Такой процесс ныне на полном ходу на глазах наших».

В самом деле, каждой личности, независимо от степени её способностей, приходится начинать сознательную жизнь с массы мелких ходячих понятий, составляющих необходимый багаж каждого. Когда-то это были религиозные догмы, сегодня это – догмы атеистические и материалистические, воспринимаемые каждым с пелёнок как нечто неоспоримое и само собою разумеющееся, хотя малейшее напряжение мысли, устремлённой в указанном уже направлении, способно сокрушить их с той же лёгкостью, с какой бы горный обвал сокрушил картонные домики, стоящие на его пути.

Сэр Вильям Крукс, великий английский физик и химик, открывший посредством спектрального анализа химический элемент таллий, много занимавшийся изучением физических явлений при прохождении электрического тока через разрежённые газы, открывший радиометрические силы и построивший измерительный прибор – радиометр, сконструировавший спинтарископ – прибор, позволяющий обнаружить присутствие отдельных альфа-частиц, работавший также в области астрономии, аналитической химии, свёкლოსахарного производства, крашения тканей и многого-многого другого, посвятил долгие годы своей исследовательской деятельности изучению спиритических явлений.

Для того, чтобы строго по-научному проконтролировать последние, он сконструировал особые приборы небывалой чувствительности и неслыханной точности. Ассистируемый замечательным медиумом мисс Флоренс Кук и другими учёными, столь же строго методичными, как и он сам, он проводил эти исследования в своей лаборатории в окружении специальной аппаратуры, которая делала невозможной всякую попытку мошенничества и подлога, о которых так любят твердить наши оппоненты. Сэр Вильям Крукс писал по поводу спиритических фактов: «После того, как я убедился в реальности спиритических феноменов, с моей стороны было бы малодушием и низостью отказать им в своём свидетельстве».

Мнение о спиритизме сэра Оливера Лоджа, другого крупнейшего английского физика, работы которого в области электричества, в частности теория ионов, известны во всём мире: «Что касается меня, то со всем чувством ответственности я должен заявить следующее: в результате своих исследований в психизме, я давно и совершенно постепенно приобрёл убеждение в том, что не только сохранение индивидуального существования есть факт, но и в том, что некоторые сообщения, пусть случайно, с трудом и при определённых условиях, могут всё же дойти до нас сквозь пространство. Предмет этот не из тех, что позволяют делать быстрые и лёгкие выводы; доказательства могут быть получены лишь теми, кто посвящает ему время и серьёзные исследования». И далее: «Я был лично приведён к уверенности в будущем существовании доказательствами, покоящимися на чисто научной основе». Продолжая свои исследования, этот же учёный, бывший также ректором Бирмингемского Университета и членом Королевской Академии, писал ещё: «Я признаю себя спиритом, поскольку я должен принять спиритические феномены как реальный факт».

Фредерик Мейерс, профессор из Кембриджа, которого международный Спиритический Конгресс 1900-го года в Париже избрал почётным председателем, в своём фундаментальном исследовании «Человеческая личность и её сохранение после смерти тела» (“Human Personality and its Survival of Bodily Death”) приходит к выводу, что из потустороннего мира до нас могут доходить голоса и послания. Говоря о медиуме миссис Томпсон, он пишет: «Я считаю, что бóльшая часть этих посланий приходит от духов, которые временно пользуются организмом медиумов, для того чтобы передать их нам». Профессор Ф. Флурнуа из Женевского Университета, известный в своё время скептик по такого рода вопросам, о важности данного сочинения высказался в следующих выражениях: «Доказательства и рассуждения, выдвинутые Мейерсом в пользу сверхъестественных психических феноменов представляют собой, по своей численности и весомости, слишком объёмное досье для того, чтобы теперь можно было его игнорировать, если только нарочно не закрывать на него глаза; и было бы явным сумасбродством пытаться ныне отрицать его всё целиком под тем фальшивым предлогом, будто подобный предмет не заслуживает внимания науки».

Надобно, при этом, сказать, что более поздние исследования, проделанные в данном направлении, в которых всё было начато с нуля и оказались проигнорированными все былые достижения нашей науки (начиная с теоретического вклада, сделанного в самом начале Алланом Кардеком), хотя и глубоко трогают своей наивной неуверенностью первооткрывательства, однако по сути дела представляют собой праздную попытку заново изобрести велосипед. Такова, например, чтобы не говорить о многих других, любопытная книга Рэймонда Моуди «Жизнь после жизни». Поскольку достижения этой школы в сравнении с тем, что уже было сделано прежде, следует рассматривать как шаг назад и беспомощное топтание на месте, то мы не принимаем их здесь в расчёт, предпочитая ограничиться анализом «классических» текстов спиритизма, которые по необходимости перемежаются ценными замечаниями. Но всё же читателю следует постоянно помнить, что все эти новейшие исследования второй половины XX-го века, начавшиеся на голом месте, без учёта ранее достигнутого в этой области, льют воду на ту же мельницу, что и те, о которых речь идёт здесь.

Ричард Ходсон (1855–1906) – один из выдающихся американских исследователей психизма; доктор права и доктор филологии; член Общества психических исследований в Лондоне и секретарь Американского Общества психических исследований.

Долгое время д-р Ходсон был ярким гонителем и противником спиритической доктрины, разоблачал медиумов-обманщиков, но, в конце концов, в результате терпеливого изучения и вникания в предмет выступил решительным сторонником спиритического учения.

Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собою относительно подробные сведения о многолетнем труде, предпринятом им на пути к конечным выводам. Книга эта является переработанной публикацией издания, осуществлённого по собственной инициативе редакцией русского спиритического журнала «Ребус» и вышедшего в 1900г. Редакция уведомляла, что сведения эти извлечены из отчёта д-ра Ходсона, помещённого в «Протоколах лондонского Общества психических исследований» в томе XXXIII, стр. 284-582, причём при подборе русского текста внимание, главным образом, было обращено: 1) на способ и условия, какими обставил свои исследования д-р Ходсон; 2) на особенности медиума – миссис Пайпер,

при помощи которой он производил свои наблюдения, и 3) на выводы и заключения, к которым, на основании первых двух пунктов, пришёл этот талантливый и терпеливый труженик.

Окончательное своё мнение по данному вопросу доктор Ходсон сформулировал в следующих выражениях: «Не имея в том и тени сомнения, я считаю, что наши спиритические корреспонденты являются именно теми людьми, которыми они себя называют; я считаю, что они пережили изменение, называемое нами «смертью» и что они сообщались с нами, так называемыми «живыми», посредством организма погружённой в транс миссис Пайпер».

Доктор Ходсон, скончавшийся в декабре 1906 года, стал с той поры медианимическим путём являться своему другу – профессору Джеймсу Гислопу. При этом он с исчерпывающей точностью вдавался во многие подробности опытов и работ, проведённых Обществом психических исследований, секретарём американского отделения коего он являлся. Сообщения эти, совершенно согласованные между собой, были переданы адресату разными медиумами, которые абсолютно друг друга не знали. В них можно найти слова и выражения, присущие доктору при его жизни. (См. “Journal of the American Society for Psychical Researches”, november, 1907.)

При работе над текстом перевода мы вынуждены были отступить от первоначального варианта русского текста, опубликованного в 1900 году, внося необходимые исправления и уточнения, но, разумеется, не злоупотребляя своими полномочиями. Необходимо, пожалуй, отметить один филологический курьёз: если сегодняшние русские переводчики нередко пишут французские и немецкие имена, фамилии и слова на английский лад (*не будем даже комментировать это позорное явление!*), то в старорежимной, т.е. «дореволюционной» России была другая крайность: все английские фамилии, имена и слова по-русски писались на французский манер (*что также недопустимо*). В новом тексте нет никаких «Жоржей Пельгамов» и прочего в этом роде. Вернёмся, однако, к нашей основной теме.

Всё живое и истинное вырывается на волю – его не удержать в клетке. Что ни говорите, поразительно и восхитительно: на протяжении своей истории изначально и поэтапно, а после того *по нарастающей* и *уже навсегда* земное человечество имело следующие способы взаимодействия с *тонким миром*, и они же неопровержимые свидетельства и доказательства его существования:

- 1) **откровения** (пророки) и **вдохновения** (художники, учёные, философы);
- 2) **окультисты, маги и йоги**;
- 3) **некромантия** (архаичный спиритизм античности, средневековья и нецивилизованных народов и рас);
- 4) **медиумизм** (с середины XIX века: типология, левитация, аппорты... и что гораздо важнее: автоматическое писание, прямой голос, трансфигурация и инкорпорация);
- 5) **неоспиритизм** (учение Высших Духов через Аллана Кардека и его медиумов);
- 6) **регрессия памяти** (как доказательство закона реинкарнации и множественности существования);
- 7) **реаниматология** (свидетельства умиравших и неумерших);
и наконец:
- 8) **инструментальная транскомуникация** (информационный обмен между обитателями плотного и тонкого миров с использованием технических средств – компьютеров, «айфонов» и прочих «гэджетов», на более ранних этапах – радиоприёмников, магнитофонов и т.п.).

В совокупности взятое всё это называется одним словом – *спиритизм*. Все эти явления изучались и сегодня изучаются серьёзными учёными. И пренебрегать показаниями людей, знающих толк в точных наблюдениях, по меньшей мере, безрассудно.

Всё просто и ясно, всё это работает как совместно, так и в отдельности, но загнипнотизированным обитателям сансарного мира этого попрежнему мало, человечеству это неубедительно и не вызывает у него никакого интереса. Зато где-то рядом и сбоку, по принципу «слышал звон да не знаю, где он», как паразиты и ядовитые грибы, появляются «ведьмаки», колдуны, церкви, конфессии, «духовные» институции. И это-то и завладевает вниманием человечества, которое кормится сими ядовитыми грибами, и в результате у него

начинаются галлюцинации, иллюзии и бред. Такова наша земная действительность – беспроектное результирующее внутрисадного гипноза.

На самом же деле, конечно, следует помнить и понимать, что на Земле живёт не только маленькая часть человечества, но и далеко не лучшая его часть.

Уже во всём мире есть группы энтузиастов, которые без всякой поддержки государства и официальных «научных» структур лишь на собственные средства создают и опробывают соответствующую аппаратуру для установления контактов и общения с тонким миром и его обитателями – мы говорим об инструментальной транскомуникации. О, если хотя бы сотая, да что там! – десяти тысячная часть того времени и тех денег, что сейчас вкладываются и тратятся на развитие военной «промышленности», бесконечную софистициацию мобильной связи, на насаждение и пестование спорта и прочей чуши и ахинеи, была направлена на создание соответствующих приборов и установление контакта с так называемыми «умершими», то проблема эта была бы давным-давно уже решена и земной человек точно так же бы знал о принципиальной бессмертии своей природы, как сегодня он знает о том, что Земля круглая и что она вращается в космическом пространстве вокруг Солнца. Пока что же, если продолжить образ, солнце вращается у нас вокруг плоской и неподвижной земли, которая стоит, по мнению одних, на четырёх китах, тогда как, по убеждению других – опирается на четырёх слонов, и именно об этом сейчас и идут все споры в научной, религиозной и политической сферах жизни нынешнего человечества. О, суэта суёт! О, добровольное самоослепление!

Правое слово, надо бы понимать, что пресловутой «лжи во спасение» не существует. Всякая ложь «во погибель». Конечно же, всякий желающий волен верить в небытие, но сила за тем, кто знает, что небытия нет, а есть жизнь вечная.

На старости лет разумный человек неизбежно задаётся вопросом – что теперь такое его нынешняя жизнь: она – бонус или наказание? Если он верит в будущую жизнь, то теперешняя его жизнь ему представляется наказанием, а если нет, то – бонусом. Но, на самом деле, всё наоборот: если человек знает о будущей жизни, то нынешняя жизнь для него – бонус; а если нет, то она – наказание. Весь нюанс – в различии между знанием и верой.

ॐ paramahansa

Москва, 7 января 2020 г.

ВСТУПЛЕНИЕ*

* При нашей передаче работы д-ра Ходсона мы старались, по возможности, ближе придерживаться его способа изложения, а потому слог этих статей теряет в литературном отношении; но в виду огромного значения и важности выводов д-ра Ходсона, мы предпочли не изменять сухую и своеобразную терминологию его отчёта. (*Прим. переводчика*)

О феноменах во время транса миссис Пайпер мною уже было сделано два доклада Обществу**, и теперь я только вкратце ознакомлю читателя с обстоятельствами дела. Миссис Пайпер впадает в транс, и при этом, повидимому, другие личности, совершенно отличные от её нормального «я», проявляют себя через её организм: через её орган речи или же пишут её рукой. Эти личности обнаруживают знания и сведения, каких в нормальном своём состоянии миссис Пайпер иметь не могла; выдают же она себя за «духов» умерших людей; сообщения их носят вполне отпечаток самоличности, узнаваемый их друзьями, присутствовавшими на сеансах миссис Пайпер.

** “Proceedings of the London Society for Psychical Research”. Vol. VI, pp. 436—650 and Vol. VIII. pp. 1—167.

Разумеется, прежде всего возникает подозрение в сплошном и искусном обмане. Этот вопрос подробно разобран в предыдущих моих работах, и здесь я сообщу лишь вывод, к которому я пришёл в результате многолетних наблюдений.

Моё знакомство с миссис Пайпер началось в 1887 году через профессора Уильяма Джеймса. Профессор Джеймс уже присутствовал на её сеансах раз двенадцать и знал её года полтора. На эти сеансы он приводил очень многих лиц, причём имена этих лиц тщательно скрывались от медиума. В результате своих занятий с миссис Пайпер профессор Джеймс вполне убедился в сверхнормальных способностях миссис Пайпер.

Лично я был на многих сеансах с ней и получил много сведений, касающихся меня, частных и интимных, о которых миссис Пайпер знать ни в каком случае не могла; я тоже многих приводил на сеансы с нею, соблюдая относительно их самое строгое инкогнито, и пришёл в конце концов к тем же выводам, что и профессор Джеймс. Большинство вводимых мною на сеансы лиц высказывало глубокую уверенность, что сведения, им сообщённые через миссис Пайпер, не могли быть ею получены обычным путём. Наконец, по предложению одного из членов нашего Общества, в продолжении многих недель миссис Пайпер, её муж и все её окружающие находились под самым строгим наблюдением сыщиков – и ни малейшего указания на что-либо, похожее на обман, не было найдено.

Мои же личные наблюдения заставили меня прийти к такому выводу: если бы мы допустили полную возможность для миссис Пайпер собирать справки в самых обширных размерах и всевозможными способами: обычным путём, случайными совпадениями, замечательной способностью угадывать, при сознательной или бессознательной помощи со стороны участников сеанса, при помощи предполагаемой в миссис Пайпер гиперестезии – всё-таки в остатке получается очень большой запас сведений, обнаруживаемых миссис Пайпер в состоянии транса, который не может быть объяснён ни чем иным, кроме признания за ней способностей сверхнормальных. Это убеждение при дальнейшем знакомстве с миссис Пайпер всё более и более укрепляется во мне.

В ноябре 1889 года миссис Пайпер, по нашему приглашению, приехала в Англию и пробыла здесь до февраля 1890 года. За это время она дала 83 сеанса под наблюдением доктора Уолтера Лифа, профессора Лоджа и мистера Мейерса.* Нечего и говорить, что предосторожности самые тщательные были соблюдены, и тем не менее вышеназванные учёные вполне подтвердили мои выводы и пришли к тому же убеждению, как и я, хотя и разошлись в объяснении этих сверхнормальных способностей. Так, д-р Уолтер Лиф решил, что д-р Финюи – лицо, наиболее постоянно проявляющееся во время трансов миссис Пайпер, – «есть только второе «я» миссис Пайпер, назвавшееся отдельным именем и выдерживающее

свою роль с упорством и постоянством, замечаемыми и в других подобных случаях», и что вообще феномены эти могут быть объяснены гипотезой чтения мыслей участников сеанса. Профессор Лодж, наоборот, допускает вполне сверхнормальный характер некоторых явлений транса миссис Пайпер, признаёт невозможность объяснить их чтением мыслей и видит себя вынужденным принять гипотезу «телепатического общения с отсутствующими лицами и, наконец, – в крайнем случае – телепатическое общение с умершими, но непременно – телепатию какого бы ни было рода».

Сэр Оливер Джозеф Лодж (1851–1940) – английский физик и изобретатель; помимо прочего, один из создателей радио. Лодж известен также как исследователь психизма и жизни после смерти. С 1901 по 1903 год был президентом Общества психических исследований. Написал целый ряд книг, посвящённых спиритизму и философии бессмертия, наиболее известная и популярная из них – «Рэймонд, или Жизнь и Смерть» о спиритических контактах с его сыном Рэймондом Лоджем, погибшим на фронте во время Первой Мировой войны.

Фредерик Вильям Генри Мейерс (1843–1901) – английский поэт, критик и эссеист; профессор Кембриджа; один из основателей Общества психических исследований; автор, помимо прочего, фундаментального 2-томного труда «Человеческая личность и её сохранение после смерти тела».

Сэр Уолтер Лиф (1852–1927) – английский банкир, знаток классической литературы и исследователь психизма; член Общества психических исследований; перевёл на английский книгу Всеволода Соловьёва «Современная жрица Изиды». Изучал медиумические способности миссис Пайпер, но, в отличие от Ричарда Ходсона, ни к каким заслуживающим внимания выводам прийти не сумел. (И.Р.)

В моих собственных прежних отчётах об этих сеансах, до 1891 года, я придерживался долгое время следующей гипотезы, казавшейся мне достаточно удовлетворительной – гипотезы самогипноза, причём, второе «я» миссис Пайпер, или искренно заблуждаясь, или сознательно обманывая, выдаёт себя за духа умершего человека (д-ра Финюи), а также и за различных других умерших лиц согласно представлению о них, стихийно наличествующему у участников сеансов. Однако я уже и тогда добавлял, что моё доверие к этой гипотезе в значительной мере подорвано более близким знакомством с личностью Финюи и некоторыми другими проявлениями и что я далеко не уверен в возможности объяснить эти явления какою-либо из существующих ныне теорий. Многие участники выносили после сеанса глубокое убеждение, что они беседовали именно с таким-то, хорошо им при жизни известным, умершим; а с другой стороны, Финюи не мог дать хотя сколько-нибудь удовлетворительных сведений о себе самом, не мог доказать своей самоличности ни как вообще умершего и прежде жившего на земле человека, ни тем более как француза-доктора.

Бывали и вполне неудачные сеансы: к сведениям безусловно верным примешивалось много ошибочного и ложного. Часто замечалось со стороны Финюи стремление выпытать у участников какое-либо сведение или же говорить по догадке; иногда, среди самых удивительных по своей интимности и точности сведений, Финюи вдруг не мог дать ответа самого простого и хорошо известного участнику, с ним беседующему. Одним словом, беспристрастному наблюдателю представлялось совершенно невозможным, как – с одной стороны обойтись теорией телепатической, так – с другой – признать бесповоротно спиритическую теорию.

В таком положении было дело до последнего времени, когда произошло значительное усиление доказательности явлений и они осветились новым, придающим им особое значение, светом. Одним из этих усиливающих обстоятельств была внезапная смерть (в 1892 году) и проявление одного молодого человека, сильно интересовавшегося такого рода изысканиями и стоявшего в курсе работ Общества психических исследований. Он проявил себя через транс миссис Пайпер месяц спустя после своей смерти и с *тех* пор не только сам даёт сообщения, но усердно помогает и другим «проявляющимся». Его я буду называть Джорджем Пелхэмом (псевдоним); вопрос же о том, действительно ли он то лицо – Пелхэм, которого я знал ранее, действительно ли и *все* остальные персонажи транса миссис Пайпер представляют собою нечто самостоятельное, отличное от личности миссис Пайпер, участников сеансов и прочих живущих на земле людей – я оставляю *пока* открытым. Во всяком случае, их речь, манера говорить и заявлять себя настолько различна от особы

миссис Пайпер, что я придам неверную окраску описанию явлений, говоря об этих «сообщающихся» лишь как о проявлениях транса миссис Пайпер. Точно так же, делаю постоянные оговорки, вроде: «называющий себя», «предполагаемый», «выдающий себя за», я рискую осложнить свой отчёт и даже бесполезно запутать его. Поэтому я впредь буду говорить о Финюи, Джордже Пелхэме и других как об отдельных, вполне самодовлеющих лицах. Повторяю: они имеют именно такой характер и это-то придаёт сеансам миссис Пайпер особую окраску.

Другое обстоятельство, увеличившее доказательность, состояло в развитии автоматического письма во время транса. В то время, когда Финюи овладевает организмом миссис Пайпер и проявляется посредством голоса, другой кто-нибудь из «сообщающихся» проявляется посредством пишущей руки; при этом Финюи «теряет руку» и, повидимому, понятия не имеет о том, что пишется. Проявление через письмо главным образом разработал Джордж Пелхэм, а за ним и другие стали прибегать к этому методу вместо того, чтобы пользоваться Финюи как передаточным лицом.

В марте 1893 года миссис Пайпер подверглась операции: в женской хирургической клинике: была удалена травматическая опухоль, служившая в продолжении многих лет причиной постоянного недомогания. В 1896 году миссис Пайпер снова перенесла операцию вследствие развившейся *hernia*, представляющей довольно частое последствие первой операции. Только в октябре этого года можно было вновь приступить к сеансам. С этого времени миссис Пайпер заметно начала поправляться, и в настоящее время её можно считать вполне здоровой женщиной.

Со времени опубликования моего последнего отчёта я наблюдал 500 сеансов; из них некоторые – с прежними участниками – не записаны; отчёты некоторых сеансов не могут быть напечатаны по нежеланию участников предать их гласности, в какой бы то ни было форме, вследствие интимности сообщений. Имеются и такие отчёты сеансов, которые я мог бы напечатать с большими опущениями – по той же причине, – вследствие чего они потеряли бы всё своё значение. Затем есть и такие описания, которых я не мог выпросить у участников, несмотря на предварительный уговор, что подлежать напечатанию будет всё, что не будет носить слишком интимного характера. Вследствие всех этих причин много драгоценных, в высшей степени доказательных случаев, утрачены для публики. Кроме этого, были сеансы, исключительно посвящённые мною на то, чтобы добыть, если только возможно, от самих «сообщающихся» объяснения феноменам. Эти сведения неудобны для печати по причине их недоказательности: по крайней мере в настоящем периоде исследования; по моему мнению, печатание этих отчётов преждевременно, я буду делать лишь иногда выдержки из них в виде пояснений и ссылок.

Тем не менее, несмотря на массу материала, опубликовать который невозможно или нежелательно, в нашем распоряжении всё же остаётся такое количество описаний сеансов, что *in extenso* печатать его всё представляется излишним. Поэтому многие описания я выпускаю вовсе, а многие передаю в значительно сокращённом виде.

Следует добавить, что огромное большинство сеансов прошло под моим личным надзором и мною самим записывалось всё происходившее, в остальных же меня заменяла моя помощница, мисс Эдмондс, или же сеансы записывались стенографически.

Серия первоначальных сеансов миссис Пайпер представляет интерес исключительно в смысле доказательства сверхнормальных способностей миссис Пайпер; эти сеансы чрезвычайно доказательны как иллюстрация знания миссис Пайпер фактов, узнать которые нормальным путём для неё не представлялось никакой возможности. Но как эти сеансы ни замечательны, они не могут служить базисом для утверждения «спиритической» гипотезы, хотя они и влияли на некоторых участников в смысле глубокого убеждения в самоличности их отшедших родственников. Во всяком случае для беспристрастного наблюдателя эти сеансы представляются отдельными группами фактов, связанных между собою, пожалуй, только неизменной на этих сеансах личностью, называющей себя *д-ром Финюи*.

Что же касается до участников, вынесших твёрдое убеждение, что они беседовали с хорошо им известными близкими, то я о них уже упоминал в предыдущих работах и здесь приведу только некоторые выписки из писем.

Некто мисс Р*** пишет о «проявившемся» своём друге:

«Множеством мелких особенностей, описать которые невозможно, но которые свойственны были при жизни моему другу, он настолько ярко доказал мне свою самоличность, что теперь, я полагаю, было бы совершенно невозможно уверить меня, что это не он сам – совсем отдельно от медиума, помимо всякого чтения моих мыслей – беседовал со мной».

А другая особа, мисс В*** пишет:

«Ярко очерченная личность моего друга представляет для меня неопровержимое доказательство сверхнормальных особенностей миссис Пайпер, но убедить других на основании этого доказательства, конечно, невозможно».

Точно такую же особенность представляют и «проявления» Дж. Пелхэма – молодого человека, о котором я упоминал. Самые замечательные его сообщения, в которых с особой силой подчёркивается его личность, касаются не только его, но и многих ещё живущих лиц, их частных дел и интимных отношений. Я постараюсь, однако, насколько возможно, передать общий тон этих сообщений. Говоря именно о первых сеансах из этой серии, в предыдущем своём отчёте я писал:

«Некоторые из сеансов миссис Пайпер за последнее время настолько материально доказательны, что становится очевидным присутствие какой-то силы, которая не может быть объяснена передачей мыслей и которая *prima facie*, несомненно, требует для своего объяснения «спиритическую» гипотезу в какой-либо форме».

Прежде чем приступить к более подробному рассмотрению этого рода сеансов, я должен сделать возможно полное описание развития автоматического письма миссис Пайпер.

Глава Первая

РАЗВИТИЕ АВТОМАТИЧЕСКОГО ПИСЬМА ВО ВРЕМЯ ТРАНСА МИССИС ПАЙПЕР

Первый случай автоматического письма, который я лично наблюдал, произошёл 12-го марта 1892 года. Одна дама, участница на сеансе, принесла с собой ради опыта несколько вещей и, среди прочего, кольцо, принадлежавшее некоей умершей Анне Д***. Финюи дал несколько сведений об этой Анне; в конце же сеанса правая рука миссис Пайпер стала медленно подниматься кверху и остановилась около затылка. Предплечье было судорожно фиксировано в этом положении, кисть руки сильно дрожала. Финюи несколько раз восклицал: «Она отнимает у меня руку!» Затем прибавил: «Она хочет писать». – Я вложил в руку карандаш и подложил под него, на голову миссис Пайпер, записную книжку; но писания не последовало до тех пор, пока я, повинаясь указанию Финюи «держать руку», не схватил эту руку и силою не остановил её дрожание и подёргивание. Тогда было написано:

«Я – Анна Д***» (*фамилия была названа правильно.*) «Я не умерла... Я не умерла, я живу... Я не умерла... Мир... Прощай... Я – Анна Д***».

Рука выпустила карандаш, а Финюи принялся по обыкновению ворчать:

«Отдай мне мою руку, отдай мою руку!...»* Однако рука некоторое время продолжала сохранять прежнее положение, затем медленно и как бы с трудом опустилась, и Финюи, повидимому, вновь получил её в своё распоряжение. Ранее я видал писание Финюи, но не предполагал, чтобы мог кто-либо иной проявляться через письмо одновременно с проявлением Финюи через посредство голоса. После я узнал от мисс А.М.Р***, сеансы которой с миссис Пайпер описаны мною в предыдущем отчёте Обществу, что её друг Н*** писал во время «овладевания» со стороны Финюи: мисс Р*** нашла в своём описании сеанса 23-го мая 1891 года следующую заметку: «Написано во время проявления Финюи: Н*** проявлялся посредством руки и писал мне».

* В соответствии со спиритической традицией, речь или ответ духа на заданные ему вопросы пишется в кавычках; вопросы же и комментарии *посюсторонних* участников сеанса пишутся без кавычек. (*И.Р.*)

Вслед за первым случаем последовало ещё несколько сеансов с писанием при тех же условиях, т.е. на голове миссис Пайпер, но, повидимому, с меньшим неудобством для Финюи. Во время сеанса 29-го апреля 1892 года я поставил столик так, чтобы правая рука миссис Пайпер могла удобно поместиться на нём, и настаивал, чтобы писание происходило на столе, а не на голове.

Рука уже заняла своё положение около затылка, и Финюи заявил, что «Джордж» хочет писать, но всё-таки – частью убеждениями, частью употреблением немалой-таки силы – мне, наконец, удалось опустить руку на стол.

Вообще судорожные движения всегда предшествуют явлениям; иногда они достигают очень большой силы – и преимущественно, когда рукой овладевают для писания, так что всё летит со стола и карандаши ломаются в мелкие осколки; когда же рукою овладевает Финюи, судорожные явления бывают слабее. Иногда во время писания рука спазматически останавливается и сильно сводится во всех сочленениях; но через несколько секунд спазм проходит и писание вновь продолжается. Одновременно с процессом писания Финюи свободно может разговаривать. На одном сеансе, на котором я присутствовал, Финюи слушал стенографический отчёт, предыдущего сеанса, обсуждал его и вносил поправки, и в то же время называвший себя именем умершего друга одного из участников сеанса беседовал с этим участником при помощи письма о совершенно посторонних вещах. Продолжалось это в течение минут двадцати одновременно. В другой раз мне передавали, что в продолжении часа Финюи вёл чрезвычайно оживлённый и быстрый разговор с двумя-тремя молодыми девушками, в то время как через письмо сообщался с другим участником его умерший друг; при этом единственным отвлекавшимся из всех собеседников был участник, беседовавший

через посредство письма, и ему был написан упрёк в рассеянности. Я часто наблюдал, но в более короткие промежутки времени, руку, письменно беседующую с одним лицом, и Финюи, разговаривающего со мною, и если только присутствовал и Финюи, я всегда мог вызвать это двойственное явление. Всегда, в тех случаях, когда рука пишет независимо от Финюи, орган слуха для овладевшего рукой проявляющегося имеет место в руке, Финюи же слышит, повидимому, обычным путём – посредством уха. Эта видимая гетерестезия будет мною подробно рассмотрена во 2-ой части моего отчёта.

Писание бывает не на каждом сеансе и исходит от разных личностей. Относительно характеристики почерков я буду говорить впоследствии, здесь же упомяну только, что на почерк влияют большее или меньшее возбуждение пишущего, его более или менее частое упражнение в писании и, вероятно, ещё другие причины, не поддающиеся пока точному исследованию. Кроме того, пишущий, повидимому, совершенно не сознаёт, что он «пишет», если его так или иначе не поставить в известность относительно этого. Процесс писания, с точки зрения «сообщающегося», скорее походит на определённое вырабатывание мыслей при желании передать их тому, с кем он беседует: я думаю, основываясь на наблюдениях, что кто бы ни были эти сообщающиеся, но такое их утверждение совершенно согласно истине.

Вскоре после начала автоматического письма мне пришло в голову, что левая рука могла бы тоже писать, и я высказал Финюи надежду, что когда-нибудь мы увидим одновременно многих «проявляющихся» – на каждый палец медиума по отдельному, – беседующих на различные темы, причём он, Финюи, будет сообщаться посредством голоса. 24-го февраля 1894 г. один проявляющийся, которого мы называли «Е***», говоря о некоторых медиумах, написал: «В этих случаях нет причины, почему несколько духовных интеллектов не могли бы проявляться одновременно через один и тот же человеческий организм». Тогда я упомянул о предполагаемом мною опыте писания обеими руками сразу и сказал, что мы попробуем как-нибудь устроить, чтобы «Е***» писал одной рукой, а «Джордж Пелхэм» – другой. На следующем сеансе 26-го февраля, когда я был один и совсем к тому не подготовлен, была сделана попытка писать обеими руками. 18-го марта 1895 года эта попытка возобновилась и с гораздо уже большим успехом; на этом сеансе я был с мисс Эдмондс. Её «покойная» сестра писала посредством одной руки медиума, а «Джордж Пелхэм» посредством другой, и в то же время Финюи разговаривал. Все трое сообщавшихся беседовали одновременно и на разные темы.левой рукой однако было написано очень немного; повидимому, затруднение проистекало от несовершенств левой руки как орудия писания. Иногда перед началом писания Финюи предупреждает, что такой-то «будет говорить с вами сам»; иногда рука «схвачена» и продельывает ряд предварительных судорожных движений и даже пишет, а Финюи, не останавливаясь, продолжает разговор и, повидимому, ничего не замечает. Однажды одна дама была углублена в разговор с Финюи о своих родных; я присутствовал тут же и, будучи близко знаком с этой дамой и её семейством, принимал участие в разговоре. Внезапно рукой овладели довольно спокойно, и мне было написано сообщение совершенно интимного характера, шедшее будто бы от моего умершего друга. Впечатление получилось такое, как если бы этот друг вошёл в комнату, где разговаривают посторонние ему люди, подошёл ко мне и, не нарушая общего разговора, прошептал бы мне на ухо нечто, меня лично касающееся.

В тех случаях, однако, когда появляется новый сообщающийся, Финюи часто требует от участника «говорить с ним», т.е. с пишущим, хотя Финюи не прочь продолжать устную беседу, если этого желают. Собственно он, кажется, даже предпочитает это, но если участник сеанса отдаёт своё внимание руке, то Финюи часто делает загадочные замечания вроде: «Я помогу ему» или «Я помогу ему держаться». Иногда Финюи требует, чтобы ему дали чем-нибудь заняться на это время – какой-нибудь предмет, по поводу которого он, случается, рассказывает что-нибудь, писание же продолжается своим чередом. Во всякое время в подобных случаях можно привлечь внимание Финюи, говоря на ухо медиуму; Финюи сейчас же вступает в беседу, которая ничем не отражается на продолжающемся писании.

Глава Вторая

О ПРОЯВЛЕНИЯХ ДЖОРДЖА ПЕЛХЭМА

Я намерен указать, какого рода доказательность представляют собою проявления Джорджа Пелхэма.*

* О Джордже Пелхэме было много уже говорено в нашем журнале, так что эта трансовая личность достаточно известна читателям «Ребуса». Поэтому мы приступаем прямо к суммированию и выводам д-ра Ходсона. (ред. «Ребуса»)

Первое его проявление было в присутствии мистера Гарта в марте 1892 г. Джордж Пелхэм при этом назвал себя Гарту, упомянул о некоторых общих друзьях и говорил о личных своих интимных делах. На том же сеансе им было сообщено о некоторых обстоятельствах, присутствующим совершенно неизвестных, как например, о запонках, которые были сняты с трупа Джорджа Пелхэма его мачехой и переданы ею его отцу для отсылки этих запонки мистеру Гарту. Затем он упоминал о разговоре, который Джордж Пелхэм при жизни имел с Екатериной, дочерью его самых близких друзей, Говардов. Это был первый случай, указывавший на знание Пелхэмом обстоятельств, неизвестных участникам сеанса; впоследствии таких примеров было множество: примеров знания событий, совершавшихся после смерти Джорджа Пелхэма, а также и обстоятельств, при жизни ему неизвестных. Неделю спустя на сеансе с мистером Венсом Джордж Пелхэм очень кстати спросил о сыне м-ра Венса, упомянул, что учился с ним в колледже и затем дал вполне точное описание дачи м-ра Венса, где Джордж Пелхэм однажды гостил. Подобные случаи впоследствии также нередко повторялись, т.е., уместные вполне расспросы и воспоминания о личных друзьях Джорджа Пелхэма. Недели через две на сеанс явились его близкие друзья Говарды, и Джордж Пелхэм через посредство голоса миссис Пайпер выказал такую полноту воспоминаний, знания обстоятельств и столько особенностей интеллектуальных и психических, присущих Джорджу Пелхэму при жизни, что Говарды не могли устоять перед очевидностью самоличности его и убедились безусловно, несмотря на то, что ранее не интересовались никакими психическими изысканиями. В дальнейшем их уверенность только росла и наконец окрепла. Между прочим, характерна его забота об одной его книге и об оставшихся после него письмах, касающихся его интимных дел. Особенно Джордж Пелхэм желал убедить в своей самоличности своего отца и вскоре сообщил факт, никому – даже мачехе его – неизвестный, а именно, что отец отдал его портрет для снятия копии. Он сообщил многое, тоже неизвестное ни одному из участников сеансов, относительно домашних занятий и дел миссис Говард. На одном из сеансов, в присутствии своего отца и мачехи, Джордж Пелхэм оказался совершенно в курсе интимных семейных дел, а на следующем сеансе, в их отсутствии, сообщил о том, что они делают дома в данное время. На других сеансах, в присутствии своих родных и Говардов Джордж Пелхэм много говорил о различных предметах, принадлежавших ему при жизни; делал комментарии о принесённых на сеанс вещах, спрашивал о других и доказал вполне ясную, обстоятельную память о всех деталях своей земной жизни. Ни разу Джордж Пелхэм не ошибался относительно вещей, ему принадлежавших, так же как ни разу не ошибся в признании лиц, ему знакомых в земной его жизни, и вёл себя в проявлениях своих именно так, как вёл бы себя Джордж Пелхэм в подобных случаях при жизни на земле, т.е., друга отличал от хорошо знакомого и хорошо знакомого никогда не смешивал с человеком, ему мало или только официально знакомым. На одном из первоначальных сеансов Джордж Пелхэм заявил, что он принимает на себя задачу доказать своё продолжающееся за гробом существование и помочь всеми силами другим в том же; при этом он напомнил обещание, данное им мне за два года до своей смерти: если он умрёт ранее меня и убедится, что «продолжает жить», то он посвятит все свои силы на то, чтобы доказать этот факт. И действительно: упорство, с которым он старался преодолеть затруднения, его неослабное стремление оказывать помощь другим проявляющимся, воздействие, какое он оказал на меня, как на исследователя, а также

и его воздействие на других участников опытов и сообщающихся – насколько возможно определённо высказаться в столь сложном и мало обследованном явлении, – всё обличало в проявлявшемся ту пронизательность и ясность ума, ту находчивость, какими отличался Джордж Пелхэм в земной своей жизни.

Наконец проявления эти далеко не носили характера случайного, спазмодического: они представляли собою вполне картину продолжающегося индивидуального существования, целый ряд годов заявляющего о себе, как о личности самодовлеющей и независимой. Во многих случаях в моё отсутствие мне сообщали о деятельном содействии Джорджа Пелхэма, проявлявшемся на сеансе при составе участников, никогда не знавших Джорджа Пелхэма, причём, последний делал от себя короткие замечания, вполне характеристичные в моих глазах для Джорджа Пелхэма, каким я знавал его при жизни. Нередко он высказывал сведения, из которых было видно, что ему до некоторой степени известно о делах лиц ему близких, интересовавших его в земном бытии. Мало того: с годами личность проявляющегося Джорджа Пелхэма не только не тускнела, не только не ослабла, а наоборот, – развилась и окрепла в смысле дальнейшей эволюции и прогресса. Однако случались промахи и ошибки такого рода, какие трудно было бы ожидать от Джорджа Пелхэма и которые стоят в резком противоречии с воззрениями на Джорджа Пелхэма как на продолжающую существовать личность. Это обстоятельство требует объяснения, хотя бы краткого; более подробное толкование я дам со временем.

Прежде всего, имеется, повидимому, четыре главных метода, посредством которых проявляющиеся сообщают свои мысли через миссис Пайпер: 1-й – голос миссис Пайпер, которым пользуется сам проявляющийся непосредственно. Преимущественно так проявляется Финюи, но были и есть и другие личности, способные к этому методу проявления независимо от Финюи. 2-й – Финюи или кто-либо другой, способный пользоваться голосом миссис Пайпер действует как посредник для других проявляющихся. В первые годы транса миссис Пайпер почти все сообщения получены этим путём. 3-й – проявляющийся пользуется рукой миссис Пайпер и пишет. Со времени развития автоматического письма большинство проявляющихся делали попытки к сообщению этим способом. 4-й – Джордж Пелхэм или кто-нибудь другой пишет от имени другого проявляющегося – служит посредником ему.

Джордж Пелхэм проявляется чаще всего 3-м способом, но ранние, наиболее важные его сообщения даны 1-м способом. Повидимому, каждый метод имеет свои преимущества и свои неудобства.

Многие из проявляющихся совершенно не могут сообщаться посредством голоса. Многие пробовали и потерпели полную неудачу. Некоторые могут прибегать к этому методу только на очень короткое время. Джордж Пелхэм вскоре после смерти мог пользоваться голосом миссис Пайпер лучше и свободнее, чем в позднейшее время. Главное преимущество этого способа общения заключается в том, что разговор ведётся более свободно и естественно и, кроме того, проявляющийся менее отягчён требованием и переменами предмета разговора со стороны участников. Главное же неудобство заключается в уклонении речи от того слога, каким бы проявил себя сообщающийся при земной жизни; в этом случае – и мы должны были бы это а priori допустить, – гораздо труднее для сообщающегося применить центры речи медиума к своим мыслям, чем излагать их, пользуясь рукой медиума как пишущей машиной. Как ни мало понимал я сам условия, при которых приходилось сообщаться Джорджу Пелхэму в первое время его проявлений, но остальные участники усваивали их себе ещё хуже и даже в настоящее время только немногие из них начинают понимать всю трудность для сообщающегося вести вполне ясную беседу через автоматическое письмо миссис Пайпер.

Пусть читатель попробует вести разговор с двумя-тремя друзьями не обычным способом, а по буквам и по слогам – причём он должен совершенно сосредоточиться на этом методе сообщения, не обращая внимания на то, что в это время говорят и делают его друзья. Да ещё при том его перебивают через каждые два-три слова, говоря: «не разобрали последнего слова», просят повторять иногда и не один раз. При этом то и дело ставятся новые вопросы прежде, чем он успел сработать ответ на вопрос предыдущий. Следует ещё принять в соображение, что вопросы эти он плохо понимает, часто улавливает лишь одну долю из

сказанного собеседником. В довершение всего пусть читатель представит себе, что вместо голоса ему приходится пользоваться особым устройством пишущей машиной: он складывает по слогам слова, стоя у одного конца этой машины, имеющей свойства записывать все его мысли, но не с быстротою мысли, а медленным процессом обыкновенного писания; стоящий же у другого конца машины его собеседник может сообщаться, только читая написанное таким образом.

Пусть ещё читатель представит себе, что стоит он не один у своего конца машины, а в обществе других разговаривающих в это время с ним или между собою, причём, все их слова – искажённо, неправильно, как не по слогам сказанные – тоже лезут, так сказать, в машину, тоже способны быть записанными. При этом ещё малая опытность управляющего машиной и несовершенство и недостатки самой машины. Кроме того, пусть читатель представит себе, что та часть машины, откуда он работает, наполнена более или менее удушливым газом, заставляющим его наполовину терять сознание; нередко вследствие слабости или нездоровья медиума-машины, этот газ прямо ядовит, и действие яда усиливается по мере накопления.

Главные промахи и неудачи Джорджа Пелхэма проистекали прежде всего – как я полагаю – именно вследствие полного неведения со стороны участников всего, к этим условиям относящегося и с чем ему приходилось считаться при общении. И я заявляю категорически моё твёрдое убеждение, что *дальнейшие исследования этого рода немыслимы иначе, как при непрременном условии, что изыскатель, по возможности, хорошо ознакомится с этими обстоятельствами проявлений и настолько их себе усвоит, что ни на минуту не будет терять их из виду.* Изучив, насколько это доступно, пределы возможного при этих условиях общения, исследователь будет в состоянии хотя несколько изменять их и смягчать их действие. Моё глубокое убеждение, что именно в направлении изучения этих условий общения – их границ и средств облегчать их – лежит дальнейший путь психических изысканий. Ещё раз повторяю: таково моё глубокое убеждение, безотносительно суть ли эти проявляющиеся личности то, за что они себя выдают, или же оне – отдельные «я» личности миссис Пайпер.

Применяя всё вышесказанное к некоторым неудачам Джорджа Пелхэма, мы ясно увидим причины их. Очень понятно, что писание получалось спутанным и бессмысленным, когда оно было часто прерываемо вопросами участников и их неумением разобрать написанное. Понятно также, что к концу сеанса писание становилось чрезвычайно автоматичным, сонливым, смутным – по мере того, как обессиливал, истощался и терял сознание проявляющийся (при неблагоприятных условиях со стороны здоровья медиума это может случаться и в начале сеанса). На вопросы, в этом случае, получаются ответы бессмысленные, вроде бреда. Буквально то же самое случится и с нами при состоянии удушья и при полной потере сил.

Другого рода неудачи – запечатывание имён, например, – тоже бывают и с нами, и нередко, особенно когда вопросы ставятся быстро и непоследовательно. Нам случается довольно часто позабыть имя лучшего друга при подобных обстоятельствах. При проявлениях Джорджа Пелхэма бывали и ещё иного рода неудачи, которые в моих глазах не служат однако доказательством против его «самоличности». Я говорю об ошибках в предсказании будущего и знании им событий, бывших после его смерти, и о неудачных попытках его указать местонахождение потерянных предметов. Так, пропала одна вещь, хорошо известная Джорджу Пелхэму при земной жизни и неоднократно фигурировавшая на сеансах, и Джордж Пелхэм указал её местонахождение ошибочно. Точно такой же случай повторился и с книгой, о которой его спросили. По моему мнению, эти случаи указывают только на пределы возможного для проявляющихся личностей знания – не более, но прямого отношения к вопросу о самоличности не имеют.

Точно то же можно сказать и о предсказаниях Джорджа Пелхэма, которые были очень немногочисленны и все интимно-личного свойства. Что касается предсказаний, успех далеко превышал неудачи, и при этом никакого телепатического воздействия со стороны участников не могло быть.

Был и ещё один род явлений, из которых в двух случаях Джордж Пелхэм проявил себя очень неуспешно, а в двух – со значительным успехом. Именно: он окончательно не смог описать мои действия и поступки в течение условленного

заранее времени и при условиях, повидимому, особенно благоприятствующих его видению в нашем мире. Несколько дней спустя, после нескольких сеансов с некоей мисс М*** и её братом, которого он знал хорошо при жизни на земле (и вполне признал на сеансах), он тщетно пытался описать мне поступки и действия мисс М*** во время сеанса, устроенного мною специально с этой целью. Но, с другой стороны, он подробно описал поступки и действия своего отца, хотя и без определения времени. В другом случае, относящемся к миссис Говард, ошибка была только во времени, всё же остальное верно до мельчайших подробностей, а относительно мистера Говарда даже и время было отчётливо обозначено. Неудачные случаи как бы указывают на невозможность для сверхнормальной силы видеть ясно происходящее в нашем мире, они – случаи эти – невольно наводят на мысль о телепатической природе явления. В общем же ряд этих опытов, вместе взятых, невольно подтверждает убедительность доказательств самоличности Джорджа Пелхэма. А именно, хотя Джордж Пелхэм в земном существовании знал меня и мисс М***, но чувства его к нам, конечно, были иные, чем чувство к родному отцу или к его близким давнишним друзьям Говардам. Следовательно, становится вполне ясным, что Джордж Пелхэм мог вступить в более тесное общение со своим отцом и Говардами, нежели со мной и с мисс М***, а значит, мог и ближе войти в их сферу. Но является совершенно непонятным, почему «подсознательное я» миссис Пайпер сделало бы подобные различия? К окончательному выводу, однако, прийти трудно, вследствие незначительного ещё количества опытов.

Глава Третья

КРАТКИЙ ОБЗОР ДРУГИХ ПРОЯВЛЕНИЙ

Теперь я намерен бегло ознакомить читателя с результатами некоторых проявлений других личностей. Начну с личности некоей Элизы Мэнор (имена ставлю не настоящие, а псевдонимы). Умерла она летом за год до её проявления через миссис Пайпер. Причина её смерти была верно определена Финюи, причём он – говорил он с её слов – совершенно верно описал всё происходившее у её смертного одра. Сестра Элизы, Фредерика, участвовавшая на этом сеансе, попросила написать что-нибудь по-итальянски, так как Элиза знала этот язык хорошо; но можно было разобрать только два-три слова самых обыкновенных. Затем следовало письмо самого интимного характера, причём, Джордж Пелхэм между прочим заявил, что присутствует и мать сообщаемой (тоже дух), но что он, Джордж Пелхэм, прежде её не знал. Относительно попыток с итальянским языком в конце сеанса было сказано шёпотом как будто самой Элизой Мэнор:— «Хорошо. Терпение». Однако, при дальнейших попытках говорить и ясно писать по-итальянски получился лишь частичный успех.

Элиза Мэнор проявлялась письменно ещё трём-четырёх друзьям и родственникам и везде её личность была вполне определённо и ясно выражена. На одном из этих сеансов, происходивших в моём присутствии, было высказано полное знакомство с интимными семейными событиями. В многочисленных же беседах со мною лично она часто касалась лиц и событий из того времени, когда, при жизни её, мы оба одновременно гостили у одних знакомых: получалось впечатление такое, точно мы и не расставались – везде она проявлялась именно тою, какою я её знал прежде. Я уж упоминал выше, что «проявляющийся» через письмо не сознаёт процесса писания. Главное затруднение при писании на иностранном языке, повидимому, заключается в том, что незнакомые медиуму слова записываются фонетически, если только они не читаются духом буква за буквой, по складам. Была попытка писать и по-гавайски; случилось это на сеансе с миссис Говард в октябре 1893 года при участии мистера Вернона Бриггса. «Сообщение» шло будто бы от мальчика из Гонолулу, по имени Калуа, который очень привязался к мистеру Бриггсу во время пребывания этого последнего в Гонолулу в 1881 году. Мальчик этот последовал при несколько романтической обстановке за Бриггсом в Бостон в 1883 году, вскоре был опять отослан на родину, но вернулся в Бостон и здесь, в 1886 году, был застрелен – нечаянно или преднамеренно – в матросской харчевне. Имелось подозрение в совершении этого убийства на одного шведа, тот был арестован, но вскоре, за недостаточностью улик, выпущен на свободу. Швед утверждал, что Калуа нечаянно выстрелил в себя из револьвера. Мистер Бриггс принёс на сеанс платок, принадлежавший Калуа. Калуа был убит в сердце навывлет и «проявляющийся» запутался в указании места раны: «желудок», «бок» – не знал, очевидно, как назвать; сказано это было как бы самим Калуа. Бриггс спросил, не Калуа ли говорит? Тогда ответил за него Финюи: сказал, что он и что он не сам застрелился, а играл в карты с одним человеком, поссорился и был им убит, но не намеренно. Револьвер был брошен в «горячий ящик с пеплом» (очаг с углём), а кошелёк спрятан под деревом. Ещё Калуа говорил, что там был кустарник; но при осмотре местности кустарника не оказалось, не был найден и кошелёк. Калуа пробовал писать по-гавайски, но разобрать можно было только самые обыкновенные слова; между прочим, «lei» – веночек (он при жизни ежедневно плёл венки для Бриггса) упоминался часто и отчётливо; было что-то похожее на «aloha» – приветствие.*

* Мы выпускаем здесь целую серию подобных примеров, потому что они, в столь сокращённом виде, представляют мало интереса и только утомляют внимание; тем более они мало имеют значения, что сам д-р Ходсон говорит: «Массу описаний и целой серии сеансов я принуждён не печатать, вследствие требований заинтересованных лиц. Но со временем надеюсь их опубликовать, так как они много помогли мне прийти к тем выводам относительно «общения», какие я здесь излагаю». Но один пример мы передаём возможно подробно: во-первых, потому что он особенно интересен сам по себе, а во-вторых, потому что он касается проявления субъекта,

знавшего при земной жизни миссис Пайпер и её сеансы. Это — тот самый Гарт, в присутствии которого проявился в первый раз Джордж Пелхэм. (ред. «Ребуса»)

Джон Гарт умер в Неаполе 2-го мая 1895 года. Узнал я об этом совершенно случайно 3-го мая от родственника Гарта, получившего телеграмму. Я попросил свою помощницу, мисс Эдмондс, поехать к миссис Пайпер и устроить сеанса на 4-е мая: я сказал мисс Эдмондс, что мне необходим сеанс, но почему — не объяснил, и мисс Эдмондс истолковала совсем неверно причину такого моего желания. Однако, объявление о смерти Гарта и о причине её (воспаление сердечной сумки) было напечатано в Бостонской вечерней газете от 3-го мая. На сеансе 4-го мая, после нескольких слов Финнои, проявился Джордж Пелхэм; он передал несколько коротеньких сообщений от друзей и затем спросил, что он может для меня сделать? Я ответил, что ожидаю от него кое-чего, но чего именно — не хотел бы говорить. После кратких замечаний его о своих отце и мачехе, а также об одном моём приятеле, произошло следующее:

Джордж Пелхэм: «Стойте, Ходсон! Посмотрите на эту толпу, влекущую джентльмена». (Я подумал было, что это какая-нибудь бессмыслица — из тех, что порой случаются на этих сеансах — и не прочёл написанного вслух.) — «Читайте... читайте, Ходсон, вы видите их?!»

Ходсон: Нет.

Джордж Пелхэм: «Он идёт сюда. Мне кажется, я его знаю. Он был и здесь, я его видел уже с тех пор, как перешёл сюда».

Ходсон: Кто же это?

Джордж Пелхэм: «Джон.»

Дж. Гарт: «Видите меня, Ходсон?»

Джордж Пелхэм: «Это он говорит».

Ходсон: Нет. (Ответ Гарту)

Дж. Гарт: «Что касается моего здоровья... О, Джордж, я здесь, не отходите от меня...»

Джордж Пелхэм: «Это не вам, Ходсон, — это мне».

Ходсон: Да, я понимаю.

Дж. Гарт: «Я думал, что ещё раз Вас увижу прежде, чем перейти сюда».

Ходсон: Как ваше полное имя?

Дж. Гарт: «Джон Г.»

Ходсон: Назовите свою фамилию полностью.

Дж. Гарт: «Гарт».

Ходсон: Так, Гарт, старый дружище!

Дж. Гарт: «Послушайте меня, Ходсон...» (Сильное возбуждение в руке медиума, буквы прыгают. Всё время пишет Джордж Пелхэм, но ему порой сильно мешают.) «Джордж знал, что я здесь, и встретил меня, но я был слишком слаб, чтобы прийти сюда говорить...»

Джордж Пелхэм: «Да, Ходсон. Но дорогой друг наш задыхается...»

Дж. Гарт: «Я ожидал увидеть вас, Ходсон, раньше, чем явился сюда...»

Ходсон: Да я и сам надеялся встретить вас ещё во плоти!

Дж. Гарт: «Видите — не удалось. Как поживаете? Что? (повидимому, к Джорджу Пелхэму.) — «Я первый привлёк сюда Джорджа».

Ходсон: Да, вы.

Дж. Гарт: «Да, о вас» (это опять, повидимому, Джорджу Пелхэму в ответ на что-нибудь в роде: «вы обо мне говорите? со стороны Джорджа Пелхэма.) — «А что слышно обо мне, Ходсон?» (он подразумевает первые известия о его смерти) — «О, я вижу! но я был,.. но...»

Ходсон: Вы были вне плоти?

Дж. Гарт: «Да... Я немного смущён, Ходсон: в моей голове...»

Ходсон: Разве сегодня свет нехорош?

Дж. Гарт: «Нет, дело во мне, Ходсон».

Ходсон: Вы хотите сказать, Джордж, что вы не расположены сегодня?

Дж. Гарт: «Нет, нет, я — Гарт. Нет, Ходсон. Я — Гарт...»

Ходсон: Я вижу, Гарт смущён: он не может хорошо проявляться. (*Гарт стучит кулаком; во время сеанса часто стучит кулаком медиума в знак подтверждения.*)

Этот сеанс записан на пишущей машинке. Пояснительные заметки сделаны мною. Сеанс прошёл при сильном возбуждении проявившейся силы, очень взволнованно. Гарт, между прочим, указал, как на причину своей смерти, на воспаление желудка; это хотя и было неверно, но в течение последнего года своей жизни он много болел именно этою болезнью. Мне было известно это обстоятельство, но я о нём позабыл до такой степени, что во время сеанса был удивлён неточностью – как бы – в определении болезни. Что-то очень неясное было сказано о Говардах; было упомянуто о двух друзьях, находившихся в Европе; названо несколько совсем неизвестных мне имён в связи с событиями, мне неизвестными и проверить которые, вследствие их интимности, мне не удалось. Думаю, однако, что сведения эти были верны только отчасти. Он, между прочим, спросил, не в Париже ли он? (*в конце своей жизни он там жил некоторое время.*) Я ответил, что мы находимся в Арлингтон-Бейте.

Дж. Гарт: «Арлингтон. Я помню Арлингтон. Ведь вы меня сюда привозили?»

Ходсон: Да, это та самая комната, где вам проявился Джордж Пелхэм.

Дж. Гарт: «О, да, у меня был его...» (*называет вещь, принадлежавшую Джорджу Пелхэму*) – «и мои часы... Что, моё тело отправят в Нью-Йорк?»

Ходсон: Я не знаю.

Дж. Гарт: «Надеюсь, что отправят. Они об этом говорят теперь».

Позднее я узнал, что, действительно, много обсуждался вопрос о перевозке тела в Америку. На мой вопрос: «Почему Джордж ничего не сказал мне?» Он ответил:

«Потому что я сказал ему, чтобы он меня пустил сказать самому».

Это очень напоминало мне Гарта, точно так же как и его замечание, что он первый привлёк Джорджа Пелхэма.

В последующие сеансы, хотя сумбур и продолжался, но было выказано очень характерное для Гарта знание о многом, известном так же и мне; он давал отзывы о друзьях, знакомых, родных, о подарках мне, шутил по поводу сигар и амбаров, которые он поручил моему наблюдению перед поездкой в Европу на три года и т.д. Но мне, разумеется, особенно желательно было получить сведения касательно событий за время пребывания его в Европе, как совершенно мне неизвестных, и в особенности происшедших перед его смертью. Получил я и подобного рода сообщение, но насколько оно точно – я до сих пор убедиться не мог.

После первого сеанса мне пришло в голову, что я, относя все проявления на счёт Джорджа Пелхэма, был недостаточно радушен с Гартом.

На втором сеансе я сказал: Мне кажется, вы, Гарт, подумали, что я холодно встретил вас. (*Рука заволновалась.*)

Дж. Гарт: «Вы мне показались не таким благожелательным, каким были прежде».

Я объяснил, что узнал о его смерти из телеграммы, полученной его «зятём». Он написал имя брата мужа своей сестры. «Нет, – ответил я. – От брата вашей жены». На этом сеансе получилось довольно интересное сообщение, указывающее на ясную память о прошлом:

Дж. Гарт: «Спросите мой старый ящик... Что я, брежу?.. Мне кажется, что однажды, я сидел вон в том углу». (*Показывает в угол комнаты, где действительно он сидел во время сеанса 22-го марта 1892 года.*)

Ходсон: Вы говорите, вы там сидели?

Дж. Гарт: «Да, сидел».

Ходсон: Да, я помню.

Дж. Гарт: «Теперь я знаю, где я».

Я тогда не сразу понял, о чём он говорит, так как место в этом углу не было связано в моём воспоминании именно с *Гартом*; множество лиц, которых я приводил на сеансы и до него и после него, сидели именно в этом углу. Но уже более трёх лет – с тех пор, как я

приучил миссис Пайпер писать на столе, а не на собственном затылке – в комнате стало просторнее и порядок размещения участников изменился. Но для *Гарта*, если это был *он*, вполне естественно было, попав снова в эту комнату, вспомнить и это обстоятельство. В июне и июле вёл сеансы один мой приятель и через него Гарт прислал мне сообщения: он становился яснее и очень желал общения. Затем наши сеансы прекритились вследствие того, что миссис Пайпер пользовалась летним отдыхом, и я возобновил свои занятия позже. Однако, вследствие нездоровья миссис Пайпер в зиму 1895-96 года было очень немного сеансов, и Гарт давал лишь короткие сообщения; он говорил, что желает «идти по стопам» Джорджа Пелхэма и огорчался, что представлялось так мало к этому возможности. Так, 22-го января 1896 года он писал: «Что за необъяснимая причина, что вы никогда не вызываете меня!? Сонливость моя прошла. Я желаю помочь вам убедиться в моей самоличности... Теперь я гораздо лучше».

Ходсон: В начале вы были в большом тумане.

Дж. Гарт: «В весьма. В сущности я даже и не могу вполне осмыслить, насколько я был смутен. И теперь ещё я путаюсь, когда говорю с вами. Теперь я понимаю, почему тогда Джордж по складам говорил со мною». *(Во время первого проявления Джорджа Пелхэма при Гарте, Финюи некоторые слова Джорджа Пелхэма действительно передавал буква за буквой.)*

Гарт проявлялся всё яснее и яснее. Например, на одном из двух сеансов с мисс Вернер, эта последняя заметила, что Гарт знавал одного из её братьев, Чарли; что они вместе ездили на Азорские острова. Я просил Финюи, не может ли он или Джордж Пелхэм позвать Гарта? Вскоре было написано:

— «Нет ли у вас брата Чарли? Спрашивает Гарт».

Мисс Вернер: Да, есть.

Дж. Гарт: «Я здесь. Джордж сказал ей, что я вижу её, и желаю спросить её брата, помнит ли он бурю, которую нам пришлось испытать?»

Ходсон: Я знаю, что помнит, он рассказывал об этом.

Дж. Гарт: «Ну, хорошо; спросите у него, цела ли его палка, одинаковая с моей? Мы отправились тогда вместе в весёлый маленький отель. У Чарли разболелась от голода голова; мы умирали с голода, когда добрались туда; пища была очень плоха и очень скудна. А как здесь хорошо, спокойно. Видите меня, каков я есть?»

Ходсон: Нет, я вас совсем не вижу. Расскажите ещё.

Дж. Гарт: «Мы отправились в отель, и спросите его, как мы смеялись, когда очутились в отведённом нам номере. Передайте ему мой привет».

Ходсон: Над чем же вы смеялись?

Дж. Гарт: «По поводу грязи и прочая... Презабавно было. Он теперь нездоров, но скоро поправится». *(У Чарли действительно болела рука.)* – «Стойте дружище! Я не могу слышать, если вы будете меня так давить. Была у вас лихорадка когда-нибудь?»

Ходсон: Кто это сейчас говорит?

Дж. Гарт: «Я, Джон Гарт».

Ходсон: Вы меня спрашиваете?

Дж. Гарт: «Да».

Ходсон: Была. И пневмония, и тиф.

Дж. Гарт: «Больше никогда не будет. Теперь будете здоровы. Я говорю это».

Ходсон: Вы про меня говорите?

Дж. Гарт: «Да, и про Чарли. Передайте ему мой поклон и не забудьте спросить о палке».

Мисс Вернер мне написала потом: «Я знала, что Чарли и Гарт ездили на Азорские острова и что корабль их разбило об утёс, но больше никаких подробностей об этой поездке никогда не слышала».

Мне были неизвестны подробности этой поездки, хотя я и слышал, что они были на Азорских островах. На мои вопросы Чарли Вернер написал мне из Калифорнии следующее:

«Джон Гарт и я совершили однажды плавание по Атлантическому океану в продолжение трёх дней в сильную бурю. В другой раз мы наблюдали с острова Файяля

гибель корабля, на котором приплыли: во время сильного урагана он был разбит о скалы. У Джона Гарта была очень удобная трость; насколько я помню, в неё был вделан кинжал, который по желанию можно было вынимать из трости, как из ножен. У меня никогда такой палки не было. Джон Гарт очень ценил свою палку и всегда мне советовал приобрести такую же. То, что он рассказал о весёлом отеле – всё истинная правда; не помню, болела ли у меня голова, но голодны мы были ужасно. Джону Гарту что-то показалось в этом отеле забавным и мы много смеялись. Помню, что смех наш имел какое-то отношение к грязи в этом отеле».

Это проявление Гарта было последним. Вскоре «духи-руководители» почтенного У.Стентона Мозеса взяли в своё ведение трансы миссис Пайпер.

Глава Четвёртая

ГИПОТЕЗА «ПРИЖИЗНЕННОЙ ТЕЛЕПАТИИ» И ГИПОТЕЗА СПИРИТИЧЕСКАЯ

Мы можем теперь подойти к более или менее определённому суммированию значения тех манифестаций, которые, хотя и в очень сжатой форме, изложены мною выше.

Прежде всего я должен оговориться, что нахожу лишним останавливать снова внимание читателей на возможности какого-либо обмана со стороны миссис Пайпер. Я просто попрошу обратиться к изложенному уже мною по этому вопросу в начале моего отчёта, а также и к изданным мною ранее сведениям: в своё время возможность объяснения описываемых явлений обманом и подделкой была вполне и основательно рассмотрена, исследована и – отброшена. Если бы потребовалось и ещё сведений на эту тему, то дальнейшие доказательства, делающие гипотезу «обмана» недопустимой, читатель может почерпнуть из «Отчётов о сеансах», тоже опубликованных мною.

Признавая таким образом эти явления за подлинные и «сверхнормальные», можно было вначале пытаться их объяснять внушением со стороны живых людей – участников сеансов; но, повторяю, подобное объяснение могло быть допустимо только в начале работы миссис Пайпер, когда единственным, собственно, посредником сообщений была личность Финюи. Но с момента появления личности Джорджа Пелхэма, с возникновением автоматического писания миссис Пайпер и со времени пользования её рукою целого ряда «сообщающихся» – всё дело приняло совсем другой характер и задача объяснить его стала несравненно более сложной. Чрезвычайно трудно отделаться от впечатления, что находишься действительно в общении с самыми различными, вполне определёнными и сознательными индивидуальностями, когда постоянно присутствуешь на такого рода беседах: рука пишет и в то же время ведётся разговор голосом – о самых разнородных предметах и с самыми различными людьми; рука пишет и голос говорит от лица многих «проявляющихся», как бы перебивающих друг друга, причём, «проявляющиеся», каждый в отдельности, неизменно остаются одним и тем же лицом в течение целой серии сеансов. Для человека, не наблюдающего самолично этих сеансов, не присутствовавшего на них, может быть, покажется возможным объяснить всё дело каким-нибудь «подсознательным», играющим попеременно то ту, то другую роль – одним словом, чем-то в роде актёра с телепатической способностью. Но я не думаю, чтобы допускающий подобное объяснение не отказался бы от него тотчас же после личного наблюдения феноменов. Тщательное изучение их, пристальное, долговременное наблюдение многочисленных, вполне раздельных групп памяти, характерных особенностей волнения, отличающих каждый отдельный случай, затем – чрезвычайная сложность в поведении отдельных индивидуальностей (столь многочисленных притом), заставляют признать только один общий базис: *самоличное проявление*. Наконец, я полагаю, что необходимо всё-таки считаться и с личными впечатлениями – настолько тонкими и неуловимыми, что их невозможно передать, – вынесенными из долговременного наблюдения этих трансфеноменов и заставляющими, при объяснении этих феноменов, предпочесть именно ту, а не иную гипотезу.

Приступая к объяснению трансовых явлений миссис Пайпер, мы прежде всего должны принять в соображение целую массу проявляющихся сознаний, которые сами утверждают, конечно, что они – *духи* умерших людей. Может быть предложена для объяснения этого явления следующая гипотеза (я тут же оговариваюсь, что я *не признаю эту гипотезу верной*): мозг является как бы центром нескольких стадий сознания, представляющих, в совокупности своей, известную индивидуальность. Эти стадии сознания, выражающиеся в отдельности у данного лица, являются признаками диссоциации; индивид представляет собой как бы солнечную систему или разорванную группу астероидов. В разорванной личности миссис Пайпер мы таким образом можем усматривать целую группу отдельных сознаний – quasi отшедших друзей участников её сеансов; даже нет надобности в проявлении особой стадии сознания для каждого

отдельного случая. Мы можем предположить, что личности в виде Финнои, Джорджа Пелхэма и дюжины других, преобладающие, так сказать, элементы сознания миссис Пайпер – выработались и окрепли, частью благодаря беседам с друзьями тех личностей, которых они изображают, частью благодаря телепатическому с ними общению; они, если можно так выразиться, отлились как воск в данные им формы. Остальные же проявляющиеся суть варианты, более или менее, к данному случаю приспособленные, тех же элементов. При случае и они могут определиться и окрепнуть. Мы неизбежно должны прийти к чему-либо вроде этой гипотезы, если не согласимся признать полную независимость проявляющихся сознаний. А такая гипотеза, не говоря уже о сложности её и запутанности, представляет ещё и свои затруднения.* В ярких случаях проявления я положительно не мог найти никаких данных, которые бы указывали, что эти проявления не существуют за счёт интеллекта живых личностей. В проявлениях же спутанных и туманных тем менее возможна эта гипотеза; здесь смесь лжи и истины *не находит себе никакого объяснения* в сознании участников, а наоборот, именно заставляет видеть интеллект вполне самостоятельный, смутно подавленный собственными воспоминаниями. А при дальнейшем общении из тумана этой подавленности ясно вырисовывается перед наблюдателем не какая попало личность, а именно личность того отшедшего, за кого он себя выдаёт. Здесь мы видим не обрывок каких-либо сведений, не отдельный случай как бы ясновидения, не мимолётное признание друга или родственника – здесь воочию встаёт совокупность подобных инцидентов, ярко обрисовывающая данный характер, данную личность, хорошо нам когда-то известную.

* Одно из этих затруднений – апелляция к телепатии, которая, с точки зрения материалистической науки, вещь ничуть не менее сомнительная, чем и само существование духов. К тому же, объяснять одно неизвестное с помощью другого неизвестного – весьма сомнительный приём в сфере научного познания. И если не полениться погрузиться в глубины философии, то опять-таки выяснится, что телепатия возможна только в том случае, если человек – не кусок мяса, нашпигованный костями скелета, но – *духовное существо*, т.е. дух. (И.Р.)

На это можно возразить, что личность рождается собственно не в сознании того или иного участника, но что прямо или косвенно способствуют её возникновению все участники, бывающие на сеансах миссис Пайпер.

Возражение это очень веское, и с ним приходится считаться. Подобной гипотезе должны быть отведены широкие границы, если мы примем во внимание различные формы гипноза, тонкости внушения, наше малоизученное «подсознательное я» и возможные соотношения этих наших «я» телепатические или иные. Но хотя я и признаю законность этой гипотезы, тем не менее считаю её в данном случае совершенно невероятной и уверен, что при дальнейших наблюдениях сторонники этой гипотезы принуждены будут от неё отказаться именно по тем же причинам, по которым они её допустили.

Сторонники прижизненной телепатической гипотезы находятся под сильным впечатлением других случайных наблюдений. В случае же миссис Пайпер они должны признать, что доказательства самоличности проявляющихся очень вески, хотя и осложнены многими неудачами. Если бы все случаи проявлений были бы столь же чисты, как случай Джорджа Пелхэма, то, без сомнения, гипотеза телепатического воздействия со стороны участников казалась бы им гораздо менее уместной.

«Если сообщаются действительно умершие личности, – скажут они, – то почему же не дают оне нам больше доказательств? Если бы нас посадили в качестве свидетелей и подвергли бы перекрёстному допросу, то мы гораздо лучше справились бы с делом, чем даже Джордж Пелхэм, не говоря уже об остальных, столь далёких даже и от той ясности, которая имеется в проявлениях этого Джорджа Пелхэма. Почему много непонятого, туманного, нескладного? Почему ошибки и неудачи попадают даже в тех случаях, где другие обстоятельства ярко определяют самоличность проявляющегося? Допустим, что миссис Пайпер не обманщица и её трансы неподдельны и изобилуют массой сведений, получить которые нормальным путём

невозможно; но тем не менее множество неясностей, ошибок, промахов не позволяют нам признать здесь именно то лицо, которое себя называет. Мы не можем основывать свои воззрения на обрывках и отдельных инцидентах. Если же брать все сообщения в целом, то они, конечно, очень далеки от того, что мы могли бы ожидать от лица наших друзей, живших когда-то среди нас».

Я уже упоминал выше, что, кроме случая Джорджа Пелхэма, было немало случаев проявлений отчётливых и ясных и именно тогда, когда проявляющиеся имели возможность частого общения; бывали и такие случаи, где с очевидностью явствовало, что проявляющиеся могли бы отчётливо проявить свою личность, если бы имели возможность частого общения. Но если бы этих случаев было очень много и если бы они были так же доказательны, как случай Джорджа Пелхэма, всё же они не могли бы опровергнуть вышеизложенной аргументации, а именно: что проявления эти далеки от того, что мы могли бы ожидать от умерших известных нам лиц. В таком случае, вправе ли мы предполагать, что именно умершие проявляют себя через миссис Пайпер? И насколько полученные результаты отвечают подобному предположению?

В настоящее время я возражу на эти вопросы лишь кратким указанием на сказанное уже мною по поводу промахов Джорджа Пелхэма.

Если действительно каждый из нас есть дух, который переживает свой телесный организм, то мы с полным основанием можем сделать несколько предположений касательно способа общения этих бесплотных «духов» с нами, находящимися ещё во плоти. Даже при наилучших условиях этого общения – каковые я признаю едва ли возможными – очень вероятно, что способность к отчётливому проявлению есть такой же дар, как дар великого артиста, великого математика или великого философа. Должно быть признано вполне ошибочным существующее воззрение, будто бы все: старые и молодые, добрые и злые, здоровые и больные, все – какого бы рода их жизнь или смерть ни была – могут быть уравнены в их способности давать ясные сообщения из «иного мира». К тому же очень вероятно, что самое изменение, обусловленное актом смерти, делает уже сознание духа смутным, и эта смутность может продолжаться более или менее долгое время; и даже если дух успел свыкнуться с новыми условиями бытия, то следует предположить, что, становясь в такое соотношение с человеческим организмом, в каком он был с своим собственным в земном существовании, он в силу этого обстоятельства должен быть спутанным и неясным. Это состояние должно походить на пробуждение после длинного периода беспамятства в обстановке незнакомой и чуждой. Если бы возможно было мой собственный организм сохранить в неприкосновенности в течение нескольких дней, месяцев или лет, а я в это самое время существовал бы отдельно от него в каких-либо иных условиях и затем снова вернулся бы в мой организм, то весьма возможно, что в начале этого воссоединения моего с собственным организмом я был бы очень смутен и неловок, проявляя себя через него. Но насколько усилились бы моя спутанность и неловкость, если бы ещё я и не в собственный организм возвратился, а в чужой: я непременно подвергся бы различным формам афазии и аграфии, воспринимал бы плохо и неверно внешнюю среду, условия проявления наверное показались бы мне утомительными и тяжкими, и состояние моего подавленного чужим аппаратом ума имело бы характер автоматичности и сонливости. Именно этого рода сбивчивость и смутность и замечается в проявляющихся через миссис Пайпер – т.е. замечается именно то, что мы *a priori* должны были бы допустить в том случае, если проявляющиеся суть то, за что они себя выдают. 15-го февраля 1894 г. было написано:

«Помните, что мы – участники дружбы и любви в жизни сна, т.е., в вашей жизни, которая всегда и всегда будет обладать притягательной силой для нас до тех пор, пока мы будем иметь друзей, спящих в материальном мире; для нас вы очень похожи на спящих, вы замкнуты как бы в тюрьме, и для того, чтобы войти в общение с вами, мы должны войти в вашу сферу – т.е. погрузиться в дремотное состояние, подобное вашему. Отсюда проистекают и наши «ошибки», как вы их называете, или смутность, подавленность, так сказать».

Я стараюсь формулировать сказанное своими словами, и Джордж мне отвечает:

«Вы вполне усвоили мою мысль. Это самое желал я уяснить и растолковать вам, Ходсон, старый друг».

Ходсон: Теперь для меня ясно.

Джордж Пелхэм: «Да. Вы видите, что я скорее бодрствую, чем сплю, а тем не менее, я не могу быть вполне самим собою, каков я есть независимо от света медиума».

Ходсон: Вы лучше себя проявляете, чем остальные.

Джордж Пелхэм: «Да, потому что я немного ближе и не менее разумен, чем иные здесь».

Далее 16-го февраля 1894 г.:

Джордж Пелхэм (говоря о м-ре Морти): «С его острым умом и замечательной восприимчивостью, он не может не заинтересоваться сильно возможностью нашего общения, я уверен в этом. Он был близким другом Н... Космическая природа интересует нас обоих – и его, и меня, и я – он – меня – его – я всё знаю. Видите, я поправляю их. Что ж, я не менее развит сейчас, чем был прежде. Но очень много затруднений. Теперь мне всё сделалось понятнее и яснее, чем когда я был заточён в теле».

Ходсон: *Заточён?* Помещён в заключавшее вас тело, вы хотели сказать?

Джордж Пелхэм: «Нет, я вовсе не в этом смысле хотел выразиться – может быть, я неверно сказал? Тело есть заточение, плен. Понимаете, Ходсон?»

«Не взирайте на меня критическим оком
И отпустите мне несовершенства мои»...

Конечно, всё это мне не менее известно, чем вам в вашем мире».

Ходсон: Конечно.

Джордж Пелхэм: «Говорю вам, старый друг, – не стоит подбирать все эти маленькие ошибки, которые в сущности ни к чему не ведут. У вас довольно образования, довольно ума, чтобы понять в должной мере мои объяснения относительно заточения нашего в этом сонном теле, и чтобы помочь разобраться во всём этом науке».

Сравним теперь с этими утверждениями древнее описание, которое имеется в книге Платона, когда Сократ говорит об ошеломлённом состоянии «возвратившейся души». Но прежде чем остановиться на этом сравнении, я позволю себе упомянуть об инциденте, который обратил моё внимание на этот вопрос. Джордж Пелхэм разделял теорию «мыслительной материи» в несколько грубой форме, выраженной Клиффордом. Согласно этой теории, мир состоит из чего-то, близко аналогичного тому, что мы называем сознанием, и что, в более элементарной форме, может быть названо мыслительной материей. Каждый из нас якобы состоит из специально согласованной агрегации этой мыслительной материи, которая, воздействуя на другую, подобную ей, агрегацию, воспроизводит в ней представление о человеческом организме. С Джорджем Пелхэмом мы много раз говорили об аналогии, приведённой Платоном в 7-й книге его «Государства», где даётся описание подземелья с заключёнными пленниками, находящимися там с раннего детства и не могущими ни шевелиться, ни смотреть иначе, как только прямо перед собой. Сзади и сверху этих узников – на некотором расстоянии от них – горит непрестанно огонь, а между этим огнём и узниками проходят вереницы людей с кораблями, статуями, фигурами животных и прочая, причём, тени этих предметов отбрасываются на стену подземелья. Пленённые ничего не знают кроме этих теней, которые для них представляют собою реальный мир. Применяя этот рассказ к нам, можно предположить, что предметы, видимые нами в физической вселенной, может быть, те же тени и сущность, которой они соответствуют в действительности, заключается в мысли.

Года за два до смерти Джорджа Пелхэма мы с ним как-то беседовали именно об этом предмете, и он тогда утверждал, что по теории «мыслительной материи» будущая жизнь невозможна, так как раз мы признаём, что материальное тело с его мозгом есть лишь тень мысли-разума, то, как только эта тень подвергнется процессу дезинтеграции, мы должны заключить, что и мысль-разум подверглась тому же процессу. На это я, помнится,

возразил, что мы можем создать гипотезу, вполне согласную в общем с теорией «мыслительной материи», но исключая вывод, который делает Джордж Пелхэм; а именно: что грубый человеческий организм может быть тенью грубейшей части мыслительной материи и может заключать в себе более утончённый организм, состоящий из светящегося эфира, и что эфирное тело может быть носителем человеческой личности; грубое материальное тело может быть разрушенным, и при этом эфирное может остаться неприкосновенным. После долгого спора Джордж Пелхэм наконец согласился, что подобная гипотеза допустима и не противоречит теории «мыслительной материи» и что она – гипотеза эта – делает идею о загробном бытии *понятной*, хотя подобная идея всё же остаётся для него *невероятной!* И вот, именно, в это время Джордж Пелхэм обязался сделать всё, чтобы выяснить этот вопрос, если он умрёт раньше меня и найдёт, что загробная жизнь всё-таки существует. На одном из первых сеансов Джордж Пелхэм, в ответ на какой-то вопрос миссис Говард относительно книг, переставших уже существовать *для нас*, например, книг из Александрийской библиотеки, сказал: «Это безразлично, в какой мере материя разрушена. Платон был философ и великий. Вы помните, Ходсон, именно этот вопрос был предметом нашего спора, нашего обсуждения».

Это, таким образом, было прямое указание на центральный пункт нашего прежнего с ним разговора, и подобного рода случайные доказательства самоличности бывали очень нередко в личных интимных разговорах проявляющегося Джорджа с его родными и друзьями. В то время Джордж Пелхэм пользовался для своего проявления голосом. «Сократ был медиум», – прибавил Джордж Пелхэм, вспоминая наш с ним разговор. Последнее замечание привлекло моё внимание уже в 1896 году, когда сократились сеансы с Джорджем Пелхэмом. Я перечитал это место в книге Платона; сколько я помню, в наших разговорах мы ссылались именно на Платона, а не на Сократа, и о «медиумизме» никакой речи не было. В рассказе о тенях в сочинении Платона говорится об освобождении одного из пленников и выводе его на свет. Он описывает своё отчаяние и полную неспособность видеть что-либо ясно из-за сильного света: предметы сначала казались мало реальными и ему необходимо было привыкнуть к очертанию их. Затем делается предположение, что если бы этот узник вновь очутился в своём подземелье, то наверное он почувствовал бы себя погружённым в полную тьму... И он, наверное, показался бы очень странным и очень непонятным тем узникам, которые никогда не покидали подземелья. Наверное про него сказали бы, что ушёл он зрячим, а возвратился слепым; что лучше бы ему было вовсе не возвращаться и т.п.

Далее Платон приводит аналогию и противопоставляет мир идей, освещённых идеею о Боге, миру чувств, который признаётся людьми единственным доступным знанию.

Возможно предположить, что Сократ, – которому мы не можем приписать метафизической системы Платона, – мог пользоваться этой аналогией для сопоставления этой жизни с иной; тем более, что у Платона есть указания и на то, что Сократ говорил о земном существовании как о заточении и о душе как о задавленной и опьянённой телом. Во всяком случае, кто бы ни проводил эти мысли – Платон или Сократ, – аналогия представляет очень верное описание того, что я часто наблюдал во время сеансов миссис Пайпер.

«Всякий здравомыслящий человек, – говорит Сократ, – должен помнить, что ослепление бывает двоякого рода и происходит от двух причин: при переходе от света к тьме или же – от тьмы к свету. Не следует поэтому смеяться над тем, чьё зрение затемнено или ослабло; не умно смеяться над душой, восставшей от мрака к свету, и тем менее уместно приветствовать смехом того, кто возвратился от света во мрак».

Но вернёмся к настоящему положению дела. Я говорю: если «духи» наших «умерших» могут сообщаться с нами – как они это утверждают – через организмы ещё воплощённых личностей, то мы *не вправе* будем ожидать их проявления во всей полноте и ясности сознания, каким они обладали на земле. Наоборот, мы должны приготовиться к тому, что даже наиболее сильные из проявляющихся не преуспеют в этом, и не преуспеют по двум причинам. Первая – потеря привычки управлять грубым материальным организмом – они должны непременно себя чувствовать как рыбы, вынутые из воды или птицы, в неё

погружённые. И вторая – неумение управлять отчётливо и вполне тем организмом, которым именно им приходится пользоваться. Живя во плоти и на земле, они привыкли работать при помощи одной известной, очень сложной, говорящей и пишущей машины; а теперь им приходится сразу и вдруг отчётливо говорить и писать при помощи машины совсем иной конструкции. Кроме того, мы ещё должны предположить, что «дух» действует не только на *нервный* механизм «медиума» (наподобие того, как и каждый из нас воздействует на свой собственный), но ещё должен влиять и на *сознание* медиума. Это влияние должно быть процессом телепатическим.

Сколько нам известно о такого рода влиянии одной воплощённой личности на другую воплощённую личность – включая даже и всё большее количество прижизненных призраков, – оно не может быть никогда полным, и никогда не воспроизведёт вполне влияющей личности. Телепатические воздействия между живыми людьми, как это доказано опытами, всегда частичны и отрывочны, они менее полны, чем даже ординарные проявления во время трансов миссис Пайпер. Если мы даже допустим, что агент воздействует из того «мира», откуда влияние это производится легче, то и в этом случае, мы должны ожидать, что проявления неизбежно будут ограничены личностью перципиента. И здесь *modus operandi*, каков бы он ни был, должен быть для вновь проявляющегося нов и необычен, с какой бы точки зрения мы ни смотрели: влияют ли предполагаемые «духи» на сознание медиума или они воздействуют прямо на его нервный механизм – всё равно запутанность и неясность неизбежны. Если мы, например, возьмём необыкновенно хорошего телепатического перципиента, то не можем же мы ожидать, что все, без исключения, агенты будут воздействовать на него одинаково успешно; наоборот, мы вполне основательно будем рассчитывать, что как бы хорош перципиент ни был, некоторые агенты будут влиять слабо и малоуспешно, а иные потерпят и полную неудачу, несмотря даже на повторные опыты. Мы вовсе не будем удивлены, если при этих – телепатических – опытах, среди замечательных по успешности результатов, будут попадаться неловкие догадки, извращения, пробелы, всецело зависящие от перципиента и его настроения. Может случиться, что перципиент получит и чисто случайные впечатления, для него не предназначавшиеся. Точно так же и при воздействии на нервный механизм мы не можем ожидать от всех одинаковой ловкости и опытности в управлении им. Некоторые сразу разберутся в новой машине, другие же будут автоматически действовать по шаблону, выработанному ими при воздействии на их старые машины, и должны будут долгим опытом приспособляться к новой. И в том случае, если они и со старым, привычным, своим собственным механизмом плохо управлялись, то тем более они запутываются, действуя на новой непривычной машине.

Из всех этих и им подобных соображений, я думаю, с очевидностью вытекает, что спутанность и неудачи, какие мы встречаем в проявлениях через госпожу Пайпер, никак не должны быть для нас неожиданностью: наоборот, именно это мы и имеем все основания ожидать встретить в том случае, если проявляющиеся суть то, за что они себя выдают, т.е. *духи*.

Мне могут возразить следующее: «Согласны, что мы должны были ожидать именно такие результаты, если общение шло от «духов»; но вопрос всё-таки остаётся открытым, от «духов» ли оно? Все соображения, которые вы приводите, одинаково могут быть применимы к гипотезе прижизненной – от участников сеанса идущей – телепатии; и так как сомнения в существовании сознания у живых людей быть не может и имеется полное сомнение относительно существования вообще «духов», то гипотеза прижизненной телепатии нам кажется гораздо более уместной». На это я отвечаю, что при последней гипотезе результаты *не будут теми же*. Они будут отрывочны и неполны при обеих гипотезах одинаково, *но эти недостатки, будут совсем иного рода при гипотезе прижизненной телепатии*.

И вот здесь-то мы неожиданно наталкиваемся на характеристические особенности, доказывающие гипотезу «духов». Я сказал *неожиданно*, потому что, по моему мнению, в настоящее время мы далеко не имеем достаточно данных, чтобы высказаться вполне категорически. Это настолько важный пункт моего отчёта, что я посвящаю ему

отдельную главу; но сперва я постараюсь суммировать вкратце высказанное мною в этой главе.

Сеансы миссис Пайпер продолжаются лет 13. В самом начале она привлекла внимание профессора Джеймса, который очень многих отправлял на её сеансы, причём, устраивал их самолично и соблюдал строгое инкогнито вводимых им лиц. Под моё наблюдение она попала в 1887 году; я тоже многих приводил на её сеансы, большую частью самолично присутствуя и составляя отчёты об этих сеансах, и при этом всеми мерами предупреждал возможность для миссис Пайпер получить какие бы то ни было предварительные сведения о вводимых лицах. В 1889-90 годах госпожа Пайпер дала целую серию сеансов под наблюдением д-ра Уолтера Лифа, профессора Мейерса и профессора Лоджа; здесь тоже тщательно соблюдали полное инкогнито присутствовавших. По возвращении миссис Пайпер в Америку в 1890-91 годах я опять принял в своё ведение её сеансы. За это время очень многие, посетившие эти сеансы, получили твёрдую уверенность в том, что они через миссис Пайпер беседовали со своими «отшедшими» друзьями и родными; исследователи же, хотя и убедились из изучения трансфеноменов миссис Пайпер и из тщательного анализа отчётов сеанса, что имеют дело с какой-то паранормальной силой, но к единодушному соглашению относительно значения этой силы не пришли. Для меня лично всякая гипотеза казалась трудно допустимой. В этот начальный период наблюдений почти все сообщения давались через посредство голоса личностью, называвшей себя Финюи; и даже самые лучшие из этих сообщений содержали массу несообразностей и много неподходящего для тех, от имени кого они передавались. Относительно же самого Финюи имелось очень достаточно данных, которые не допускали относиться к нему как к лицу, заслуживающему безусловного доверия.

В течение 1892-96 гг. я ещё более усилил свою бдительность по отношению к трансам миссис Пайпер, принимая всевозможные предосторожности. Этот период моей работы ознаменовался новой фазой проявлений, обусловленной развитием автоматического письма и тем, что выдавалось за деятельную «помощь» со стороны проявляющегося, которого я здесь наименовал «Джорджем Пелхэмом». В результате стали получаться «сообщения», шедшие прямо от «проявляющихся» через посредство писания, гораздо более полные и точные, чем прежние, которые передавались через Финюи; совет же и руководство, которые, «проявляющиеся» повидимому получали от Джорджа Пелхэма, позволяли им избегать многих затруднений и несообразностей, столь характерных при первых проявлениях. В доказательство я могу привести массу примеров, где самоличность была доказана очень сильно и неопровержимо. Между прочим, имеется несколько проявлений моих личных друзей, которые через писание миссис Пайпер доказали мне безусловно, что они *именно те лица*, которых я знал прежде, с их интеллектуальными особенностями, с присущим их психологическим складом; они спрашивали и отвечали, видимо, сильно волнуясь, с трудом и большими усилиями, но вполне доказательно для того, чтобы я их узнал. Теперь, чтобы воздать Финюи должное, я обязан буду сказать, что, несмотря на все его промахи и увёртки* мне и ранее этого периода опытов приходило в голову, что он признаёт себя за духа. Но так много шло от него нелепого, не соответствовавшего ни его уму, ни душевным качествам, что невозможно было придавать какое-либо значение его упорному утверждению, что он – «дух» и передаёт сообщения от «духов». Но, полагаю я, должны же мы дать цену этому заявлению, если оно постоянно и настойчиво повторяется всё увеличивающимся числом лиц, проявляющихся во время трансов миссис Пайпер – лиц, отличающихся нравственной высотой, глубокой искренностью, серьёзными стремлениями: все эти лица единодушно и торжественно заявляют, что они те именно, кого мы знали во плоти. Если их положения именно таковы, какими их следует ожидать от лиц, в подобные условия поставленных, и если они упорно не поддаются никаким внушениям, противным этому их убеждению, – то должны же мы считаться с их воззрениями хотя бы отчасти. Сторонники прижизненной телепатии не могут не признать многих лиц, проявляющихся на сеансах госпожи Пайпер, вполне теми, какими они были во плоти, и наоборот: сторонники этой гипотезы не могут не убедиться во многих случаях в отсутствии, для объяснения дела с их точки зрения, агента во плоти. Опять повторяю: эти «проявляющиеся», утверждающие, что они – *духи умерших*, обнаруживают при этом память, целостность бывшего у них при

жизни характера, ясное сознание, деятельно работающий ум, духовные стороны, не только не ослабленные, но, очевидно, сильно тяготеющие к «высшим вещам». Неужели, несмотря на всю очевидность их самостоятельного бытия, на всю силу их разума и моральную их высоту, мы принуждены смотреть на них, как на лжецов или на заблуждающихся по отношению к самому факту их существования и признаем их, всех подряд, частичными сознаниями миссис Пайпер, её «подсознательными я»?!

* Конечно, получались о Финюи отзывы со стороны других «проявляющихся», и отзывы эти ему не совсем нравились. На одном сеансе Джордж Пелхэм хотел что-то записать насчёт Финюи: последовала борьба в организме миссис Пайпер, затем всё стихло, и Джордж Пелхэм написал, выразительно подчеркнув написанное: «Это – *tabula rasa*». – Позднее, когда Джордж Пелхэм сообщался при посредстве голоса, он вдруг написал: «Я не думаю, Ходсон, что было бы разумно расспрашивать Финюи, так как он склонен временами слишком много на себя брать и воображает, что слышит вещи, которые ещё далеко не дошли до него. Он добрый малый, но случайно иногда преувеличивает, особенно когда он неясен, подавлен. Лучше не говорить ему, что я это написал про него». (P.X.)

Возражение на это может заключаться в трёх пунктах: во-первых, что «проявляющиеся» эти не могут делать многого, что они делали при жизни; они делают ошибки, которые бы никогда не сделали при жизни и, вообще, они оказываются во многом несостоятельными по сравнению с прежней их жизнью; во-вторых, что имеется немалое число «проявляющихся», которые очень недостаточно доказывают свою самоличность, а многие и совсем не могут её доказать; и, в-третьих, что следует рассматривать проявления в их целом, а при подобной оценке они далеко не представляют собою тех черт, какие бы должны иметь, если бы «сообщающиеся» были тем, за что они себя выдают.

В ответ я укажу на приведённые мною выше соображения, доказывающие, что отрывочный, неровный характер, отличающий эти проявления вообще, именно подтверждает те особенности, *какие мы должны были бы ожидать*, предположи мы в «проявляющихся» тех людей, за которых они себя выдают, входящих с трудом в непривычное для них общение и связанных тяжёлыми условиями, которых может быть множество и которых мы можем не знать.

Но, – скажут мне, – в общем результаты сеансов могут подтверждать и гипотезу прижизненной телепатии, а потому она может оставаться пока в полной силе.*

* Наше недавнее замечание о телепатии, разумеется, остаётся в полной силе. Материалисты прекрасно понимают, что «духи» и «спиритизм» – се суть такая материя, которая властно принуждает их распрощаться с их труповерным мировоззрением. Поэтому у них в отношении этого предмета остаётся только две возможности: первая – упираться на телепатию (что весьма зыбкая для них почва и на самом деле означает только отсрочку); и вторая – одержимо и упёрто твердить, что все медиумы суть обманщики, а изучающие провоцируемые медиумами явления и феномены (пусть даже это учёные с мировым именем) все сплошь легковёрные глупцы и дураки. Последняя позиция представляется труповедам более сильной, вот они её и придерживаются. Такая у них, с позволения сказать, наука. Тон этого рода предвзятой и шутовской «критике» задал, помнится, в своё время ещё Фридрих Энгельс, в позорной статье «Естествознание в мире духов». (И.Р.)

Да, – отвечу я, – эти результаты, с точки зрения неровностей и нецельности их, могут отвечать обоим гипотезам, но оттенки будут различны. В одном случае будет видна связь между «медиумом» и проявляющимися «отшедшими», а в другом – между «медиумом» (или перцепиентом) и окружающими его живыми личностями. Теперь нам предстоит разобрать, на которую из гипотез имеется более указаний.

Глава Пятая

УТВЕРЖДЕНИЕ СПИРИТИЧЕСКОЙ ГИПОТЕЗЫ

Если бы мы допустили телепатию в гораздо более широких границах, чем полученные опытом – т.е., телепатию, включающую влияния множества отсутствующих лиц, а также лиц, которые никогда не подходили к перципиенту и никогда не видели его, влияния множества подсознательных, никогда не меняющих своё «я» и твёрдо проводящих *своё* индивидуальное сознание, свои резервы памяти, – подсознательных, которые кроме того *способны расти и развиваться* – тогда, действительно, мы могли бы, в общем, теоретически объяснить *удачу* каждого отдельного проявления. Если бы все «проявляющиеся» имели одинаковый успех с одними и теми же участниками сеансов, а с другими бы проявлялись неудачно, то указания на спиритическую гипотезу не были бы достаточно поддержаны. Но именно неудачи в данном случае указывают на «мёртвых» скорей, чем на живых агентов. Вся масса трансфеноменов является перед нами строго систематизированным целым, если мы в основание её положим проявления личностей умерших; и наоборот – взяв исходной точкой для всего комплекса проявлений сознания живых людей, мы получаем нечто несистематичное и беспорядочное. Множество деталей этих явлений изменяются и варьируют согласно лицам, которые выдают себя за «отшедших» и нисколько не согласуются с психикой живых людей.

Здесь я должен сделать отступление и для общей ясности высказаться теперь же о группе проявлений, которые не отвечают вполне ни той, ни другой гипотезе.

Существует целый разряд людей, которые совсем не имеют удачи в общении своём со своими «отшедшими»; на сеансах они не имеют никакого успеха и причина этому, очевидно, лежит в них самих. Обе гипотезы одинаково объясняют подобную случайность. В обыкновенных опытах передачи мыслей агент не может, конечно, ожидать удачного результата, если он развлекается посторонними предметами вместо того, чтобы сосредоточиться на одной мысли. Точно так же и участник сеанса, ожидающий сообщения от «отшедшего» друга, вряд ли способен получить ожидаемое, если его мысли и чувства не направлены в сторону этого «отшедшего». Возможно допустить, что эти мысль и чувство будут влиять как призыв, но совершенно неразумно воображать, что «отшедшие» находятся в непрерывном ожидании возможности проявиться живым, желают ли того эти последние или нет. Кроме того, очень возможно, что направление ума многих людей действует отталкивающим образом на попытки проявления со стороны «отшедших», а во многих случаях это направление ума, хотя и не отталкивает, но и далеко не помогает проявлениям.

Между прочим, упомяну, что имеется и много случаев неожиданных проявлений – т.е., проявлений личности, никем не ожидаемой, – но эти случаи образуют уже группу феноменов, прямо указывающих на существование независимых индивидуальностей. Чаще всего проявляются таким образом личности «отшедших», проявившихся уже своим друзьям на сеансах и *«знающих дорогу»*: они являются самостоятельно приветствовать других участников или передать сообщения через них своим друзьям. Таких случаев очень много в моих отчётах; но я вовсе не указываю здесь именно на то, что эти случаи служат доказательством независимости проявляющихся интеллектов. Эта независимость проходит красной линией по всей массе отчётов, и если ставить их на счёт телепатии, то надо допустить или вполне бессознательное со стороны участников воздействие, доказательство присутствия которого сыскать невозможно, или же телепатическое воздействие отсутствующих лиц, тоже бессознательное. Поясню примером:

Мисс Эдмондс присутствовала на сеансе, устроенном для одной дамы, совершенно неизвестной Джорджу Пелхэму и его друзьям. Джордж Пелхэм писал немного, однако когда миссис Пайпер уже выходила из транса, кто-то очень возбуждённо прокричал её голосом: «Скажите Алеку Буссеру не покидать их!» – Мисс Эдмондс никакого понятия не имела о Буссере, но он хорошо был известен мне. Буссер был близкий друг Джорджа

Пелхэма и муж Фредерики, сестры мадам Элизы, на сеансах которой Джордж Пелхэм нередко был посредником. Я немедленно послал сообщённое Алеку Буссеру и получил в ответ следующее: «Действительно, около меня случились люди, относительно которых я именно в это время раздумывал и соображал в направлении, которое делает сообщённое вами мне вполне понятным. Мне очень жаль, что я, таким образом, вынужден дать пищу вашей вере, потому что я ненавижу ваших «духов».

Как я впоследствии узнал, мадам Элиза опоздала со своим сообщением и Джордж Пелхэм передал его уже «возвращающемуся сознанию» миссис Пайпер. В данном случае совершенно понятно, что «дух» мадам Элизы высказался относительно экстренных обстоятельств, касающихся её друзей или родных, но совершенно непонятно, необъяснимо и вне всякой «системы», что бы какое-либо «подсознательное я» миссис Пайпер дало подобное внезапное и неподходящее сообщение.

Возвращусь к обсуждению группы проявлений, подходящих под обе гипотезы: большинство их, допуская объяснение телепатическим воздействием, в то же время может быть объяснено и иначе. Чистых телепатических случаев чрезвычайно немного; но я и не сомневаюсь, что эмоциональное состояние участников всегда быстро передаётся проявляющимся и в редких хотя бы случаях возможно, что проявляющимся овладеет та именно мысль, которая особенно занимает участника.

Есть и ещё разряд случаев, объяснимых обеими гипотезами; это именно те случаи, где доказательство самоличности даётся то самое, которое ожидается участником, хотя прямо им и не требуется. Например, один мой приятель по клубу – назову его Отис – проявился на сеансе; я просил его дать доказательство своей самоличности, и он напомнил мне о «танце со шпагами». Ранее он говорил вполне свободно и самым непринуждённым образом о товарищах по клубу, о рождественских праздниках и не упомянул о «танце шпаг», хотя я именно об этом тогда думал. Он был моим *vis-à-vis* во время этого танца на рождественских праздниках, и если бы Отис спросил меня, как я могу доказать ему, что я – Ходсон, то я непременно указал бы на этот танец, как на единственное обстоятельство, нас двоих касавшееся. Однако, подобные совпадения замечаются крайне редко, во всяком случае гораздо реже, чем это должно было бы быть, если бы проявляющийся черпал свои воспоминания из сознания участников. Кроме того, и те немногие имеющиеся сведения сопровождаются также другими отчётливыми и самостоятельными воспоминаниями.

Теперь, – оставляя в стороне неудачные случаи, объяснимые одинаково обеими гипотезами, а также и случаи удачные, но в которых даваемые сведения были известны присутствующим, – я перейду к группе случаев неудачных и вместе с тем отчётливо указывающих на воздействие «умерших», а не живых. Например, сеансы, устраиваемые со специальной целью добиться общения с неким А***. Условия этих сеансов, насколько я могу судить, были самые благоприятные, и другие «духи» проявлялись на некоторых из них вполне ярко. Моя мысль, так же как и мысли присутствовавших и отдалённых друзей и родных, должны были – согласно телепатической гипотезе – влиять сильно. И тем не менее, ни моё «я», ни «я» всех остальных близких ничем не выразились по отношению к проявлению А***. Совершенно непонятно, с телепатической точки зрения, каким образом ни масса сведений, у меня в запасе имевшихся, ни моя сильнейшая симпатия к А***, ни мои сознательное и подсознательное «я» не дали никаких результатов, и проявлялся А*** крайне путано и смутно; тогда как в это же время другие личности проявлялись чрезвычайно успешно. Но если мы допустим, что проявлялся действительно умерший А***, если мы вспомним, что А*** в последние года своей жизни страдал умственным расстройством, если сравним его случай с проявлениями других, страдавших при жизни тем же, то явление это становится понятным и объяснимым. Конечно, в некотором смысле каждый случай носит свой особый, исключительный отпечаток, и мы пока ещё далеко не имеем достаточно материала, чтобы строго систематизировать эти проявления, но я надеюсь, что имеющийся уже у меня материал будет сильно увеличен работами других исследователей и дальнейшими наблюдениями. Пока очень темны причины спутанных и сбивчивых проявлений, но несомненно, что продолжительность предсмертной болезни,

особенно сопровождающейся умственным расстройством или слабостью, неизбежно делает первые попытки к проявлению очень неловкими и неудачными.

Возьмём для примера сеанс с г-ном Бурже. Проявляющаяся – дама – пробовала, повидимому, писать, но могла только кое-как изобразить пару слова, «*Mon Dieu*» – между прочим. Ничего, хотя сколько-нибудь толкового, нельзя было добиться от неё; между тем Джордж Пелхэм совершенно верно описал её как красивую даму, – артистку по профессии, – с очень выразительными глазами и короткими, странно зачёсанными, волосами; сказал, что у неё было при жизни сильное страдание мозга и что в припадке безумия она выбросилась из гондолы или из лодки и утонула. Она едва могла изобразить первый слог фамилии Бурже и уже другой проявляющийся, явившийся к ней на помощь, знавший хорошо французский язык, которого совсем не знал Джордж Пелхэм, мог с большим трудом узнать её имя, которое требовал Бурже. При этом Бурже упорно думал о «Матильде», а названа была «Тилли» [но это ведь – уменьшительное от «Матильды»! – *ред.*]. Ещё, на другой вопрос Бурже, было судорожно (повидимому, через Джорджа Пелхэма) написано «Венеция». И только.

Наблюдались и проявления самоубийц различных категорий, и в трёх случаях давалась полная возможность частого проявления, причём все подробности сеансов тщательно записывались. Кроме того, у меня записаны пять случаев продолжительного болезненного расстройства при жизни, где тоже была дана возможность частых проявлений. Четыре из этих восьми случаев были проявления моих близких друзей, и я был полон самых живых и ярких воспоминаний о них. В других двух я лично не знал проявляющихся при их жизни, но хорошо знал их друзей и родных, воздействие которых на проявления, согласно телепатической гипотезе, легко могло иметь место. Наконец, в последнем из этих случаев я хотя и не был дружен с проявлявшимся во время его земной жизни, но знал его достаточно хорошо. Во всех вышеупомянутых случаях спутанность и смутность в проявлениях упорно держались при самых различных условиях транса миссис Пайпер, и в это же время совершенно ясные сообщения получались от других личностей; вместе с тем было совершенно непонятно, почему, если на сообщения воздействуют участники сеансов, эти проявления не были отчётливы и определённы или не делались таковыми в непродолжительном времени. То же самое явление замечалось и в случаях продолжительного умственного расстройства и ещё в некоторых случаях, где причину мы указать не можем вследствие очень малого ещё знакомства с условиями этих феноменов. Впрочем, можно предположить, что вообще ясность или смутность в проявлении, т.е. способность «управлять» нервным аппаратом медиума, так же мало может быть определена по внешним признакам, как и способность, например, к игре на скрипке у людей во плоти. Таким образом получается большое разнообразие при общении: некоторые из проявляющихся – т.е., которые при жизни страдали умственным расстройством, – обнаруживают бессвязный бред; другие – лица будто бы давно умершие – отличаются слабостью и сонливостью; ещё другие – выдающие себя за недавно отшедших – отличаются и соответствующей ясностью. Но и этим последним, очевидно, требуется навык орудовать пишущей живой машиной и вначале обыкновенно дело не обходилось без Джорджа Пелхэма или кого-нибудь другого в качестве помощника и толмача.

Я бы очень желал избежать недоразумений и недомолвок в отношении неудачных случаев проявления. Много уже упомянуто о некоторых исключительных случаях упорной спутанности, несмотря на полную возможность повторных проявлений, на различные условия сеансов, на сменяющихся участников. Таков, между прочим, случай с С*** в начале моих исследований, причём мне было совершенно неизвестно то обстоятельство, что он сам лишил себя жизни. В другом случае спутанность проявлявшегося была полной неожиданностью для участников, в том числе и для меня: мы совершенно не в силах были понять странной и нескладной чепухи, идущей будто бы от лица нашего умершего друга, а между тем мы преисполнены были волнением и живыми воспоминаниями и ожидали какого-нибудь очень отчётливого и яркого отклика из «лучшего мира», куда отошёл наш друг. Заключение о том, чего можно ожидать в подобных случаях, т.е., когда проявляющийся перед смертью долго болел или был психически расстроенным – основано мною на индуктивном выводе позднейшего времени – выводе, неизбежно вышедшем

из моих опытов и поддержанным неоднократными сообщениями по этому вопросу со стороны самих проявляющихся.

В большинстве других случаев, не столь исключительного типа, где возможность проявиться ограничивалась одним или двумя разами и которые не представляли ни продолжительного нарушения психической деятельности перед смертью, ни вообще какого-либо умственного расстройства, неловкость и смутность проявляющихся вполне объяснима необходимостью выразить себя впервые через посредство непривычного инструмента. При возможности дальнейшего проявления, обыкновенно, смутность рассеивается и то, что остаётся нескладного, соответствует вообще обстоятельствам процесса общения. Приведу несколько разнородных иллюстраций.

Иногда эта спутанность бывает сравнительно незначительна, иногда, напротив, велика. Так, в начале проявления Джорджа Пелхэма была некоторая пуганица при первых сообщениях Гарту, а также очень сбивчиво было одно из его сообщений Говардам относительно воспоминания о том времени, когда он, больной, лежал в их доме. Точно так же на первом сеансе миссис М***, которая ожидала сообщений от своего мужа, проявился и писал её брат и его спутанность мучительно напомнила миссис М*** его предсмертный бред. Она менее всего ожидала такого инцидента, и если здесь имелось её телепатическое воздействие, то совершенно непонятно, почему медиум *выбрал* именно такой материал.

Вполне естественно также, что лица, только что умершие, являются чрезвычайно смутными или даже вовсе проявиться не могут: потрясение и шок, причинённый смертью, представляются достаточной причиной для этого. В случае проявления Гарта, он не в состоянии был писать на другой день после своей смерти. В другом случае один мой друг, которого я назову Д***, через два-три дня после своей смерти написал, повидимому, с большим трудом своё имя и слова: «Теперь мне хорошо. Прощай». (I am all right now. Adieu). В случае родственника проявлявшейся уже на сеансах мадам Элизы Ф***, он не в состоянии был писать на другое утро после своей смерти.* На следующий день, когда на сеансе присутствовал совершенно нам посторонний человек, Ф*** написал одну или две фразы, прибавив: «Я ещё слишком слаб, чтобы отчётливо произносить»; ещё через несколько дней он уже ясно и свободно писал, а также и диктовал мадам Элизе как посреднику, сообщение о своих впечатлениях и чувствах в новых условиях существования. И Д***, и Ф*** в короткое время утратили спутанность и сделались совершенно понятными. Д*** позднее очень часто проявлялся и через писание, и через органы речи миссис Пайпер – чаще последним способом – и представлял собственную, отчётливо обрисованную, характерную личность. Гарт, наоборот, в продолжение многих месяцев не прояснялся; много позже я узнал, что его болезнь длилась гораздо дольше и была гораздо серьёзнее, чем я предполагал. Продолжительная спутанность в его случае, будучи сопоставлена с продолжительностью предсмертной болезни, сопровождаемой ещё и лихорадкой, представляется объяснимой вполне; но она совершенно непонятна, если её сопоставить с моим внутренним состоянием.

Извещение о смерти этого господина я случайно прочёл в бостонской газете, по дороге на сеанс. На сеансе неожиданно получилось писание от мадам Элизы; она вполне отчётливо писала, что Ф*** с ней, что самолично проявиться он не может и что она желала бы рассказать мне, как она помогла Ф*** приблизиться к ней. Она сообщила, что присутствовала при его кончине, говорила с ним – и повторила, что именно она тогда ему сказала (вовсе не заурядную фразу) и что он услышал и узнал её. Это сообщение было в подробностях подтверждено мне нашим общим с мадам Элизой другом. Я показал ему протокол сеанса, а через день или два этому другу другой родственник Ф***, присутствовавший при его смерти, рассказал, помимо всяких расспросов, как умирал Ф***: он видел перед смертью Элизу, слышал, что она ему говорила и повторил сказанное – это была именно та фраза, которую передала и мадам Элиза в своём сообщении о смерти Ф***. Всё происшедшее у смертного одра Ф* было, конечно, мне совершенно неизвестно во время сеанса. (P.X.)

Более или менее неразборчивое писание разных проявляющихся, представляется в моих глазах драгоценным материалом, если смотреть с точки зрения того освещения, какое бросает оно на работу сознания проявляющихся и на самый процесс проявления; но, разумеется, отдельные выдержки такого рода примеров должны только утомлять читателей

отчёта. Попробую всё-таки пояснить мои слова фактами. На первом сеансе г на Митчела Финюю не мог говорить вследствие недостатка в «свете» (как они выражаются). Миссис Пайпер утром этого дня случайно впала в транс и вечером нам пришлось целых два часа ждать наступления трансa. Проявилась будто бы жена Митчела, узнала мужа, назвала его по имени – Джеймс, назвала себя – Маргаритою; всё это правильно. Затем попробовала написать имя их дочери, Джудит:

«Дж-джу-ди-ди... наша дди... она была очень больна, но поправится». (*Затем попробовала подтвердить свою личность.*) – «Мит... Митчел... Я – она...» Потом: «Нет больше канцера*, – знаешь, милый...»

* Канцер – рак (*название болезни*).

Особенная смутность в этом случае имела, по моему мнению, две причины: 1) недостаток «света» и 2) неопытность проявляющейся. На следующем сеансе, через пять дней, результаты были уже много лучше: проявление Маргариты Митчел было отчётливее, она дала полное доказательство своей самоличности, упомянув о событиях из эпохи раннего периода их супружества; сказала, что «бэби» – умерший их внук, известный в семье под этим названием – находится с нею. Кроме неё, проявлялись ещё, и вполне доказательно, два умершие сына Митчела; один из них, умерший от чахотки, написал:

«Теперь мои лёгкие здоровы. Чахотка, полагаете, скверная вещь?»

Он описал местечко на юге где жил перед смертью; упомянул, что встретил там знакомого, Уилсона. Передать это имя ему было очень трудно:

«Конечно, я помню, но трудно написать слово так, как Пелхэм указывает – У-И-Л-С-О-Н».

Пелхэм, оказывая помощь ему, как и при других подобных случаях, сказал ему писать фамилию большими буквами. Самую важную и интересную сторону этого рода сеансов, по моему мнению, представляют не факты, которые часто ничтожны, а их, так сказать, оправа – сопровождающие и окружающие их тонкости; эти же последние возможно оценить в должной мере только путём методического, кропотливого изучения. Сравните пример, только что приведённый случай с другим: проявляющийся поздоровался с участниками сеанса и пожелал написать своё имя:

«Разве ты меня не помнишь? Я – Дуан».

Участники не уверены относительно имени Дуан. Пелхэм советует написать его большими буквами. Проявляющийся ему отвечает:

«Хорошо», – и пробует. Пишущий механизм складывает: «Д-В-Е-Н».

Участники называют отдельно появляющиеся буквы. Проявляющийся снова пробует:

«Д-В» – и обращается снова к Пелхэму:

«Я раздосадован. Вот оно, просто – Д-У-А-Н» – эта последняя попытка удачная.

О самом писании я буду говорить подробнее во 2-й части моего отчёта; в настоящую же минуту приведённые примеры достаточно свидетельствуют о том, что спутанность в проявлении не всегда происходит от смутности проявляющегося. Мне кажется, эта спутанность бывает трёх родов, различать которые должен уметь всякий исследователь: 1) смутность самого проявляющегося «духа», существующая как во время проявления, так и вне его, и берущая начало в прижизненном телесном или духовном его состоянии; 2) смутность «духа», производимая условиями, в которые он попадает во время акта проявления; 3) смутность как результат неудачного воздействия на пишущий (или иной) механизм медиума. Пункты 2-й и 3-й очень усиливаются от непонимания со стороны участников процесса воздействия. Так, например, миссис Митчел, в ответ на нашу просьбу повторить не разобранные нами слова, написала:

«Нет, не могу! это слишком много работы, слишком утомительно, не могу повторять. Вам следует помочь мне, и я докажу вам самоё себя. Я не могу собрать свои мысли, чтобы повторять свои фразы для вас. Мой дорогой муж, я недалеко от тебя – справа и совсем рядом с тобой. Поздоровайся со мной так же, как ты бы это сделал, если бы я была в теле с кровью и костями». Участники просят доказательств.

«Я и сама не могу себе отдать отчёта, каким образом вы меня слышите, и мне это немножко досадно... Милый! Как слышишь ты меня, когда мы говорим мыслями только? Но твои мысли не доходят до меня совсем, когда я с тобой говорю – я слышу странный звук и принуждена наполовину догадываться»*.

* Сравните эти слова со сказанным мною выше о затруднениях при проявлении. (Р.Х.)

Разряды спутанности, мною рассмотренные, не могут на каком-либо разумном основании быть отнесёнными на счёт «прижизненной» телепатии, но вполне и разумно объясняются признанием агентов за людей, которые умерли.

Большинство проявляющихся при первой попытке писать обнаруживает состояние полной растерянности, а часто и крайней умственный автоматизм; но, насколько я мог проанализировать это обстоятельство, даже и в подобных случаях всегда просвечивает личность именно того, от имени кого будто бы идёт сообщение. Даже в этих исключительных обстоятельствах могут быть не только получены сведения частного и интимного характера, но и сведения о событиях присутствующим совершенно не известных, но могущих интересовать то лицо, за которое выдаёт себя сообщаящий их. Например, одна из наших бостонских участниц, миссис Дж***, никак не могла добиться от своего покойного мужа, чтобы он написал своё имя; затем такого же труда стоило получить её уменьшительное имя, а между тем, о семейных делах он правильно и точно писал на 3-м сеансе, говоря о сыне: «серебряная ручка его беспокоит... мой магазин... где мой магазин... или моё занятие, новая ручка беспокоит меня и его».

Позже он опять говорил об этом же. Оказывается, что когда миссис Дж*** зашла в этот день в контору сына, то застала его очень раздосадованным именно по поводу серебряной ручки. Сын продолжал ювелирно-рисовальное дело покойного отца, и мать нашла сына, как писала мне на другой день, «очень расстроенным по поводу серебряной ручки», которую ему надлежало приделать к кинжалу и которая ему никак не удавалась.

Я выше уже говорил, что подобного рода инциденты происходят весьма нередко там, где сознание проявляющегося не особенно смутно, и указывал, что со стороны миссис Пайпер является совсем непонятным факт направления её внимания именно на такое незначительное само по себе обстоятельство, и наоборот – вполне естественно, чтобы отец, заинтересованный работой сына, заговорил о затруднениях в работе, если только сам он смог воспринять эти затруднения. Такой интерес к близким и знание обстоятельств, их касающихся, соединяется очень часто с непреодолимою трудностью собрать мысли настолько, чтобы ответить на самые несложные вопросы; в особенности затрудняют имена и названия.

Приведу и ещё пример из серии сеансов с м-ром Венсом. На первом сеансе Джордж Пелхэм расспрашивал о сыне участника, заявив, что вместе с ним учился в колледже (*верно*). Описал загородный дом Венса, где Джордж Пелхэм гостил однажды у товарища и видел участника (*верно*). Затем участник показал Финюи принесённый клочок бумаги; Финюи тотчас же определил, что написанное на нём очень походит на стихи или изречение: «Знаете, – сказал он, – написанное связано с двумя Мариями. Обе Марии были во плоти. Одна внушила, а другая написала. Одна из них мать – она и внушила». Всё это было верно: написан был короткий библейский стих, «который был написан моей сестрой по требованию умиравшей матери», объяснил мне Венс. «Клочок этот был у меня всё время заперт, и я достал его лишь с особым намерением показать миссис Пайпер». Сообщение шло будто бы от самой отшедшей, писавшей изречение, через Финюи. Если всё это было внушено передачею мыслей, то м-р Венс должен быть очень незаурядный агент.

Три года спустя, тот же м-р Венс опять пришёл на сеанс с целью получить сообщение от недавно умершего друга. Явился Джордж Пелхэм, назвал участника, осведомился о его сыне и старался получить хотя сколько-нибудь понятное сообщение от друга, который будто бы тут присутствовал. Но на все вопросы участника ответы давались самые неподходящие, а написанные имена все оказались неверными. Особенно Венс расспрашивал о книге, написанной этим другом: на этом сеансе не было получено

никакого ответа, а на другом данный ответ был неверен. Однако же, название книги было отлично известно не только Венсу, но и мне, да и ответы на остальные вопросы были, так сказать, наготове в мыслях Венса. Джордж Пелхэм был, между тем, совершенно логичен и ясен, и когда я, наконец, сказал ему оставить писание, так как ничего из этого не выходило, он написал: «Прощайте, Венс. Я очень огорчён, что потерпел такую неудачу, но полагаю, что придётся с этим смириться. Джордж Пелхэм. Прощайте. Жаль, что не желаете меня видеть». – Друг же, которого ожидал Венс, в начале сеанса жаловался на голову, а в заключение сказал: «Я чувствую сильную сонливость...» При жизни, как и следовало того ожидать, он страдал умственным расстройством, причём настолько серьёзным, что лежал в госпитале; это обстоятельство, а также и другие подробности, мне известные, ставят этот случай в разряд тех именно типических проявлений, при которых *теперь* я уже никогда не буду ожидать ясности и точности вскоре после смерти. Такие проявления сделаются ясными и понятными только много времени спустя и после долгого упражнения в процессе общения.

Как я теперь понимаю, именно в случаях, подобных вышеописанным, и принуждён был Финюи часто «выуживать» из автоматического бреда нужные участнику и проявляющемуся факты, догадываться, выпытывать для того, чтобы «вести свою линию»; и вероятно, такое старание было большой услугой со стороны Финюи. При накоплении большого опыта я понял многие промахи и ошибки его, его усилия добыть хотя что-нибудь у «духа», находящегося в коматозном состоянии и мысли которого представляют грудку обрывков земных воспоминаний. В тех же случаях, где можно, а *rigori* (при настоящем освещении этого предмета для меня), ожидать более ясности со стороны проявляющегося, Финюи всегда имел успех.

В связи с неудачными и смутными проявлениями скажу несколько слов о проявлении детей. Эти последние всегда замечательно ясны и определённы и чем моложе, тем определённее передаются слова, какие они умели говорить при жизни, выговор, интонации, вкусы, особенности и, прежде всего, упоминается о болезни, от которой умерли (последнее впечатление земное и – верное, являющееся в соприкосновении с нашим миром). Если эти успешные сеансы отнести на гипотезу чтения мыслей, то будет совершенно непонятным, почему родители лучше воздействуют телепатически на миссис Пайпер, чем, например, жена, только недавно потерявшая нежно любимого мужа? Последнего рода случаев немало в моей коллекции, и везде сильное горе и яркие воспоминания хотя, повидимому, и способствуют привлечению «отшедшего», но ничуть не делают его определённее. Между тем, если допустить объяснения, предлагаемые спиритической гипотезой, то вполне естественным представляется, что на детей акт смерти не должен производить столь сильное потрясение, как на лиц, живших 30-40 лет в условиях земли, под мириадами *известных* впечатлений, под постоянным давлением чисто телесных привычек; в последних случаях перемена условий бытия *должна* ошеломить личность, а воссоединение опять с организмом чужим и чуждым неизбежно должно заставить проявляющегося утратить возможность контроля над массой мысленных ассоциаций и, следовательно, результат получится иной, чем при проявлении совсем неопытного в земной жизни ребёнка.

В заключение я хочу упомянуть и ещё об одном роде так называемых неудачных сеансов, тоже легко и просто объясняемом. Я говорю о правильном названии имён участников. Джордж Пелхэм имел возможность, благодаря частым проявлениям, сделаться, так сказать, экспертом в деле общения и, в особенности, в управлении пишушим механизмом, и поэтому я беру для примера именно Джорджа Пелхэма. Кстати замечу, что сообщающихся, вообще, очень затрудняют имена: они, обыкновенно, очень походят на людей в дремотном состоянии, лишь наполовину улавливающих предъявляемые к ним требования; в их сознании, повидимому, проносятся различные и часто вовсе неподходящие имена, отпечатывающиеся безотчётно на бумаге. При полном сознании сообщающегося эти имена были бы им отброшены. Итак, Джордж Пелхэм, называя массу имён, известных Джорджу Пелхэму в его земной жизни, не может назвать другие имена, Джорджу Пелхэму при жизни неизвестные. Миссис Пайпер одинаково не знает ни тех, ни других. Почему же «телепатическая» сила миссис Пайпер проявляется так ярко относительно друзей и знакомых земного Джорджа Пелхэма, их условий жизни, их дел,

мелких подробностей – и наоборот, «телепатическая» сила миссис Пайпер бездействует относительно второй группы лиц? В этом обстоятельстве я вижу очень сильное доказательство самоличности Джорджа Пелхэма. Иначе приходится делать нелепое предположение, а именно: что все друзья и знакомые Джорджа Пелхэма необычно сильные агенты по сравнению с остальными людьми.

Как я уже упоминал, мы имеем ещё слишком мало материала, чтобы прийти к окончательному выводу; но тем не менее слегка обрисованные выводы пока сделанных мною опытов, по моему мнению, достаточно определённо указывают на многообразие самих «сообщающихся». Я, разумеется, далёк от того, чтобы здесь же, бесповоротно, признать этих «сообщающихся» за некогда живших людей: я лишь указываю на факты, подтверждающие это, и намечаю путь для дальнейших работ новых исследователей, которые, может быть, соберут достаточно материала для окончательного вывода. Я предупреждаю читателей, что, делая положительное заключение, я вовсе не исключаю возможности какой-либо другой гипотезы; это лишь вероятное объяснение и, без сомнения, далеко не для всех умов понятное, потому что – если бы даже все отчёты всех моих опытов были в моём распоряжении и если бы я их все напечатал, то и тогда я не смею надеяться, чтобы объяснение явлений в смысле спиритической гипотезы я смог бы передать со всей той силой, с какой оно вытекло из моих опытов для меня лично, как очевидца.

В будущем, с накоплением большего материала, я всё-таки намерен предпринять этот труд. Он должен будет включить в себя подробное изучение общей психологии памяти и подробное изучение умственного автоматизма: во сне, в дремотном состоянии, в горячечном бреде, в состоянии безумия, под гипнотическим воздействием и – вообще все те состояния, при которых личность проявляет себя иначе, чем в нормальном своём состоянии. Освоившись со всеми этими проявлениями личности, можно будет уже приступить к рассмотрению того особого автоматизма, какой являют предполагаемые «сообщающиеся». Тогда мы будем иметь мерило для сравнения. Кроме того, надо помнить, что безумие одного лица вовсе не тождественно в своём проявлении с безумием другого; такое же точно различие наблюдается и по отношению к прочим, мною упомянутым, ненормальным состояниям. Я полагаю, что коли подпала под наше наблюдение личность вроде миссис Пайпер, то очень желательно, чтобы наблюдение с самого начала велось только несколькими исследователями и с возможно точными записями сеансов. Что же касается до доказательности этих феноменов в общем смысле, то я убеждён, что с этой стороны дела слишком много усердствовали; важны тонкости и детали – именно оне проливают свет на феномены.

Предпослав такую оговорку, я, тем не менее, выскажу результаты, к каким я был приведён моим собственным опытом.

Постоянные неудачи многих «сообщающихся» при самых разнообразных условиях; неудачи некоторых в начале их общения и затем постепенно приобретаемая ими ясность, причём их, повидимому, значительно может облегчить в их первых проявлениях помощь со стороны уже опытных «сообщающихся»; особая специальная смутность – скоропроходящая – проявляющихся вскоре после их смерти и ею же обусловленная; характер особенного умственного автоматизма, сопутствующий некоторым проявлениям; отчётливость памяти у маленьких детей, недавно умерших – и совершенная утрата детских воспоминаний у умерших давно в раннем возрасте – всё это даёт прямые и абсолютные доказательства тождества и подлинности проявляющихся личностей и представляет именно то, что мы должны ожидать, если действительно эти лица проявляются при условиях транса миссис Пайпер. Результаты решительно оправдывают их заявления.

С другой стороны, это совсем не те результаты, какие мы должны ожидать при явлениях прижизненной телепатии. Созданное на основании этой гипотезы предположение сильного воздействия со стороны некоторых участников неизменно рушится при смене проявляющихся: случаи проявления отчётливого всегда представляют особенную самостоятельность, совсем несогласную с гипотезой телепатического воздействия; случаи особенного специфического затемнения в проявлениях вскоре после смерти в течение нескольких дней заменяются сравнительной ясностью без всякой видимой перемены со стороны агента, если только не замечается в этих случаях ещё и уменьшения постепенного

телепатического воздействия этого агента; затем другой вид умственного автоматизма, который, с самого начала, представляет собой не отражённое сознание предполагаемого агента или перципиента, а всецело напоминает именно данную «умершую» личность.

Наконец далее идёт целый ряд успешных сеансов с общающимися, которые являются одарёнными памятью и знаниями, проявляют интерес к узнаваемым, ими оставленным на земле друзьям. Всё это вполне естественно и понятно со стороны самих «общающихся» и было бы совершенно необъяснимо со стороны сознания миссис Пайпер.

В итоге получаются известные определённые *рамки* опыта, если мы будем относить сообщения насчёт личностей проявляющихся и – сплошное недоумение, если относить эти сообщения насчёт влияния сознания присутствующих. Затем, эти сообщения понятны и естественны, если мы допустим, что они исходят от самих «проявляющихся», и совершенно необъяснимы, если они исходят от личности миссис Пайпер. Далее, с одной группой «умерших» лиц телепатическая восприимчивость миссис Пайпер падает, с другой – наоборот, усиливается, и это падение и усиление оказываются строго гармонирующими с тем, что мы должны в каждом данном случае ожидать от «умершей» личности, и несколько не соответствуют с могущими влиять на миссис Пайпер настроениями участников. Теперь является вопрос: следует ли приписать *простому случайному совпадению* подобные колебания в восприимчивости миссис Пайпер, или каким-либо ещё, не известным пока, причинам, или же эти колебания указывают на влияние невидимых существ, которых мы когда-то знали во плоти? Я пришёл к заключению, что последний вывод самый вероятный, но не думаю, что бы при имеющемся количестве материала он мог быть признан за безусловно верный. Хотя собранные до сих пор данные, при рассмотрении их как проявления «умерших», являются вполне понятными и представляют естественную группировку.

Если, несмотря на всё вышеприведённое, всё-таки продолжать ещё считаться с телепатической гипотезой, то надлежит, прежде всего, рассмотреть, что известно нам относительно экспериментальной стороны чтения мыслей. И, прежде всего, следует вспомнить слова профессора Лоджа: «Необходимо постоянно иметь в виду, что подобного рода передача мыслей – бессознательно действующего агента – никогда не была доказана». Я же, на основании личного опыта и на основании опыта других участников сеансов, утверждаю, что, раз *мы исключим воздействие «общающихся»*, то результаты докажут *отсутствие* какого-либо процесса экспериментального чтения мыслей, а также и отсутствие какого-либо основания, указывающего на тот или иной род телепатии. Если бы получаемые сведения – как по существу, так и по форме совпадали с теми знаниями, что имеются у участников сеанса, то мы, конечно, тотчас же приписали бы источник их сознанию участников, действующему телепатически или каким-либо иным путём. Но достаточно, я полагаю, даже немногих приведённых примеров, чтобы убедиться в отсутствии такого совпадения. Нам остаётся только сделать голословное предположение, что воспринимающая личность миссис Пайпер входит в *rapport* с отсутствующими живыми людьми: 1) с интимными друзьями участвующих в данную минуту на сеансе и 2) с лицами незнакомыми или мало знакомыми участвующим. При этом все эти лица, или огромное большинство их, насколько им известно, никогда даже вблизи миссис Пайпер не бывали. Подобное предположение приведёт нас к необходимости признать в личности миссис Пайпер ещё и способность известного выбора, т.е., способность подбирать к случаю не только подходящие происшествия, но и подходящих лиц. И вот, если мы оснастим в такой мере воспринимающую личность миссис Пайпер и дифференцируем части её так, чтобы она объясняла все разнообразные случаи проявления, все доказательства самоличности «проявляющихся», все разнородные типы неудачных проявлений, а также и всё увеличивающееся число новых и новых случаев, то мы создадим гипотезу ещё более невероятную, чем сама гипотеза «спиритическая».* Возможно продолжить предположения и объяснения в этом роде: предположить способности личности миссис Пайпер узнавать то, что было известно только самому умершему; узнавать неизвестное ещё человечеству – например, существование неоткрытых ещё наукой небесных тел или обычаи и нравы обитателей других планет и т.д. Для этих предположений нам стоит только вообразить, что известное лишь умершему было поведено им ещё при жизни, телепатически,

«подсознательным я» живых людей; что сообщаящий новости о небесных телах получил их с помощью ясновидения и т.д., и т.п.

* *Sic!* Чрезвычайно важный вывод. В спиритической «гипотезе» объяснения всех этих выходящих за рамки обыденности явлений гораздо меньше «притянутости за волосы», нежели во всех прочих гипотезах, пытающихся как-то объяснить данный ряд явлений, не отрицая сам факт их существования. Право слово, нужно определённое упрямство, чтобы, после всех приведённых здесь дотошных объяснений и доказательств, желать и далее отстаивать правомерность телепатической гипотезы как объяснения всего происходящего на спиритических сеансах. (*И.Р.*)

Я и начал с того, что допустил возможность для личности миссис Пайпер распасться на несколько частичных сознаний, но длинный ряд опытов заставил меня признать quasi самобытность всех «проявляющихся»; ожидать такого же признания для них со стороны всех моих читателей я, конечно, не могу и высказываю лишь уверенность, что всякий самолично наблюдавший ряд сеансов с одновременным и вполне самостоятельным проявлением двух отдельных сознаний – одного посредством *письма* и другого посредством *голоса*, – неизбежно пришёл бы к тому же убеждению, что и я. Я уже не говорю о тех немногих случаях, когда обе руки писали о разном и одновременно голосом вёлся разговор на третью тему. Далее, я уверен, что наблюдающий убедился бы в том, что ни одно из проявляющихся сознаний не походит на сознающую личность миссис Пайпер в бодрственном её состоянии. Конечно, возможно допустить, что, по крайней мере, *два* сознания действуют за всех: они телепатически получают сведения от участников и отсутствующих; они воспроизводят личности предполагаемых сообщающихся: они подтасовывают получаемое и предъявляют его участникам с полнотой и обстоятельностью, какие явствуют из протоколов сеансов. Можно пойти даже и далее и смотреть на все явления как на воспроизводимые *одним* сознанием. Для того чтобы обозреть, что вмещает в себя такое сознание, мы должны окинуть мысленным взглядом всю полноту сведений, которая постоянно обнаруживается во время трансов миссис Пайпер; всю полноту воспроизводимых личностей; всё разнообразие путей, которыми проявляет себя это сознание, согласуясь с психикой этих воспроизводимых; цельность их личностей, в некоторых случаях проявляющаяся; смутность и сбивчивость других, опять же вполне сообразные с тем, что мы должны были ожидать именно от этих личностей, если они суть то, за что себя выдают; разнообразие телепатической способности, сообразующейся с проявляющимися личностями, воспроизводящей волнения, трогательные воспоминания и желания, интеллект, характеризующий того или другого «проявляющегося», стремление к совершенствованию и непрестанное утверждение в независимости существования каждого из них.

Какого же рода сознание мы должны при этом предположить и к какой области его отнести? Во всяком случае, такая форма сознания очень походит на «неизвестную величину». Я лично не прочь это «неизвестное» определить как *большое* или *широкое сознание*, но мне кажется проще и точнее будет назвать это сознание *иным миром, чем подсознательной личностью миссис Пайпер*.

И это ещё не всё. Я опять принуждён сослаться на свой практический опыт, который, однако, я не сомневаюсь, в одинаковой степени повлиял бы и на всякого, кто наблюдал бы феномены транса миссис Пайпер.

В тех случаях, когда исследователь упорно отказывался признавать сообщающихся за то, за что они себя выдавали [т.е. за духов умерших людей, – *ред.*], он большого успеха не имел. Там же, наоборот, где исследователь действовал согласно спиритической гипотезе, признавал сообщающихся за «духов», проявляющихся при очень трудных условиях, и обращался с ними так, как при таких же условиях он обошёлся бы с живыми людьми, получалось значительное улучшение в сообщениях. Я много раз получал лучшие результаты при сеансах с совершенно посторонними мне сообщавшимися, чем люди близкие им, но не доверявшие их самоличности; часто я получал совсем неизвестные мне сведения, тогда как иначе относившиеся к этим сообщавшимся их родственники не могли ничего

добиться. Встретив человека в таком состоянии, как эти сообщающиеся, мы непременно постарались бы успокоить его, не надоедать ему расспросами, постарались бы дать ему высказать то, что тяготит его, напомнили бы ему об интересовавшем его, дорогом ему, выказали бы ему участие, симпатию и т.д.; забрасывать такого субъекта вопросами, подвергать его перекрёстному допросу, наконец требовать, чтобы все ответы были у него наготове – конечно, ни к чему бы иному, кроме ухудшения его состояния, не привело бы. Тот же результат замечается и по отношению к проявляющимся. Телепатической гипотезы я придерживался в течение нескольких лет, затем проверял в течение тоже нескольких лет спиритическую гипотезу и, не колеблясь, самым абсолютным образом утверждаю теперь, что наблюдения подтверждают спиритическую гипотезу и *не* подтверждают никакой иной.

Здесь я нахожу необходимым более специально описать происходящее во время транс миссис Пайпер. Выражения я буду употреблять привычные для читателей наших «Отчётов». Хотя эти выражения и не вполне подходят к делу, но, вероятно, я буду лучше понят, придерживаясь старой терминологии, чем в том случае, если перейду хотя бы и к более подходящей, но новой.*

* На этом же основании оставляем и мы эти термины, как уже привычные для наших читателей, знакомых с позднейшими сочинениями по психологии. (*От переводчика*)

Когда миссис Пайпер впадает в транс, её нормальное я и супралиминальное (supraliminal = сверхнормальное) я как бы начинают исчезать и проявляется её я сублиминальное (subliminal = подсознательное). Первые как бы тонут, последнее же выплывает наружу; происходит это одновременно и постепенно. В этом состоянии она находится как бы на рубеже двух миров: смутно воспринимает присутствующих на сеансе, смутно воспринимает и «духов». Прежде, чем потерять вполне сознание окружающих предметов, она видит фигуры, слышит голоса: это можно заключить из отрывистых её фраз и замечаний, относящихся и к участникам, и к «тем», кого она уже видит из мира иного. Следующая за этим состоянием стадия – полное исчезновение супралиминального сознания: её собственное я стоит к её организму в таком же, повидимому, отношении, как и Финюи, и остальные проявляющиеся через голос. Этот период тоже непродолжителен, но иногда всё-таки возможно бывает делать наблюдения: в этом состоянии её сознание точнее и яснее, нежели в первом, и его можно назвать сублиминальным, так как, повидимому, оно ближе к «иному миру», чем к нашему физическому. Затем уже и это сознание покидает организм, верхняя часть которого делается инертной и как бы безжизненной. Как я предполагаю, нормальное и супралиминальное сознания личности миссис Пайпер каким-то образом засыпают в это время, сублиминальное же сознание затем покидает её организм и уносит с собою и супралиминальное сознание. Верно ли такое моё предположение или нет, но тело кажется находящимся вне контроля какого-либо сознания. Верхняя часть тела падает вперёд и я укладываю голову на подушки, положенные на стол. В это же время, или несколько ранее, лёгкая дрожь охватывает верхнюю часть туловища, она становится менее инертной и как бы подпадает управлению чьего-то сознания; тотчас же, а иногда и ранее, прежде чем исчезнет вполне сознание миссис Пайпер, иногда прежде исчезновения её сублиминального сознания, правая рука выказывает признаки чьего-то контроля и стремление писать.*

* Я описываю то, что происходит в настоящее время, а не в первые периоды наблюдения; впрочем, то, что написано о руке, представляет процесс, каким проявлял себя не один Финюи. (*P.X.*)

В то время, когда верхняя часть туловища и левая рука подчинены одному сознанию, правой рукой управляет другое, причём, оба эти сознания – кто бы они ни были – вполне независимы одно от другого и ведут, одновременно и самостоятельно, беседы с разными лицами и о разных предметах. Я должен прибавить, что с того времени, как перестал

руководить делами Финюи, проявления через посредство голоса бывали редко и почти исключительно только в тех случаях, когда являлись родственники участников, которые беседовали этим же способом и до «отхода от дел» Финюи.

Следует заметить, что тот проявляющийся, чьё сонание воздействует на руку, *сам не сознаёт акта писания*. Писание, повидимому, есть просто автоматический отпечаток того, что воспроизводит нервный аппарат миссис Пайпер; при этом сообщающийся не более сознаёт самый процесс, чем и лицо, говорящее в фонограф, сознаёт то, что отпечатывается на вращающемся цилиндре. Слух у сообщающегося через писание имеет органом своим, повидимому, пишущую руку, и участник сеанса, чтобы быть понятым, должен говорить руке. Я не беру на себя дать какое-либо подходящее объяснение процессам, мною описываемым: я не понимаю, какое соотношение может существовать между интеллектом и движениями руки; я не знаю, действуют ли при этом моторные центры мозга, управляющие движениями руки, или нет, – склонен, однако, предполагать, что если и действуют, то, конечно, не обычным путём. Писание это совсем не походит на обычный почерк миссис Пайпер и изменяется, смотря по проявлению того или другого из сообщающихся, но на прижизненные их почерки тоже не более походит, чем и на почерк миссис Пайпер.*

* Мисс Р***, чьим другом был один из проявлявшихся через писание – и самолично управляя всем организмом миссис Пайпер, и совместно с Финюи, – показывала мне его первоначальное писание, а также и прижизненный его почерк: некоторые тождественные особенности заметны, правда, но в общем трудно было бы на основании этого сходства строить доказательство самоличности. (Р.Х.)

Мысли, зарождающиеся в проявляющемся сознании, имеют свойство быть воспроизводимыми через письмо, и одно из главных, повидимому, затруднений заключается именно в том, чтобы воспрепятствовать регистрации тех мыслей, которые не предназначаются для участника сеанса. Часто на сеансе заявляется о присутствии других – не проявляющих себя прямо – «духов», и тогда рука поворачивается и вникает им так же, как слушает беседующего участника – т.е., таким образом поворачивается наискось ладонью к говорящему, чтобы соединение мизинца с ладонью было направлено ко рту говорящего. Часто в писании попадают слова и фразы, не предназначавшиеся для собеседника во плоти: что-нибудь сказанное, очевидно, «проявляющемуся» присутствующими невидимыми или же наоборот – его замечание по их адресу, – или же что-нибудь из разговоров между собою присутствующих незримых.

В иных же, неудачных, случаях, когда, очевидно, «света» мало, в писании получается совершенный сумбур: тут и обрывки мыслей «сообщающегося», и попытки его отвечать участнику сеанса, перепутанные с обрывками обмена мыслей между собою присутствующих и проявляющихся. Но следует заметить, что при этом *никогда* не перепутываются сообщения, получаемые через писание, с сообщениями, дающимися одновременно голосом.

Не поддаются описанию действия руки во время такого сеанса, её манера поведения, как в отношении земных участников сеанса, так и в отношении других присутствующих, будто бы тут «невидимых». Иногда она прерывает беседу с участником и как бы обращается к кому-то другому, тут же стоящему, причём, пишущие ответ движения руки продолжают в воздухе; иногда говорящий через письмо оставляет руку, давая место другому; иногда писание внезапно прерывается прибывшим кем-нибудь из «невидимого мира». Передать эти и им подобные тонкости, описать совершенно разумные и целесообразные движения этой руки – невозможно; и тем более, что сами «проявляющиеся» утверждают, что им доподлинно неизвестно соотношение между их мышлением и процессом письменного воспроизведения их мыслей, а также и причины того ли иного движения руки. Но факт ясен и неоспорим для наблюдателя.

Мнение «проявляющихся» относительно того, что во время процесса этого общения происходит с физической стороны, может быть вкратце изложено следующим образом. Человек имеет тело, состоящее из «светящегося эфира», которое заключено в его физическом теле; отношение эфирного тела миссис Пайпер к эфирному миру, в котором будто бы пребывают «проявляющиеся», таково, что у неё имеется известный запас

особой энергии, которая им представляется в виде «света». Они – «проявляющиеся» – удаляют эфирное тело миссис Пайпер, и тогда её физическое тело является скорлупой, наполненной этим «светом». Несколько «проявляющихся» могут одновременно быть в соприкосновении с этим «светом». У миссис Пайпер имеются две главные «массы» такого света: одна в связи с рукой, другая – с головой. Когда «проявляющийся» входит в соприкосновение со «светом», то все его мысли стремятся быть воспроизведёнными посредством движений в организме миссис Пайпер. Очень немногие из «проявляющихся», будучи даже в соприкосновении со «светом» головы, могут производить голосовые эффекты, но все, соприкасающиеся со «светом» руки, могут вызывать пишущие движения. Из всего этого ясно, что сообщения находятся в сильной зависимости от количества и яркости этого «света». Когда миссис Пайпер нездорова, то «свет» слабее и сообщения получаются смутные, мало понятые; этот свет также может истощаться во время сеанса, и когда он тускнеет, то опять получается путаница в сообщениях, поначалу вполне отчётливых. По мере же всё большего и большего истощения «света» сознание «сообщающегося» как бы и совсем меркнет.

Возвращаюсь к моим личным наблюдениям. К концу сеанса постепенно и заметно слабеет управляющее организмом сознание и, наконец, вовсе оставляет организм миссис Пайпер, который тотчас же опять впадает в состояние, предшествовавшее трансу. Тело миссис Пайпер опять безжизненно и инертно и наблюдается возвращение её собственного, нормального сознания в обратном порядке, но более медленно, чем процесс наступления транса. При выходе из транса миссис Пайпер некоторое время находится по отношению к своему организму в таком же положении, как и проявляющиеся через него «духи»: часто, например, повторяет сказанное ей в невидимом мире и т.п. Наконец начинает выступать её супралиминальное сознание, и в этом состоянии она нередко видит образы «проявлявшихся».

Без сомнения, при чтении всего вышеизложенного у читателя зародилось немало вопросов, на которые у меня в настоящее время не найдётся ответа; но я прошу его непрестанно помнить главное, а именно: те трудные условия, в каких работают «проявляющиеся», если они суть то, за что себя выдают. Там, где есть «проявляющийся» более опытный в управлении машиной миссис Пайпер и служащий посредником для других, некоторые причины спутанности могут отсутствовать или, скорее, устраняются более или менее; но таковые причины существуют ещё и для самого посредника, и, помимо того, ко всему присоединяется ещё одно затруднение для желающего передать свои мысли: это – ошеломляющее действие на него так называемого «света». Затем; волны возбуждения и волнения воплощённых друзей его, преобладавшая в нём в последние минуты земного бытия идея, горячее желание оказать помощь своим близким по земле и т.д., и т.п. Всё это гнетёт, душит вновь «проявляющегося». А в это время участники сеанса обращаются к нему с вопросами (подчас пустяковыми), никакого отношения к его настоящим мыслям не имеющими, перебивают, переспрашивают; «проявляющийся» приходит всё в более и более ошеломлённое, *коматозное* состояние, контроль над «светом» ускользает от него, и он оказывается принуждён уйти с тем, чтобы ещё и ещё – много раз, может быть – возобновить свою попытку и пройти сквозь такое же тягостное испытание.

Опять же напоминаю читателям, что я даю заключения, к каким я был приведён своим многолетним, упорным опытом, и я желал бы особенно сильно подчеркнуть некоторые исключительные условия, существующие для «проявляющихся», если они суть то, за что себя выдают. Я постараюсь возможно короче иллюстрировать их положение с иной точки зрения. Физический мир, познаваемый нами, отражается в нашем сознании. Если бы мы жили и в прежние века, то, вероятно, заметили бы постепенно увеличивающуюся сложность физических явлений, которая постепенно воздействовала бы на наше сознание, отражаясь в нём, и это последнее таким образом развивалось бы в течение долгого периода в связи с развитием своей телесной организации. Точно такую же эволюцию, но совершающуюся в период гораздо скорейший, наблюдаем мы и в продолжение роста человеческого организма – со дня рождения до полного развития его. Этими двумя путями человеческое сознание выразило себя через посредство человеческого организма в нашем физическом мире.

Непосредственно сознания других людей не познаются нами: мы воспринимаем их лишь за счёт манифестаций их организмов. Оставляя пока в стороне вопрос о том, может ли человеческое сознание проявлять себя так же и в связи с движениями неорганической материи, как это утверждается по отношению к некоторым «так называемым физическим феноменам спиритуализма», я вижу, что человеческое сознание, проявляющееся в моём физическом мире, прежде всего и в общем, исключительно проявляется изменениями в человеческом организме. Эти изменения, происходящие в каком-нибудь известном организме, воспринимаются мною символически, как совершающиеся в этом сознании, а не в моём собственном. Я замечаю также, что эти другие сознания варьируют в своих физических проявлениях, прерывают эти внешние манифестации и вновь проявляются через них иногда совсем в иной, особенной форме. Проявления сознаний варьируют в случаях: катастроф, лихорадочного состояния, нервного расстройства, эпилепсии, раздвоения личности, под влиянием сна, транса, анестезирующих средств и т.д. Физические манифестации сознания при подобных различных условиях очень часто уклоняются от нормы. Я думаю, что для всех этих проявляющихся организмов может наступать время, когда сознания перестанут совсем проявлять себя изменениями в них. Подобное состояние организма я называю смертью. Если сознания, проявлявшие себя через посредство этих организмов, остаются существовать, то я предполагаю, что самый легчайший способ для них вновь проявить себя моему физическому миру будет какой-либо способ, каким они себя и прежде проявляли, именно – при посредстве человеческого же организма. Первое затруднение будет заключаться в том, чтобы для этого добыть организм. Затем, далее: я, в качестве такового же сознания, не могу производить изменения в чужих организмах прямым воздействием, как в своём собственном; а также, при обыкновенных условиях, не могу заставить вибрировать в унисон с моим собственным сознанием сознания, которые связаны с этими организмами. Бывают, однако, обстоятельства, когда такого рода эффект возможен, так, например, в случаях телепатии, где одно человеческое сознание воздействует на другое человеческое сознание помимо всяких манифестаций со стороны организма. Возможно также допустить, что раз основы структуры – результат длинного процесса эволюции – в одинаковой мере присущи всем человеческим организмам, то всякое сознание может быть приведено со всяким другим организмом в связь более или менее подобную той, какая существовала у него ранее с его собственным организмом, так что это сознание может до некоторой степени проявлять себя через чужой организм; но проявления эти ни в каком случае не могут быть тождественными с теми, какие бы получились от его воздействия на собственный организм, и разница в этих проявлениях будет пропорциональна разнице в самих организмах. Если мы допустим теперь, что нечто подобное может произойти, то аналогию этому явлению следует искать в тех случаях, когда сознание личности, признаваемой нами за живую, не может себя проявлять обычным путём вследствие невозможности полного воздействия на собственный организм. Такое неполное воздействие наблюдается во всех упомянутых мною ненормальных условиях. В некоторых случаях может быть невозможность управлять отдельными частями организма, а также сам организм может быть повреждён или работа его может быть временно так или иначе искажена. Далее мы находим, что могут быть такие состояния организма, при которых не только проявления сознания, с ним связанного, ограничены, беспорядочны и необычны, но и собственные манифестации нашего «я» для восприятия этого сознания тоже странно ограничены в зависимости от тех или иных влияний, исказивших данный организм. Например, другое сознание может «не видеть» наш организм таким, каков он есть; может «не слышать» нашего голоса; может «видеть» и «слышать», но не узнавать; может и видеть, и слышать, и узнавать, но ничего не помнить, к нам относящегося; это сознание не может назвать нашего имени, не может совершенно понимать и усваивать самые несложные вопросы. Затем, в других случаях, при возвращении сознания в организм – например, после эфиризации или при пробуждении от глубокого сна, – мы наблюдаем даже в самых нормальных условиях сознания и организма, самые различные уклонения в проявлениях; в некоторых случаях сознание проявляет себя очень быстро и вполне, в других – наоборот, процесс полного проявления сильно замедлен, и, несмотря на все наши усилия, нас не узнают, вопросы наши остаются

без ответа и все проявления данного сознания бессвязны долгое время. Может быть, нам удастся добиться признаков минутного просветление такого сознания, но оно имеет явную склонность вновь возвращаться к смутным, неясным проявлениям, указывающим на почти полную потерю контроля над организмом. Мы убедимся, что смутность эта продлится вплоть до того состояния, какое мы именуем пробуждением. Это пробуждение обыкновенно сопровождается прежде всего отчётливым воспоминанием происходившего тотчас перед тем, как сознание перестало проявлять себя через организм, и это воспоминание перемешано с идеями, которые предшествовали пробуждению. Медленно и постепенно такой пробуждающийся собирается с мыслями настолько, чтобы разобраться в них, осмыслить окружающее его организм, соображать вопросы, на которые он сначала реагировал различными, совсем не подходящими манифестациями, и, наконец, он становится «нормальным», «приходит в себя». Отношение такого сознания к организму во время, предшествовавшее пробуждению, было повидимому таково, что не только смутно воспринимались манифестации «ко мне», но и путались представления «обо мне». В дальнейшие подробности о состоянии такого сознания мы входить не будем: ясно, что мы должны ожидать разного рода странных манифестаций от сознания, которое начинает проявлять себя через организм после более или менее долгого периода перерыва. Если задолго до этого периода сознание уже являло беспорядочность манифестаций, то вначале пробуждения мы должны ожидать повторения этого беспорядка и во всех случаях, без исключения, мы должны ожидать путаницы в понимании «нас» и в проявлениях его «нам». Если перерыв был полный и продолжался долгое время, то мы будем ожидать – во всяком случае, в первое время по возобновлении проявления – тем большего затемнения и спутанности, чем более долгим и полным был перерыв. Но эти осложнения в проявлениях, разумеется, должны быть в гораздо более ещё сильной степени, если сознание, вместо того чтобы проявиться через организм, которым оно управляло в течение многих лет, принуждено проявлять себя через *другой* организм. В этом случае, кроме обычных явлений: нецелесообразных движений, неспособности ясного понимания слов и вопросов, сонливой несообразности и прочая, какие характеризуют все проявления сознания после временного периода отсутствия этих проявлений, – причём надо помнить, что эти проявления, вновь возникая, всегда сильно варьируют сообразно с каждым отдельным случаем, с причиной, вызвавшей этот период перерыва проявлений, и со степенью его продолжительности, – мы должны ещё приготовиться также и к различным видоизменениям сообразно с тем орудием и путём, каким это сознание может проявить себя. Предположение, чтобы такое – прекратившее проявляться в физическом мире – сознание могло когда-либо с полной ясностью проявить себя через *другой* организм, представляется в высокой степени невероятным; и, во всяком случае, мы можем ожидать встретить его *только отчасти пробудившимся* или «пришедшим в себя». Из всего этого возможно заключить, что даже наилучше «проявляющиеся» через миссис Пайпер не могут не казаться как бы сонными. Вот первый пункт, который я желал подчеркнуть.

Второй пункт заключается в положении, о котором я уже упоминал, но которое настолько трудно передать читателю, что его надо объяснять возможно много и ясно. Это относится к моим наблюдениям за механизмом общения. Недостаточный ещё пока материал опытов относительно сообщений *голосом* не позволяет мне делать в этом случае каких-либо выводов; но относительно сообщений через письмо, которые я наблюдал сколько мог тщательно, тысячи и тысячи страниц, писанных множеством самых разнообразных личностей, причём самому подробному анализу подвергались всевозможные во время процесса писания обстоятельства и инциденты, – я могу сказать, что ни малейшего сомнения не имею относительно того, что пишущая личность – кто бы она ни была – *совсем не сознаёт факта писания* и что мысли, принадлежащие этой личности, каким-то непонятным образом стремятся быть воспроизведёнными через пишущий механизм миссис Пайпер. Этот пишущий механизм очень далёк от совершенства и нередко воспроизводит слова, разобрать которые совсем невозможно. В таких случаях следуют с нашей стороны вопросы и просьбы повторить слова, а это, в свою очередь, обрывает нить мысли у «сообщающегося», который и без того поставлен в необходимость думать медленно – в темпе писания – и при этом ещё тщательно отгонять те мысли, которые он не желает

сообщить или посторонние тому, что он в данную минуту сообщает; кроме того, вступив ради проявления себя в соотношение с физическим миром через посредство чужого организма, он находится в состоянии сонливом или в состоянии только отчасти пробудившегося.

В заключение скажу, что хотя я и не считаю сущности этих явлений окончательно выясненной, но всё же многие затруднения, встреченные мною на пути моих исследований, и, главным образом, сомнение в активном участии, принимаемом в них «умершими», устранены вполне фактами и теми выводами и соображениями, которые вытекают из фактов и которые я изложил в этом отчёте насколько мог подробно и понятно. Каковы будут мои убеждения и верования в будущем – я не знаю; может быть, дальнейшие изыскания заставят меня изменить мои воззрения, но в настоящее время у меня нет ни малейшего сомнения в том, что «сообщающиеся», наиболее полно проявившиеся на моих опытах, суть именно те личности, какими они себя называют; что они действительно пережили смерть и сообщаются с нами, как живые люди, через посредство организма миссис Пайпер. Без сомнения, найдутся отдельные случаи, не совпадающие с гипотезой, принять которую принудил меня мой опыт, но я также придерживаюсь и общей доктрины эволюции, а между тем, насколько я помню, имеется много биологических фактов, не поддающихся объяснению этой теорией. Во II-й части моего отчёта я намерен именно рассмотреть различные противоречащие моему общему выводу данные, а также попробую изложить мнения «сообщающихся» относительно писания и его механизма. В эту часть войдёт ещё описание моих позднейших наблюдений за период 1896-97 годов, причём должен прибавить, что наблюдения эти только ещё более подтвердили тот вывод, к которому я пришёл. Многие из этих сеансов для постороннего зрителя представляют собой нечто очень странное и бессмысленное, но для постоянного и внимательного исследователя они не менее драгоценны, чем так называемые удачные сеансы: сквозь сумбур и путаницу постепенно и ярко проглядывает расширившееся знание и кругозор личности, которую мы знавали и которая знает нас самих хорошо. И главнейшая задача этого моего отчёта членам нашего научного Общества, вся моя надежда заключается в том, чтобы он послужил хотя некоторым руководством для других исследователей в понимании ими тех условий, при каких эти «сообщения» происходят.

Позволю себе в дополнение сказать несколько слов о позднейших изменениях в трансе миссис Пайпер, а также предложу некоторые практические соображения, к чему, как мне кажется, обязывает меня то положение, какое я занял, выступив с этим Отчётом.

Глава Шестая

НЕДАВНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ТРАНСЕ МИССИС ПАЙПЕР

Если выводы, к которым я пришёл относительно самоличности «проявляющихся» через миссис Пайпер, подтвердятся, то перед нами встанут некоторые, очень важные, соображения, на которые я намерен тут же указать.

Если «сообщающиеся» не все в одинаковой степени способны управлять нервным механизмом миссис Пайпер с целью проявляться, то желательно допускать к этому только тех, которые могут управлять им. Далее, те из сообщающихся, которые при жизни страдали умственным расстройством, должны быть устраняемы от проявления, по крайней мере, до тех пор, пока это расстройство у них не исчезнет: если бы моё сознание временно удалили и моим организмом в это время завладело бы другое сознание, то я бы не желал, чтобы это сознание было более низкого уровня, в нравственном и умственном отношении, чем моё собственное. Затем, если мы усматриваем, что навык данного интеллекта в управлении механизмом ведёт к большей ясности в сообщениях, то мы, вероятно, получим наиболее удовлетворительные и рациональные результаты, поощряя этот интеллект к проявлению через механизм возможно чаще и дольше до тех пор, пока он не проявит себя с полностью и ясностью, какие только допустит развитие механизма. Затем, если эти «проявляющиеся» действительно *духи*, то желательно бы привлечь в качестве операторов тех из них, которые наиболее осведомлены как относительно управления «медиумическими механизмами», так и относительно общения «другого мира» с нашим физическим. Эти же правила, конечно, должны относиться и ко всякому, подобному миссис Пайпер, случаю, и в особенности на ранних стадиях развития. Если мы имеем некую протоплазмическую машину, могущую служить как орудие сношений с «иным миром», причём, машина эта только ещё начинает работать, то, без сомнения, она представляет собой аппарат бесконечно более сложный и деликатный, чем любой из изобретённых человеком; следовательно, является прямой необходимостью сделать всё, дабы аппарат этот попал в опытные руки и не с целью немедленного применения его, а с тем, чтобы прежде всего его развили и приспособили возможно лучше. Некоторые объективы готовятся целые годы прежде, чем они попадут в телескоп. Музыкант работает в продолжении долгих лет прежде, чем из него выйдет артист. – «Полагаете вы, что на мне легче играть, чем на трубе?»*

См. у Шекспира. Вопрос Гамлета, обращённый к придворному. (P.X.)

К этим умозаключениям пришёл я главным образом со времени появления сообщающихся личностей, заявивших о себе как о руководителях Стентона Мозеса, проявлявшихся через его организм. Летом 1895 года, во время серии сеансов одного моего друга с миссис Пайпер, было сообщение от Джорджа Пелхэма, опровергавшее так называемое «одержание злыми духами». Друг мой, в ответ, сослался на «Учение Духов» Стентона Мозеса* и в результате разговора проявился, будто бы, через миссис Пайпер сам Стентон Мозес. Он казался растерянным и бессвязным и о таком его состоянии нас заранее предупредил Джордж Пелхэм. Стентон назвал совсем неподходящие имена в ответ на просьбу сказать, кто именно были Император, Доктор и Ректор, которые упоминаются в его книге «Учение Духов» как его руководители, и совсем не смог доказать свою самоличность. Он, однако, дал несколько сведений, участникам сеанса не известных, которые после были проверены в Англии и могли служить косвенным доказательством его самоличности.

* Знаменитая книга преподобного У. Стэнтон-Мозеса, написанная им в сотрудничестве с Высшими Духами (*издана в 1883г.*); один из столпов и краеугольных камней англоязычного спиритизма. (Й.Р.)

В настоящее время я не буду входить в подробное описание проявлений Мозеса. В начале 1896 года миссис Пайпер, как я уже упоминал, подверглась вторичной операции и возобновила сеансы только в октябре этого года. Я сказал Джорджу Пелхэму, что очень важно «прояснить» Мозеса и получить от него ответы на мои вопросы; в конце концов, Стентон Мозес заявил, что он обратился за помощью к своим бывшим «руководителям», которые затем несколько раз проявлялись и сами в ноябре и декабре 1896 года, а в январе 1897 г. потребовали, чтобы управление «светом» миссис Пайпер было передано в их руки. Иными словами, *Император* потребовал, чтобы свободное экспериментирование с организмом миссис Пайпер было прекращено; этот организм, по его мнению, стал «разбитой и стёртой машиной» и нуждается в починке, если она ещё возможна; а пока другие проявляющиеся не должны быть допускаемы к пользованию ею. После этого заявления я впервые сообщил нормальной миссис Пайпер о проявлениях Стентона Мозеса и о требовании *Императора* и спросил её мнения; она ответила, что согласна последовать моему совету и предпринять ряд новых исследований под руководством *Императора*, на что, к слову сказать, я многократно и был горячо побуждаем Джорджем Пелхэмом. На следующем сеансе я объявил *Императору*, что медиум и я согласны произвести указанные изменения; в ответ на это последовал ряд сообщений чисто личного характера. Было упомянуто, между прочим, что масса затруднений относительно ясности в проявлениях происходит от того, что машиной пользовалось так много «неразвитых и расстроенных» личностей. Последнее появление Финюи было 26-го января 1897 года; затем оставлены были только те из проявлявшихся, которые не вредили «свету»: группа «духов» Мозеса и ещё некоторые, кои ранее проявлялись через миссис Пайпер. Перемена не замедлила сказаться: участники, посещавшие сеансы миссис Пайпер, были поражены усилившеюся ясностью и полностью «проявления» их умерших друзей. Но особенно замечательна перемена, происшедшая с самой миссис Пайпер, выразившаяся в усиленном ощущении общего благосостояния, а также и в манере впасть в транс. Вместо резких подёргиваний и судорог, сопровождавших наступление транса в первые годы влияния Финюи, она теперь впадает в транс тихо, легко, спокойно, причём, прежние её боязнь и отвращение при наступлении потери сознания, сменились совсем обратным чувством: теперь она радуется своему «отбытию» и с некоторым недоумением и даже огорчением, при пробуждении, возвращается опять в наш «тёмный мир» с его физической обстановкой. При новом «режиме» и проявления недавно умерших стали отчётливее и рельефнее. *Император* иногда пишет, но только от себя – никогда как посредствующее лицо. Он, повидимому, более, чем кто-либо из «проявляющихся» недоступен помехе со стороны врывающихся мыслей других, желающих проявиться. Главным посредником для этих последних теперь является *ректор*, а Джордж Пелхэм пишет только иногда и более о лично его интересующих вопросах. Много раз было указано, что «аппарат ещё не ясен», что он ещё в починке, и мне было сделано предсказание, что я опять вернусь в Америку и ещё несколько лет употреблю на исследование трансовых феноменов миссис Пайпер и что мне будут даны такие доказательства самоличности, каких я ещё не видал. Надеюсь, что это пророчество исполнится и что мне удастся представить нашему Обществу ряд новых доказательств.

С моей точки зрения, настоящее положение вещей представляется вполне правильным экспериментальным приёмом. Никто не сочтёт ненужным организовать наилучшие условия для опытов обыкновенного чтения мыслей. Если неловкое положение, атмосфера глупости, мешающий то и дело шум, бестолковые вопросы и замечания присутствующих, непрестанная перемена предмета опыта, сильная усталость и т.п. делают перципиента неспособным к восприятию мыслей, то из этого никак не следует, что данный перципиент не сенситивен; устранив всё мешающее, мы можем получить замечательные результаты. То же самое применимо и к случаю миссис Пайпер. Из продолжительных и разнородных своих опытов я вывел заключение, что спутанность и смутность проявлений хотя и составляют принадлежность особенного состояния «проявляющегося», но также много зависят и от других причин, которые, более или менее, устранимы, и что даже в том случае, когда оне устранены быть не могут, ясное понимание их позволяет всё-таки делать должную оценку происходящему. Такое моё мнение есть скорее факт, чем теория, и

оно верно, какой бы гипотезы по отношению к проявляющимся через миссис Пайпер мы ни придерживались. Между вышеупомянутыми причинами спутанности одна из главных есть физическая слабость миссис Пайпер во время транса, от чего бы эта слабость ни происходила: от нездоровья или же от истощения энергии в течение транса. Я употребил выражения «слабость», «истощение энергии»; что расходуется во время транса – я не знаю, но что имеется нечто, что истощается, нечто, представляющее собой какую-то форму энергии, при обилии которой проявления ярче и при истощении – наоборот, тусклее – в этом я ни малейшего сомнения не имею.

Другую причину спутанности составляет присутствие на сеансе интеллектов, не проявляющихся непосредственно – т.е. таких, о присутствии которых участники сеанса прямо не осведомлены. (Эти другие интеллекты утверждают, конечно, что они – «духи», но я повторяю во избежание недоразумений, что мои выводы остаются в полной силе, какой бы гипотезы по отношению к этим «духам» ни придерживаться). Совсем неизвестным нам способом — телепатическим или иным процессом, вроде, скажем, ассоциации идей в мозгу медиума – эти интеллекты отражают свои более или менее не идущие к делу мысли и слова в писании или в речи непосредственно «проявляющегося». На практике эта помеха – каково бы ни было её объяснение – может быть в значительной мере предотвращена настойчивой просьбой, обращённой к этим интеллектам отойти и удалить также и других и позволить «сообщающемуся» высказать всё, что он имеет сказать. Финюи, например, заявлял, что ему стоило много труда сдерживать во время проявления через писание других, тоже желавших проявиться; тем не менее, перебивание сообщения при нём бывало очень нередко и прекратилось лишь с появлением группы «духов» Стентона Мозеса и учреждения ими надзора за сеансами. Новые «руководители» заявили, что они желают – и имеют на то силу – удалить «низшие» интеллекты, которых они называют «привязанными к земле духами»; и действительно, вышеуказанное осложнение совсем исчезло и сообщения сделались гораздо яснее и цельнее. То обстоятельство, что устранение переменных влияний желательно, может быть усмотрено также и из методов, которые найдены наилучшими при обыкновенных телепатических опытах. При этих опытах мы принимаем в соображение настроения как агента, так и перципиента; мы даём возможность перципиенту воспринять одно впечатление и не будем гнать торопливо одно впечатление за другим; мы считаемся с чрезвычайно чувствительным состоянием его «телепатической способности» – что бы она собой ни представляла и где бы ни находилась – в сублиминальном сознании или нет. И точно так же, если мы находим особенно хороших агента и перципиента, то мы найдём вполне разумным обеспечить им по возможности продолжительный ряд опытов с тем, чтобы получить наилучшие результаты и, варьируя условия этих опытов, мы постараемся как можно точнее изучить пределы возможного по отношению к отчётливому телепатическому общению.

Я полагаю, что и в случаях, подобных случаю миссис Пайпер, беспорядочное допущение на сеансы разных лиц не представляет собою условия, благоприятствующего успешности опыта; наоборот, это обстоятельство обеспечит непрерывный сумбур. Теперь-то мы все можем пользоваться телефонами, но в то время, когда Рейс, Белл, Блэк и другие только экспериментировали с целью улучшить аппараты – вряд ли они сочли бы уместным допустить публику слушать более или менее бессвязный шум у трубки из разрабатываемого ими аппарата.

Если организм миссис Пайпер представляет собой один конец телефонной проволоки, тогда как другой конец которой находится в так называемом «духовном мире», то мне кажется чрезвычайно желательным попробовать улучшить линию сообщения, а также передающий и говорящий аппараты и возможно лучше разработать методы, пригодные к образованию и культивированию других подобных машин.

От редакции «Ребуса»

В «Приложении» к своему отчёту д-р Ходсон напечатал ряд сеансов, стенографически записанных, дающих понятие об общем типе его сеансов с миссис Пайпер. Несмотря на то, что вообще подобного рода сеансы трудно передаваемы, мы всё же решили перевести некоторые из них как иллюстрацию особого рода общения, который за последнее время встречается не особенно редко. И при этой нашей работе мы старались возможно ближе держаться подлинника.

Приложение
ИЗБРАННЫЕ ФРАГМЕНТЫ ПРОТОКОЛОВ

Сеанс 22-го ноября 1892 года

Присутствуют: мистер и миссис Говард, Р. Ходсон и стенографистка.

После непродолжительной беседы с Финюи Джордж Пелхэм написал:

«Алло, Ходсон!* Вы знаете меня. Алло, Джим,** старый дружище! Я ведь не умер. Я живу и вижу вас. Помните, у нас была привычка обращаться друг к другу за книгами, и вы всегда знали, где какую книгу найти». *(Это очень характерично. Сеанс происходил в моей библиотеке, где Джордж и я очень нередко беседовали и в разговорах часто делали ссылки на ту или иную книгу. Джордж при жизни много раз делал замечания по поводу моего безошибочного знания местонахождения каждой книги.)* «Так вот, я знаю теперь, где я! Джим, дорогой друг, как поживаешь? Кто этот Льюис? Он желает, чтобы вы ему сказали... Он хочет видеть Билли».

* В подлиннике: «Hallo!» – оклик, которым в Англии обыкновенно начинают разговор по телефону. *(Прим. переводчика)*

** Джим – имя мистера Говарда. *(Р.Х.)*

Финюи: «Ха! Он что-то хочет узнать».

Ходсон: Кто это – Льюис?

Финюи: «Это... кто этот джентльмен, этот немец, который говорит с вами, Жорж? Не можете ли вы им сказать?»

Ходсон: Он желает видеть Билли, не так ли?

Финюи: «О чём он говорит?... Меня совсем придушили...»

Джордж Пелхэм *(пишет)*: «Ходсон, это я. Подите скажите ему, чтоб он пришёл».

«Этот отрывок, – пишет Ходсон, – я привёл как пример тех случаев – а их было очень много, – на которые мы смотрели как на догадки со стороны Финюи и «выуживание» им сведений. Никто из нас – ни я, ни Говарды – не думали о Льюисе Р***, когда было произнесено имя «Льюис»: он доводился Говарду двоюродным братом, был с ним очень дружен и часто бывал у них. Слова: «Он желает видеть Билли», «Подите скажите ему, чтоб он пришёл», очевидно, относились к Уильяму Паркеру, на сеансах которого с миссис Пайпер, в марте 10-го и 25-го этого года, проявлялся будто бы этот «Льюис». Паркер жил совсем близко от Говардов.

Затем пожелал писать Финюи, и было написано зеркально (т.е. от правой руки к левой) название «Фокскрофт». Сразу мы не разобрали, и слово вновь было написано большими буквами. Так как название это ничего нам не говорило, то я и объяснил Финюи, что мы желаем беседовать с ним и с Джорджем Пелхэмом и что я прошу его и Финюи, не допускать к общению никого другого, если только не имеется чего-либо чрезвычайно важного и доказательного. Впоследствии я узнал, что Фокскрофт С*** был артист, товарищ и друг Льюиса Р***, немного известный и Говардам.

Джордж Пелхэм продолжал далее разговор через посредство голоса:

«Что я могу сделать, чтобы всё это вполне доказать вам? Я жажду этого, я горю нетерпением... Я хочу спросить Джима о письме, в котором Оренберг описал ему мой переход. Всё верно описано, Джим, не сомневайся».

[Оренберг первый сообщил о смерти Джорджа, сперва телеграммой, а затем письмом; заключительная фраза Джорджа показывает, что ему было известно содержание этого письма.]

Джордж Пелхэм: «Принесите сюда мои волосы». *(Принесли пакетик с его волосами из другой комнаты.)* – «Мать отдала их вам. Она давно их хранит». *(Этот пакетик с волосами был передан миссис Говард мачехой Пелхэма ещё весною, после последнего сеанса, и миссис Говард совсем забыла о его существовании. Волосы эти действительно давно хранились у мачехи Пелхэма, так как были срезаны, когда он был ещё ребёнком.)*

Сеанс ноября 30-го 1892 года

Присутствуют: Говарды, их дочери – Екатерина и Эвелина, – Ходсон и стенографистка.

Часть сеанса прошла в попытках со стороны Финюи дать сведения о некоторых предметах, не имевших отношения к Джорджу Пелхэму.

Затем некоторое время Джордж Пелхэм писал будто бы по-итальянски под диктовку мадам Элизы, но писание оказалось совершенно неразборчивым, прочли только заключительные прощальные слова. Много времени заняло сообщение Джорджа относительно впечатлений его о новой стадии существования; всё это хотя и не доказательно, но сильно поразило и меня, и Говардов вследствие многих особенностей, очень характерных для личности Джорджа Пелхэма. В общем, весь разговор слишком интимен, и напечатан поэтому целиком быть не может, кроме следующего отрывка:

Джордж Пелхэм (*через посредство голоса*): «Возьмите Канта и Аристотеля, Локка и Декарта». (*У Джорджа Пелхэма была привычка, над которой мы всегда все смеялись, произносить французские слова на английский манер: имя «Декарт» было произнесено именно таким образом.*)

Миссис Говард: А могли бы вы читать книги Александрийской библиотеки, которая сожжена?

Джордж Пелхэм: «Да, все. В какой бы степени ни был разрушен материал, это значения не имеет. Платон был великим философом. Вы помните, Ходсон, именно это и было предметом нашей беседы, нашего тогдашнего спора».

Ходсон: Да. Мы говорили о Платоновой аналогии.

Джордж Пелхэм: «Сократ был медиум...»

Затем последовал разговор Джорджа Пелхэма с Эвелиной, в конце которого остальных участников попросили удалиться. В начале было сказано:

«Ну, я больше не буду мучить тебя, Эвелина... а после: «Я часто мучил Эвелину, но она простит мне, я знаю. (*При жизни он имел обыкновение её дразнить*)... «Эвелина такая девушка, которая всегда знает, что дважды два – четыре!»

Эвелина: Да, знаю.

Джордж Пелхэм: «Ты это недавно выучила, не правда ли? В математике ты не из сильных, не так ли?» (*Эвелина очень плохо учится математике.*)

Дальше Эвелина передаёт об их разговоре следующее:

Джордж Пелхэм: «Старайся быть *доброй*, Эвелина. Не так важно твоё учение и твои уроки, самое важное – это быть доброй. Помнишь маленькую книжку, которую я тебе подарил и в которой надписал твоё имя?»

Эвелина: Да. Я недавно ещё её пересматривала.

Джордж Пелхэм: «Ну, так принеси её в следующий раз и покажи мне».

Тут он на клочке бумаги написал несколько слов и сказал ей сличить написанное с надписью на книге. Он позволил ей передать их разговор её матери и показать написанное им. Особенного сходства почерков мы не нашли.

Сеанс 2-го декабря 1892 года

Присутствуют: Говарды, их дочь Екатерина, Ходсон, м-р Роберт Морти и стенографистка.

Предварительно сеанс был назначен днём, но миссис Пайпер не могла впасть в транс и сеанс отложили до 9-ти часов вечера. М-р Говард пригласил мистера Морти обедать в клуб, а миссис Пайпер осталась с миссис Говард. Говард и Морти вернулись очень поздно, уже к концу сеанса.

Сначала Финюи через посредство голоса сделал несколько замечаний (оказавшихся, по проверке, ошибочными) относительно шарфа и брелока, ему показанных. Мадам Элиза сказала несколько фраз в то время, когда Джордж Пелхэм писал. Затем Джордж Пелхэм овладел голосом, и когда после этого вошёл Ходсон, то большая часть времени прошла в разговоре его с Джорджем Пелхэмом. Джордж объяснял сказанное им на предыдущем сеансе и прерывал свои объяснения обращением к миссис Говард.

Джордж Пелхэм: «Где теперь ваша подруга – постойте, я подумаю... Миссис Уорнер?»

Миссис Говард: Сегодня утром она была здесь, но теперь её здесь нет. Я говорила с ней утром о вас.

Джордж Пелхэм: «Я слышал ваш разговор, когда вы говорили обо мне, я был с вами всё время, видел её недоумение; она не уверена, я ли это или кто-то другой».

(«Миссис Уорнер была у меня утром 2-го декабря; я говорила ей о предыдущем сеансе и передала ей сообщение к Эдди. Впоследствии, она подтвердила слова Пелхэма о её отношении к моему рассказу». К.Г.) — (Миссис Уорнер была на сеансе миссис Пайпер в начале года, причём, имя её было скрыто от миссис Пайпер. – Р.Х.)

Джордж Пелхэм: «У вас есть ещё подруга, которую я тоже знал, – миссис Истон».

Ходсон *(в недоумении)*: Разве миссис Говард знает миссис Истон? Разве она приятельница миссис Говард?

Миссис Говард: Я никого не знаю по имени Истон... А, постойте! сестра Джеймса Пирса?

Джордж Пелхэм: «Она самая».

Миссис Говард: Но, я с ней едва знакома.

Джордж Пелхэм: «О, я знаю, отчего я о ней заговорил. Я забыл тогда его спросить о ней». *(Миссис Истон действительно сестра Джеймса Пирса, который был на сеансе миссис Пайпер 28-го апреля 1892 года.)*

Миссис Пайпер была уже в транссе около часа, когда в комнату вошли Говард и Морти. М-р Морти сел около медиума.

Ходсон: Джордж, не скажете ли мне чего относительно этого господина?

Джордж Пелхэм: «Я не хочу, чтобы вы ко мне приставали; я...»

Ходсон: Но это очень важно, важнее, чем что-либо.

Джордж Пелхэм *(взял руку м-ра Морти и затем потянулся за карандашом)*: «Дайте его мне, я напишу».

Далее Пелхэм вёл разговор посредством писания, которое шло очень быстро и возбуждённо:

Джордж Пелхэм: «Эй, эй, Джим! где ты видел Мор... – *(трясёт руку м-ра Морти)* – «О! помогите мне!..»

Говард: Мы тебе поможем...

Ходсон: Не можете ли вы говорить, Джордж?

Джордж Пелхэм *(через тисъмо)*: «Но я только что начал, слабость, когда он вошёл! Эй, Морти! как поживаете, старый друг?»

Морти: Как вы, Джордж?

Джордж Пелхэм: «Очень хорошо. Благодарю, дорогой товарищ. Я очень рад вас видеть, милый друг. Как ваши семейные поживают?»

Морти: Отлично, Джордж, отлично все.

Джордж Пелхэм: «Очень рад. Видели вы отца?»
Морти: Какого отца?
Джордж Пелхэм: «Его отца...»
Морти: Вы видели моего отца, вы хотите сказать?
Джордж Пелхэм: «Да, он, слава Богу, в порядке и желает вам напомнить о себе».
Морти: Может Джордж назвать моего отца? Знает он его имя?
Миссис Говард: Напишите имя его отца.
Джордж Пелхэм: «Но вы и сами можете...»
Миссис Говард: Так как звали его отца?
Морти: «Так же ли его зовут теперь в вашем мире?»
Джордж Пелхэм: «... ранее здесь был? Я ник... Я не знаю, но спрошу у него.
Он, повидимому, знает вас. О, Джим! о, Джим!..»
Говард (*беря руку медиума*): Я здесь, Джордж!
Джордж Пелхэм: «О, люди! Как вы глупы!»
Ходсон: Ну, Джордж, я знаю, что мы глупы, но что же с этим поделаешь?
Джордж Пелхэм: «Дело в том, что все вы желаете, чтобы я на вас работал и ни капельки не заботитесь помочь мне!»
Миссис Говард (*Морти*): Говорите с ним, как бы говорили со всяким, как с человеком.
Морти: Не легко вести свободно разговор при подобных обстоятельствах, Джордж, тем более, если в первый раз присутствуешь при такого рода явлении!
Джордж Пелхэм: «Это Морти?»
Миссис Говард: Он заботится помочь вам.
Морти: И очень.
Ходсон: Джордж, не можете ли вы говорить?
Джордж Пелхэм: «Не могу теперь, я слишком слаб!»
Морти: Джордж, видели ли вы вашего деда, Роберта Ноеса, *там*? Встретили вы там Роберта Ноеса?
Джордж Пелхэм: «Роберту Ноесу хорошо, а также и Роберту Морти. Я узнаю вас и рад вас видеть, очень рад. О, помоги же мне, Джим!» (*трясёт опять руку Морти*).
Морти: Я опять как-нибудь приду, Джордж.
Джордж Пелхэм: «Эволюция есть непреложная истина в реальной жизни, как учил Дарвин, но она продолжается и в жизни идеальной, чего он, конечно, и не подозревал, пока сам не перешёл сюда».
Морти: Видели вы старого Роберта Ноеса с тех пор, как перешли?
Джордж Пелхэм: «Добрый, добрый, милый Джим, простите, пожалуйста,... о, да, Морти, он такой, каким я его и воображал, но, добрые друзья...»
Морти: Доволен он остался вашим отчётом о его поведении в деле мирных переговоров?
Джордж Пелхэм: «Да, вполне, когда я ему всё объяснил».
Морти: А видели вы Франклина?
Джордж Пелхэм: «Про кого вы говорите?»
Морти: Я думал, что Джордж знает.
Джордж Пелхэм: «... Бен?»
Морти: Я говорю о предках Джима.
Джордж Пелхэм: «Да, конечно, видел. Он мне объяснял философию электричества. Прощайте, друзья... Я рад видеть моего старинного друга и надеюсь, он скоро опять придёт... Ваш искренно преданный Джордж Пелхэм».

Вновь проявляется Финюи в 10 ч. 16 мин. В 10 ч. 20 м. транс оканчивается.

* * *

Этот сеанс, – пишет Ходсон, – я печатаю весь целиком, потому что он может служить прекрасной иллюстрацией происходящего на сеансах сумбура, в котором виноваты – неумышленно, конечно – посюсторонние участники. Мне бы хотелось привести здесь объяснение этому инциденту, хотя, вероятно, объяснение моё покажется очень странным людям, незнакомым с трансфеноменами. Потребная для транса «энергия» истощена; вследствие чего, а также и как результат его общения с нами, Джордж Пелхэм начинает, так сказать, как бы задыхаться. В это время входит в комнату его старинный приятель и тем производит дополнительное волнение; Джордж Пелхэм приветствует его тотчас же, но затем вынужден обстоятельствами перейти для продолжения общения к медленному процессу письма. Следовательно, требуется менее энергии для этого процесса, чем для процесса общения через голос; вероятно, существуют и другие затруднения, потому что многие из сообщающихся вовсе не могут проявлять себя посредством голоса; процесс же писания представляет собою, повидимому, не сознательное усилие писать, а является результатом медленного, в темпе писания, процесса мышления со стороны проявляющегося. Затем в приведённом примере бросается в глаза следующее многозначительное обстоятельство: Джордж Пелхэм самым естественным образом начинает разговор со старым приятелем, но, очевидно, его обрывают вопросы, совершенно ничего общего не имеющие с мыслями и чувствами сообщающегося; при первой же возможности, когда вопросы приостановились на минуту, Джордж Пелхэм опять делает попытку начать вполне подходящий для его собеседника разговор, а именно стремится провести параллель между эволюцией в этой жизни и эволюцией в жизни иной, но окончить ему не дают. Ряд вопросов со стороны участника сеанса совсем ошеломляет сообщающегося. Джордж Пелхэм при жизни написал биографию своего деда, Роберта Ноеса, и высказал очень своеобразный взгляд на поведение Ноеса по отношению к некоторым международным переговорам; об этом и заговорил Морти. Джордж Пелхэм начал ему отвечать, но его опять перебили. Далее, на вопрос Морти – «Видели ли вы Франклина?» Джордж Пелхэм пишет: «О ком вы говорите? О Бен...». Но уже после слова «о ком» на него сыпятся вопрос за вопросом. Дело в том, что во время писания написанное громко произносится мною по большей части – и делается это для того, чтобы сообщающийся знал, верно ли его поняли. Такой порядок установлен был с самого начала самим Джорджем Пелхэмом. Но нередко случалось, как и на этом сеансе, что участники не дослушивали до конца того, что пишется, торопились с совершенно не идущими к делу вопросами и тем ошеломляли и крайне утомляли сообщающегося. Джордж Пелхэм наконец восклицает. «Отчего вы не пришли раньше!» Эта фраза тоже имеет отношение к эволюции, о которой он, было, заговорил с Морти. Стремление избрать темой для беседы именно этот предмет очень характерно: Морти очень известен своими трудами как раз по этому вопросу, и при жизни Пелхэма их беседы большею частью имели отношение к вопросу об эволюции; в начале же сеанса, до прихода Морти, Джордж Пелхэм вёл со мной философскую беседу, близко соприкасающуюся с этим же вопросом.

Сеанс декабря 5-го 1892 года

Присутствуют: миссис Говард, Ходсон и стенографистка.

Первая половина сеанса имеет отношение к интимным делам участников и не может быть напечатана. Затем через письмо проявилась мадам Элиза и опять делала попытку, очень мало удачную, писать на итальянском языке.

После неё посредством голоса беседовал Пелхэм.

Джордж Пелхэм: «Главным образом, две вещи: во-первых, аргумент и, во-вторых, доказательство».

Ходсон: Да, это самое главное.

Джордж Пелхэм: «Трудная это работа, Ходсон, но я обрёл мужество предпринять её».

Ходсон: Вы с нею прекрасно справляетесь.

Джордж Пелхэм: «Для этой работы я здесь. И я желаю, чтобы Оренберг сознал, что я существую; иначе я опять возвращусь на землю и всю работу снова, сначала проделаю. Милый Оренберг! У него такие же воззрения на эту жизнь, какие и я исповедовал сам, пока не пришёл сюда». *(Вполне верное сведение по словам Говардов)*. «У него масса несообразных взглядов... Трудно проводить свои идеи через медиума... через всякого медиума трудно это делать! Это похоже на влезание в дупло... в узкое дупло».

Миссис Говард: Джордж, вы говорили, что вы последовали за Джимом туда, куда он отправился. Знаете ли вы, где он теперь находится или где он был?

Джордж Пелхэм: «Он отправился навестить своего друга, Фентона» *(правильно)*, «виделся с ним три четверти часа тому назад или около этого, насколько я могу определять время».

Ходсон: Ну, это побольше трёх четвертей часа.

Джордж Пелхэм: «Этого определить я не могу».

Миссис Говард: Джордж, а знаете о чём говорили Фентон и Джим?

Джордж Пелхэм: «Вот об этом самом предмете и обо мне» *(правильно!)* «Они обсуждали эти явления, но Фентон такой же крепколобий, как и Оренберг; и того и другого не скоро повернёшь; но повернуть им тем не менее придётся, и они даже рады будут убедиться и признать факт так же, как и я его признал...».

Сеанс декабря 7-го 1892 года

Присутствуют: м-р и м-сис Говард, Ходсон, стенографистка и некоторое время Екатерина Говард.

Вначале Ходсон передаёт несколько вещей, имеющих отношение к проявлению на предыдущем, здесь не приведённом, сеансе; Финкой, выслав предварительно из комнаты Говардов, делает комментарий по поводу предъявленных предметов. Затем Джордж Пелхэм письменно излагает вполне основательные мотивы его сообщению относительно S.Z. – тоже на предыдущем сеансе. Мои вопросы об S.Z., повидимому, раздражили Пелхэма: я в то время не знал, что с S.Z. у него связаны неприятные воспоминания, как это после выяснилось. Далее было написано:

Джордж Пелхэм: «Не пожелаете ли вы передать мне письмо матери?»

Миссис Говард получила письмо от миссис Пелхэм и принесла его на сеанс. *Письмо передано в руки так, чтобы миссис Пайпер не могла ни в каком случае его видеть.*

Джордж Пелхэм: «О, я вижу отец не совсем здоров».

Миссис Говард: Да. Она это пишет.

Джордж Пелхэм: «Жаль, очень жаль, но так должно. Куда это, пишет она, она поедет?»

Миссис Говард: Сперва в Нью-Йорк, а потом, может быть, и сюда, Джордж, чтобы повидаться с вами.

Джордж Пелхэм: «О, я теперь жалею, что я спрашивал у вас.... (комкает письмо) снять ... в аренду было бы гораздо лучше...»

Миссис Говард: Пожалуйста, это слово ещё раз, Джордж.

Джордж Пелхэм: «...для отца, если он так слаб».

Миссис Говард: А какое место они хотят снять в аренду, что сказано об этом в письме, Джордж? Назови мне это место.

Джордж Пелхэм: «... дом и ...»

Миссис Говард: Я не могу прочесть, напиши опять. Дом и что?

Джордж Пелхэм: «...имение в...».

Миссис Говард: Подожди, возьми другой лист бумаги.

Джордж Пелхэм: «Н.И.».

Миссис Говард: Как называется это место, Джордж? Если помнишь название, напиши его.

Джордж Пелхэм вместо ответа делает безобразный росчерк.

Ходсон: Не могу прочесть, Джордж.

Миссис Говард: Ничего, Джордж. Возьми письмо, прочти и тогда ты напишешь. Подожди минутку, имей терпение.

Джордж Пелхэм комкает письмо и – опять каракули.

Ходсон: Не торопитесь, Джордж; заглавными буквами, Джордж, заглавными буквами.

Джордж Пелхэм: «Я очень желал бы, чтобы Ходсон был более терпелив».

Ходсон: Я думаю, что я терпелив, Джордж. Я и вас прошу быть терпеливым.

Джордж Пелхэм: «Он приводит меня в отчаяние».

Ходсон: Ну хорошо, Джордж. Я буду хранить абсолютное молчание, если вы желаете.

Джордж Пелхэм: «Чрезвычайно. Ну, Мери, валяйте».

Миссис Говард: Видишь, Джордж, я хотела бы, чтобы ты вспомнил то место в Нью-Йорке, ту усадьбу, которую мы намерены снять. Я хочу знать её название. Вот письмо, и если ты знаешь название, то напиши его.

Джордж Пелхэм: «Скажите, зачем вы меня так сбиваете, почему не даёте мне продолжать и сказать вам, что она пишет?»

Миссис Говард: Хорошо...

Джордж Пелхэм: «Не перебивая меня постоянно?» (*Опять комкает письмо.*)
«Отчего не отвечаете?»

Миссис Говард: Джордж, ты знаешь, в письме есть вопрос, который она желала бы тебе задать.

Джордж Пелхэм: «Потомак».

Миссис Говард: Да, оно на Потомаке. Это верно.

Мы смущены и недоумеваем: дело в том, что имение, о котором спрашивали, находится на реке Гудзон, и это хорошо известно миссис Говард. Вашингтон же, где провёл зиму отец Пелхэма, находится на реке Потомак.

Джордж Пелхэм: «В чём дело, Ходсон?»

Ходсон: Ничего, Джордж, ничего. Я слушаю.

Джордж Пелхэм: «Почему вы не делаете ваших возражений?»

Ходсон: Я их уже делал и теперь предоставляю очередь миссис Говард.

Миссис Говард: Мне хочется задать тебе один вопрос, Джордж. Прочти, что она нам пишет относительно того, что она делала.

Джордж Пелхэм: «Я предпочитаю, чтобы вы, Ходсон, расспрашивали с целью *доказательности*, потому что ей (*миссис Говард*) всё это известно».

Миссис Говард: Да, я знаю.

Ходсон: Но она знает также и какие вопросы задавать, а я не знаю, Джордж. Ничего, пусть она спрашивает, не беспокойтесь, если она и знает.

Джордж Пелхэм: «Это... о, ну, хорошо».

Ходсон: Теперь миссис Говард будет спрашивать.

Миссис Говард: Я хочу знать, Джордж, видел ли ты, что делала твоя мать?

Джордж Пелхэм: «Письмо я отлично вижу, а говорю вам об опыте».

Ходсон: Хорошо, Джордж, я сейчас просмотрю письмо и предложу вопрос, о котором здесь никому ничего неизвестно. Она говорит, что, может быть, ты её видел?

Джордж Пелхэм: «... пожалуйста, просмотрите и я вам скажу всё, будете вы спрашивать или нет».

Ходсон: Ну, так вот вопрос, Джордж; если ты подождёшь минуту, то я скажу тебе, что, спрашивает твоя мать.

Джордж Пелхэм: «Она спрашивает меня, что она делала».

Ходсон: Да, верно.

Джордж Пелхэм: «Она вытряхивала мои вещи, моё платье, хочу я сказать; ничтожное обстоятельство, но для опыта сойдёт». (*Оказалось — совершенно справедливо.*)

Мы говорим Дж. Пелхэму, что Морти хотел быть на следующем сеансе, и просим узнать имя отца Морти в духовном мире. Сделано несколько замечаний относительно Морти и разницы между им и Y.Z.

Джордж Пелхэм: «Спросите меня что-нибудь».

Миссис Говард: Да, вот на прошлом сеансе он говорил, что у него что-то есть для Оренберга.

Джордж Пелхэм: «Это то, что он тебе писал обо мне, Джим».

Миссис Говард: Да.

Джордж Пелхэм: «И он хотел знать, что я сказал».

(*Оренберг просил описания сеансов.*)

Миссис Говард: Да, продолжай.

Джордж Пелхэм: «Так что же?»

Миссис Говард: Если бы мы получили ответы на его вопросы раньше письма, то это было бы интересно.

Джордж Пелхэм: «Всё, что я желаю, это — убедить его, что есть реальное существование после освобождения духа от...»

Миссис Говард: Постой, я не могу разобрать слово.

Джордж Пелхэм: «... материального организма».

Ходсон (*читает*): «Материального организма».

Джордж Пелхэм: «Хорошо, Ходсон! Если вы могли это прочесть, то вы отлично справляетесь с делом».

Ходсон: Ну, пожалуй, вы справляетесь ещё лучше, написав это, Джордж.

Джордж Пелхэм: «Да, желал бы я, чтобы вы знали сколько...»

Ходсон: Напишите ещё раз это слово. *Трудностей?*

Джордж Пелхэм: «О, нет... это – камни преткновения, Ходсон».

Ходсон: Что ж, пожалуй когда-нибудь и узнаю, Джордж, когда придётся пробовать самому.

Джордж Пелхэм: «Да, тогда вы будете рады и благодарны мне за то, что я сделал».

Явился опять Финюи и заговорил о тех вещах, которые были ему переданы в начале сеанса; в это время кто-то другой овладел рукой и стал объясняться по методу глухонемых. Мы спросили Финюи, кто проявляется таким образом? Он ответил, что не знает, «кто она». Затем мадам Элиза сменила Финюи и несколько минут шёпотом говорила с миссис Говард об интимных делах. Миссис Пайпер стала выходить из транса и, в полузабытьи, заговорила:

«Мне снилась дама со множеством цветов в руках. Где я? Знаете вы Уолтера Лифа?.. Я говорю то, что помню, видела даму с чем-то в руках, с чем – я не знаю... У неё тёмные, вьющиеся волосы, то есть не вьющиеся, а волнистые, вот так зачёсанные назад. У неё очень выразительное лицо, красивое лицо, большие глаза, крупный рот».

– Какие это цветы?

Миссис Пайпер: «Не могу сказать теперь, это уже уплывает от меня».

* * *

«Я понимаю, что для большинства моих читателей, – пишет Ходсон, – то, что я привёл здесь, покажется скучным и совершенно неинтересным со всех точек зрения; моё мнение однако далеко не таково. Ещё раз повторяю: если бы я тысячи и тысячи страниц исписал, я всё же не был бы в состоянии верно передать читателю *mise en scène* сеансов с миссис Пайпер; поэтому я в этом приложении привожу описания сеансов, наиболее характерных в том или ином отношении. Относительно этого последнего сеанса, во-первых, прошу помнить читателя, что сообщавшийся проявлялся *через письмо*, во-вторых, в том раннем периоде моих наблюдений я был, так сказать, полным почти невеждой и даже не подозревал всех затруднений, которые существуют для проявляющегося и которые я усложнял постоянными переспрашиванием и перебиванием мысли сообщаемого. Далее: обыкновенно, только при таких ничтожных по виду обстоятельствах и беседах, мы имеем возможность наиболее ярко усмотреть самоличность проявляющегося, его симпатии, слабости, привязанности, его антипатии и, вообще, особенности характера. В только что приведённом описании я, опять же по незнанию, допрашивая Дж. Пелхэма об S.Z., подверг его положительно терзанию (я не подберу более точного термина моему поведению); я подверг страшному испытанию благородство и великодушие, всегда характеризовавшие Дж. Пелхэма при его жизни на земле. Это моё поведение вызвало в дальнейшем со стороны Дж. Пелхэма значительную долю раздражения по моему адресу и затем раздражение сменилось, как это может проследить читатель, желанием загладить неприятное чувство, поднятое во мне его замечаниями».

Сеанс декабря 16-го 1892 года

Присутствуют: м-р Говард, Ходсон и стенографистка; позже – м-сис Говард, Катерина и Эвелина.

Некоторое время Финюи беседовал о различных знакомых ему личностях; между прочим, сделал предсказание, до сей поры не исполнившееся; затем начал писать Дж. Пелхэм:

«Как поживаете, Джим и Ходсон? Где Мери и что это за бумага, которую она держит в руках?»

Я его спросил, не может ли он передать, что говорила ему одному миссис Говард вскоре после прошлого сеанса, если только он в то время был с нею?

Джордж Пелхэм: «Она просила меня помочь ей исправить то, чего не должно быть; просила помочь ей убедить вас и других в том, что это я самый. Теперь, кажется, это всё, что я от неё услышал».

Вскоре пришла миссис Говард, прочла написанное и сказала:

– Я знала, что ты услышишь кое-что из того, что я тебе говорила. Видел ли ты меня, когда я тебе писала?

Миссис Говард не пожелала занести в записи сеансов этот свой опыт. У меня осталось такое впечатление, что она думала о чём-то более значительном и о чём Дж. Пелхэм умолчал.

В 1897 г. миссис Говард по поводу этой моей заметки написала: «То, что я сказала Дж. Пелхэму, я сказала ему одному, а потому я об этом и не сочла нужным делать записи; но всё, что написано было им в ответ, правильно и верно. Бумага, о которой он упоминает, – письмо, которое я держала в руках ещё дома, в своей комнате, до прихода на сеанс».

Перед приходом миссис Говард Дж. Пелхэм выразил желание поговорить со мною и теперь приступил к этой беседе. Он хотел снова объяснить мне трудности общения и совершенную необходимость, чтобы его не прерывали, когда он отвечает.

Джордж Пелхэм: «Это самое трудное дело, должен я сказать, какое когда-либо мне приходилось делать; поэтому будьте так добры и терпеливы, как это только возможно... Сперва вы меня просили «высадить» Финюю».

Финюи: «Лучше дайте мне занятие...»

Миссис Говард подаёт Финюи некоторые вещи и говорит с ним по поводу их, рука же в это время пишет:

Джордж Пелхэм: «Его настоящее имя Жан Ф. Клевиль, только «Ф». — вовсе не Финюи».

Финюи, повидимому, борется с рукой Дж. Пелхэма и старается продолжать писание: два, три непонятных слова, бумага разорвана и наконец написано:

«Это – *tabula rasa*». (Слова эти сильно подчёркнуты.)

Миссис Говард: Что такое с рукой, доктор?

Джордж Пелхэм: «Это я... Джордж... иду в голову... Я хочу, чтобы Ходсон совершенно откровенно высказался мне теперь...»

Ходсон: Да у меня на уме ничего такого особенного нет теперь, Джордж.

Джордж Пелхэм: «Сказал я что-нибудь, что вас смутило? Будьте откровенны, пожалуйста».

Ходсон: Нет, вы ничего не сказали, что бы смутило меня, кроме одного... кроме таких вещей, которые плохо вяжутся с вашей самоличностью. Вы говорите вещи, Джордж, которые сильно противоречат одна другой и, таким образом, мешают признать вас. Конечно, всё это вместе меня порядочно-таки беспокоит; но сказать вам чего-нибудь специального у меня сейчас нет.

Джордж Пелхэм: «Я думаю, что вы находите мои сообщения противоречивыми только тогда, когда вы меня сбиваете, говоря все разом; или же, когда я не вполне понимаю ваши вопросы».

Ходсон: Ну вот что, Джордж, я опять просмотрю все те места, которые мне кажутся противоречивыми, и попрошу у вас разъяснений. Но я не намерен был делать это сегодня.

Джордж Пелхэм: «Это именно чего я желаю. Меня это мучает бесконечно более, чем вас, мой дорогой друг».

Ходсон: Да, думаю так, Джордж. Я это вполне понимаю.

Джордж Пелхэм: «Позвольте мне пояснить примером. Всегда, когда я заговаривал о моём существовании здесь и намеревался изобразить его с философской точки зрения, вы меня беспрестанно прерывали».

Ходсон: Мы очень огорчены, Джордж; мы очень бы желали, чтобы вы, если только вы можете, непрерывно, целый час, писали, без единого слова с нашей стороны.

Джордж Пелхэм: «А пробовали вы это, как вы думаете? Пожалуйста, будьте откровенны».

Ходсон: Нет, не думаю, чтобы мы пробовали, нам всегда казалось, что для вас нужно, чтобы мы иногда говорили с вами.

Джордж Пелхэм: «Но разве эти сообщения даны не письмом?»

Ходсон: Да, они написаны.

Миссис Говард: Да, мне кажется, его очень часто перебивал Морти на последнем сеансе.

Джордж Пелхэм: «Так прочтите же эти записи внимательно... и убедитесь, что я прав».

Ходсон: Хорошо, Джордж, мы постараемся не быть несправедливыми к вам.

Джордж Пелхэм: «Благодарю вас».

(Как я теперь убедился, все сообщения Дж. Пелхэма оказались совершенно верными и точными, хотя в то время я так не думал.)

Ходсон: Дайте же нам, Джордж, описание вашей жизни там, если вы можете; или выскажите ваши воззрения на земную философию, или что-нибудь в этом роде – последовательное: мы с радостью готовы, не произнося ни слова, выслушать вас или прочесть, что вы напишите.

Джордж Пелхэм: «Сперва я должен был вам высказать, что меня так мучило».

Ходсон: Мы рады, что вы высказались, Джордж, и я знаю, что мы перебивали вас, но...

Джордж Пелхэм: «Потому что чрезвычайно трудно передавать мысли через материальную субстанцию. Если вы примете это в соображение, то допустите возможность некоторой шероховатости, не так ли?»

Ходсон: Разумеется. Теперь, что вы желаете: ответить на вопросы Морти или будете говорить о себе?

Джордж Пелхэм: «Мысль существует вне материальной субстанции и ни в каком случае не зависима от неё». *(Вероятно, мы не тотчас же разобрали слово: «неё», потому что было пояснено: «тела».)* Потому что мысль продолжает существовать и после уничтожения тела или отсутствия его. Разве это на меня не похоже?»

Ходсон: Продолжайте, Джордж, мы это усвоили.

Миссис Говард: Вполне на вас похоже.

Джордж Пелхэм: «Таким образом, личное существование или полная реальность Ego есть истина, а не вывод. Я вас не запутал?»

Ходсон: Нет, несколько, Джордж.

Джордж Пелхэм: «Отлично. Мне нужно знать, достаточно ли я ясен... Ego существует после разложения тела в непосредственном самосознании».

Очевидно, мою последнюю реплику не поняли и в результате попытка Дж. Пелхэма объяснить нам разницу «непосредственного самосознания» и «не вывод, а истину» по отношению к «реальности Ego» оказалась совсем не удавшейся. Я сказал, ему, что не можем прочесть и просим снова повторить. Написано:

«Ego существует после разложения тела и закреплено в мысли, следовательно, есть мысль. Я сбился?»

Мы прочли написанное вслух; слово «закреплено» было тогда заменено словом «соединено с» и кроме того Дж. Пелхэм прибавил:

«Это одно в то же. Вот это я и хотел объяснить. Верно. Теперь, после того как Его, которое создаёт материальный организм, покидает последний, оно продолжает своё существование совершенно так же, как существовало и в материи, но с большею свободою и может проявлять себя полнее, чем будучи в материи. Человеческий ум или душа есть *tabula rasa* здесь для зарегистрирования мысли. Прочтите теперь, пожалуйста.... Вы это уже знаете... но позвольте мне высказать то, что знаю я».

В это время вошли Катерина и Эвелина, поздоровались, и м-р Говард спросил не поговорит ли Джордж с ними?

Джордж Пелхэм: «Не сейчас, милый Джим. Я хочу закончить этот параграф. Далее, когда мысль переходит в духовное существование, я проявляю себя, свою мысль, вам. (*Следуют вопросы и повторения вследствие затруднения разобрать написанное.*) – «Верно. Вот я здесь, Его Джорджа Пелхэма... и так, вы видите: мысль всему причина, и причина есть мысль. Поняли?»

Ходсон: Конечно, вполне.

Джордж Пелхэм: «Значит, вот, что такое мысль».

Пауза. Рука приходит в движение, ощупывает голову... «Мне нужно мою шаль». (*Платок накинут на голову.*) Джордж Пелхэм проявляется посредством голоса, говорит о трудности всё одновременно соотносить, о путанице, какую вносят частые перебивания и т. д. и, между прочим, замечает:

– «С каждым разом я отдаляюсь от вас всё более. Я ухожу; с одной стороны, это очень плохо, но для меня это так надлежит».

Затем закончили сеанс разговором о книге Морти, о которой Дж. Пелхэм не мог вспомнить и перепутал её с другими книгами, известными ему при земной жизни.

Сеанс 19-го декабря 1892 года

Присутствуют: мистер и миссис Говард, Ходсон и стенографистка.

Начинается сеанс проявлением Дж. Пелхэма через посредство голоса. По его требованию, м-р Говард и Ходсон выходят, и Дж. Пелхэм некоторое время беседует с одной миссис Говард. Затем, по их возвращении, Дж. Пелхэм говорит, что он не вполне понимает вопросы Морти; мы занимаемся обсуждением их, после чего Дж. Пелхэм выражает сильное желание видеть Элен Вэнс. Ему отвечают, что она будет на следующем сеансе.

Миссис Говард подаёт ему письмо (*миссис Пайпер могла его видеть, по нашему мнению, но – как я уже объяснил – я убеждён, что трансовые личности не видят обычным способом*), говоря:

– Мне хочется, чтобы ты прочёл письмо своего отца: оно должно доставить тебе удовольствие.

Джордж Пелхэм: «Он верит, что я существую». (*Отвечает Ходсону и просит его положить руку «вот сюда» т.е. на лоб медиума, вероятно, жалуется на смутность.*) – «Он был очень огорчён, но теперь огорчение миновало, потому что он чувствует, что я жив».

Миссис Говард: Это всё правда, я читала письмо.

Джордж Пелхэм: «Всё это позволяет мне быть ближе к отцу; так передайте ему мою горячую любовь и скажите, что я очень близко от него, вижу его почти каждый день, если считать по дням, чего я теперь на самом деле не могу, потому что понятия не имею о времени – это единственное, что я утратил, Ходсон... Но всё же я очень близко к нему и прошу передать ему мои лучшие чувства, Ходсон, Джим, обоим вас прошу; я вижу его, слышу его, когда он обо мне говорит, слышу, как он с матерью обсуждают некоторые обстоятельства из моей жизни – то, что, может быть, огорчало его, и то, что, может быть, радовало. Я часто слышу, когда он говорит о моих слабостях, и всегда для меня большое счастье знать, что я могу настолько приблизиться к нему».

Ходсон: Он будет очень этим обрадован, мы непременно передадим ему всё вами сказанное.

NB. Письмо, переданное Джорджу, оказалось исключительно деловым: мы ошиблись и передали вовсе не то письмо, которое хотели и в котором отец Джорджа говорит о его проявлениях и о своём глубоком интересе по отношению к этим проявлениям).*

* Если сопоставить это странное обстоятельство с замечанием Ходсона на предыдущей странице о возможности для глаз миссис Пайпер видеть письмо, то становится очевидным, что трансовое видение совершенно отлично от нормального. Дж. Пелхэм не мог видеть ошибки через глаза медиума и очевидно увидел не письмо отца, а представление, мысль о письме. (*Прим. переводчика*)

Вскоре Дж. Пелхэм заявил, что он «слабеет», и «управление головой» взял на себя Финнои, который начал, было, здороваться с присутствующими, но ему помешал Джордж, овладевший рукою для письма:

Джордж Пелхэм: «Ну, теперь о моей теории духовного существования независимо от материальной субстанции. Я живу, думаю, вижу, слышу, знаю и чувствую совершенно так же ясно, как и тогда, когда был в материальной жизни, но каким это образом происходит не так-то легко объяснить вам, особенно когда надо выражать свои мысли через материальную субстанцию. Тем не менее мне доставляет большое удовольствие сообщать вам всё, что только смогу, даже и этим особенным путём. Но я не огорчаюсь, хотя и не могу всего передать, что бы я хотел; я очень благодарен и за то, что есть, и рад сделать для вас всё возможное, хотя это будет и не вполне ясно... Всё-таки я обязан сделать всё, что смогу, чтобы доказать вам, что я – Джордж Пелхэм – безусловно существую, независимо от того

материального тела, в котором я когда-то жил... Видите, давая вам объяснение относительно мысли, я не имел достаточно материальных сил и времени, чтобы закончить его; я возвращусь к этому объяснению опять и несколько подробнее, чтобы вы увидели, как я и что я теперь, т.е. я, как духовное Ego. Мысль, как я раньше говорил, нисколько не находится в зависимости от тела, но неизбежно, *как вы это видите*, должна находиться в зависимости от тела другой личности, т.е. от её Ego в материи, для того, чтобы выразить или проявить себя после уничтожения собственного тела... Последствием является, как видно, неизбежный конфликт между собственным духовным Ego, или разумом, и Ego материальным того, кем приходится пользоваться для объяснения этих сложных вопросов вам, друзья мои, в материю... Итак, мысль есть непосредственное самосознание или первичный *datum* сознания... в моей настоящей жизни всё выражается мыслью. Теперь я начинаю делаться немного смутным».

Поставлены вопросы: Ходсон спрашивает, что происходит с медиумом во время его транса?

Джордж Пелхэм: «Она отходит вроде того, как во время сна отходит ваш флюид».

Ходсон: Не происходит ли конфликт от того, что субстанция мозга пропитана, так сказать, её мыслительными особенностями?

Джордж Пелхэм: «Нет, не потому; твёрдая субстанция, именуемая мозгом, трудно поддаётся воздействию просто потому, что материальна... её мышление, удаляясь, оставляет мозг свободным, и я или другой дух-разум овладеваем свободным мозгом и тут-то возникает конфликт».

Заканчивается сеанс коротким разговором с Финюи.

От переводчика. Недоговорённость, неясность, как бы затуманенность, которыми отличаются сообщения и слова проявляющегося и на которые он и сам часто указывает, столь характеристичны для подобного рода проявлений, что мы старались передать всё, записанное стенографом, только возможно ближе к подлиннику; тем более, что и д-р Ходсон не нашёл нужным что-либо изменить в них или добавить.

Сеанс 30-го января 1893 года

Присутствуют: мистер и миссис Говард, Ходсон, господин, представленный медиуму под фамилией Смит, и стенографистка.

Сначала Финюи сказал несколько слов о характере м-ра Смита и заявил, что с ним желают беседовать дух какого-то молодого человека и ещё дух пожилого уже человека. Последний попробовал, было, писать, но разобрать написанное не было возможности и Финюи сказал, что отправится к Джорджу: не поможет ли он им? Последовали новые попытки писать – Финюи был в это время занят разговором о лицах и вещах, фигурировавших на прошлом сеансе. Наконец получилось писание, которое мы прочли:

— «Я рад вас видеть». (*Финюи тем временем продолжает свою беседу.*) «Скажите ей, что я жив. Уолш В***».

На сеанс 25-го апреля миссис Уорнер приносила шляпу, принадлежавшую Уолшу Вейсману, её умершему знакомому.

Затем последовало несколько разнородных писаний: одна дама написала короткое сообщение участнику, бывшему на прошлом сеансе; один из наших друзей, умерший два или три дня тому назад, написал своё имя и:

— «Теперь мне хорошо, прощайте!»

Алиса Джеймс (*покойная сестра профессора Джеймса*) сообщила некоторые сведения о «Бобе» – имя, под которым был известен в семье Робертсон Джеймс. Все эти сообщения сопровождалось сильными судорожными подёргиваниями руки.

Финюи: «Да в чём дело? Что они со мной такое делают, я не понимаю».

Ходсон: Их здесь множество, целый поток.

Финюи: «Я ничего не могу поделать; они говорят и будут говорить, Ходсон. Я ничего не могу поделать».

Затем опять:

— «Я тоже с вами, Лора Брайдмен»... Тогда миссис Говард зовёт Джорджа и писание прерывается. Финюи сетует, что миссис Говард «выслала эту даму», воспоследовали объяснения, и началось писание Дж. Пелхэма. Он высказал, что не узнаёт этого джентльмена (м-ра Смита), но думает, что встречал его где-то – где, он не может вспомнить. На вопрос, как он полагает, где он мог его встретить? Дж. Пелхэм написал:

— «Я думаю, что у моего друга Морти. Спросите у этого джентльмена, помнит ли он меня, и скажите ему, пожалуйста, кто я».

М-р Смит спрашивает, не бывал ли Джордж в Нью-Йорке? Дж. Пелхэм, в свою очередь, спрашивает, не встречал ли он его когда-нибудь в клубе или в читальне друга Джорджа, Бервика? М-р Смит заявляет, что он встречал какого-то Бервика, но уже много лет тому назад. На это Джордж опять упоминает о клубе, о Морти, просит, чтобы его фотография была показана м-ру Смицу и прибавляет:

— «Вашего имени я не помню, но лицо ваше мне знакомо».

М-р Смит говорит, что он встречал м-ра Морти в Нью-Йорке, в очень большом обществе людей, ему – м-ру Смицу – совсем незнакомых.

Джордж Пелхэм: «Я наверное там был».

«В этот день утром господин, названный здесь Смитом, случайно зашёл ко мне, – пишет Ходсон. – Мне пришло в голову устроить интересный опыт и я спросил его, знал ли он Дж. Пелхэма? Он отвечал отрицательно, и я пригласил его вечером на сеанс миссис Пайпер в доме Говардов. Незадолго перед этим я точно так же, экспромтом, привёл на сеанс одного из друзей м-ра и м-сис Пелхэм, но который был совершенно неизвестен Дж. Пелхэму. В тот вечер миссис Пайпер очень нездоровилось, сеанс не состоялся, и я привезённого мною господина представил под его настоящим именем Говардам, объяснив им о его дружбе со стариками Пелхэмами. Теперь мне хотелось посмотреть, как отнесётся к этому м-ру Смицу Дж. Пелхэм: не заподозрит ли он в нём

своего знакомого или знакомого своих родителей? Я уверен был, что Говарды, в виду недавнего подобного инцидента, именно это заподозрят, и желал проверить степень их телепатического воздействия на проявления Дж. Пелхэма. Результаты получились совсем для меня неожиданные.

Посмотрев портрет Дж. Пелхэма, м-р Смит написал мне: «Лицо на карточке как будто знакомо мне, но где я его видел – сказать не могу. Возможно, даже очень вероятно, что я его встречал, но с точностью вспомнить не могу – где». Очень возможно, что в бытность свою в Нью-Йорке (в 1890 году) м-р Смит видел его в числе собравшихся у Морти. М-р Морти не мог вспомнить, присутствовал ли тогда среди его гостей Дж. Пелхэм. Кроме того, м-р Смит и Дж. Пелхэм были оба членами университетского клуба в Нью-Йорке; этот последний факт должен был бы быть известен мне, но я о нём тогда совсем позабыл. Бервик, о котором написал Дж. Пелхэм, был товарищ по университету умершего Дж. Пелхэма. Наконец, впоследствии м-р Смит вспомнил, что он однажды видел Дж. Пелхэма, совершенно случайно, в университетском клубе.

Сеанс марта 7-го 1892 года

Этот сеанс устроил М.И. Севедж «с целью общения с одним умершим другом», а мисс Маклеод, составившая протокол сеанса, попала на него совершенно случайно, в качестве совершенно постороннего человека, совсем незнакомого миссис Пайпер. В августе 1894 года мисс Маклеод умерла, и описание сеанса прислала мне сестра её, о которой упоминается в протоколах под именем Мейбл. Другие лица, о которых говорится, следующие:

Эдда – третья сестра Маклеод, умершая в декабре 1891 года в возрасте 24-х лет.

Миссис Путнем – приятельница их.

Альберт – знакомый, умерший в 1886 году шести лет от роду.

Сьюзи – имя его матери.

Агнес и Энни – приятельницы сестёр Маклеод.

Фрэнк и Джорджи – умершие братья; Джорджи умер тринадцати лет в 1871 году.

Сведения эти сообщила мне мисс Мейбл.

Первые два сведения мисс Маклеод получила в ответ на свой вопрос: что в данную минуту делают миссис Путнем и Мейбл? Отвечал Финюи от имени Эдды.

В 12 ч. 15 м. дня. – «Миссис Путнем в своей комнате, пишет. К ней входила дама, которую Эдда не знала при жизни своей на земле». (На вопрос, чем пишет миссис Путнем – пером или карандашом? отвечено: «Карандашом». – Миссис Путнем писала письмо пером. В остальном все сведения верны; входившая в комнату миссис Путнем была хозяйка её квартиры, и её, действительно, Эдда не знала.)

В 12 ч. 45 м. – «Мейбл находится в большом здании; она поправила волосы и отряхнула платье». (Мейбл в это время была в Фей-Хаузе; но остальных подробностей не помнит.)

«Дэвид скоро умрёт». (Дэвид до сих пор не умер, хотя в настоящее время очень болен.)

«Альберт желает, чтобы его мать поехала в Уилшон, он отправится с нею». (Имя «Альберт» было названо участницей, но название «Уилшон» было передано Финюи от имени Эдды. Вильшон – местечко в Нью-Гемпшире, где Альберт при жизни был однажды с матерью.)

«Агнес будет больна». (Действительно, Агнес, никогда не хворавшая, была больна в конце 1892 г.)

Затем Эдда говорила, что последнее, что она видела на земле, было лицо матери; после этого её первое впечатление было – её тело, прикрытое чем-то белым. (Этого я до сеанса не знала. Я всегда думала, что глаза Эдды были закрыты в то время, когда мать, чтобы облегчить ей дыхание, поддерживала её в сидячем положении, после чего она упала навзничь мёртвая. Когда я рассказала матери то, что мне передал Финюи, то мать тотчас же ответила: – «Ну да, разве ты не знала? Эдда всё время смотрела на меня, пока её взгляд не потух».) Финюи, после некоторого колебания, заявил, что волосы Эдды были золотистого цвета, очень светлые. (*Верно*).

Затем он сказал, что маленький Фрэнк, повидимому, знает Гертти меньше, чем Джорджи. (Эти имена не были названы мною; Фрэнк умер шести месяцев от роду и ранее, чем я родилась. Моё имя Гертруда.)

Финюи сказал, что у Джорджи было страдание в лёгких и его влияние заставляет кашлять медиума. У Эдды было страдание желудка, и она не любила отвара, которым её поили. (Джордж умер от скоротечной чахотки. Если бы миссис Пайпер навела справки, от какой болезни умерла моя сестра Эдда, то ей бы непременно сказали, что от болезни сердца; Финюи же передал именно то, что бы сказала Эдда в день своей смерти. Она и не подозревала, что сердце было причиной её болезни и приписывала её исключительно желудку. Что же касается до её отношения к отвару, то, действительно, ей

давалось во время болезни одно лекарство, которое она не переносила и под конец вовсе отказывалась его принимать.)

Альберт опасается, что мать его никогда не утешится в его потери. Он бы желал, чтобы она меньше горевала, а поехала бы в Уилшон.

Джоржи, Эдда и Фрэнк вместе и счастливы, и близки к земле. – «Больше всего мы желаем, чтобы вы знали, что мы живы». – Финюи прибавил, что Эдда так горячо желает доказать это, что чуть не на клочки рвёт его, Финюи.

Я могу прибавить по поводу этого сеанса ещё некоторые детали, – пишет мисс Маклеод. – Говоря о Метти, Финюи сказал:

— «Ваша кузина Метти здесь и хотела бы знать, где Дэвид».

Дэвид – её отец. Финюи пояснил, что Дэвид и Мери – сестра и брат моего отца, что совершенно верно. Говоря об Эдде, Финюи сказал:

— «Здесь очень хорошенькая дама, которая желает говорить с вами. Я стараюсь узнать её имя. Она говорит его мне, но я не улавливаю: Ада, Эдда – как вы это произносите?» *(Так как он довольно определённо уже назвал её, я поправила его произношение.)*

Финюи по складам выговорил «Герти» и спросил: – «Кто эта Герти?» На мой ответ, что это моё имя, он, повидимому, чему-то удивился. Дело в том, что меня зовут Гертрудой, и только Эдда иногда в шутку называла меня Герти. Говоря о моих сёстрах, Финюи сказал:

«Вас трое – одна, две, три!»

Такая фраза мне показалась очень странной: мы часто шутили между собой, что нас «одна, две, три» и особенно эта шутка забавляла Эдду. *(Замечание Ходсона: Финюи нередко именно таким образом пересчитывает членов семьи).*

Говоря о цвете волос Эдды, Финюи сперва сказал, что они темнее моих; но потом миссис Пайпер положила руку на мою голову и Финюи произнёс:

«Дайте я посмотрю какого цвета ваши волосы. Да, они тёмные! Я думал светлые. Мои друзья говорят, что я всегда ошибаюсь относительно цвета. Есть золотистый цвет? Её волосы именно этого цвета».

Волосы Эдды были, действительно, золотистого оттенка.

В марте 1893 года мисс Маклеод прибавляет: «Мой дядя Дэвид, смерть которого была предсказана на сеансе 7-го марта 1892 года, умер в Чикаго в прошлый вторник, 21-го марта 1893 года. Сколько мне помнится, его здоровье было в прекрасном состоянии в марте прошлого года.

Гертруда Маклеод»

Сеанс 8-го февраля 1893 года

Присутствуют: мистер и миссис Томас Макдонуф и Ходсон, записывающий, но не особенно подробно, происходящее. Свои пометки на прошлом сеансе м-р Макдонуф сделал только 1-го июля 1896 г. в ответ на мой запрос; при этом я получил и письмо от него, которое здесь прилагаю. М-р Макдонуф – член Общества психических исследований.

Финюи: «Здесь полковник. Он желает говорить с этим джентльменом».

— «Маленькие дети. Двое. Двое детей, оба ваши». *(Рукой показан рост детей).*

Написано: «Фред».

М-р Макдонуф: Фред Кливленд? *(Знакомый, умерший от чахотки в Денвере).*

Финюи: «Он разыскал мать – во плоти – и желал бы ей послать весть о себе. Она живёт в отеле (...) внизу. *(Я её не знаю. – М.)*

М-р Макдонуф: В каком городе?

Финюи: «В Нью-Йорке. Он умер от чахотки. *(Верно).* Один старый джентльмен, седой, ближе к вам, чем все остальные, кроме двоих детей. *Сара, Сара Уоррен – не Пурсель – при жизни имела маленький медальон, была хорошая знакомая матери этой леди.* *(Не понимаю, к чему относится. – М.)*

Финюи: «Старый джентльмен говорит: что же с теми бумагами?» *(См. Прим. 1-е в письме.)*

— «Двое детей и Фред; и Билл, и Мичел».

М-р Макдонуф: Спросите, кто он мне доводится?

Финюи: «Кто эта молодая девушка во плоти, очень музыкальная? Она хорошо играет и желала бы петь, но не может». *(В это же время, как бы в ответ на вопрос, написано слово: «Отец»).*

Финюи: «Вы знаете, что я вижу вашего отца. У вас имеются бумаги, ему принадлежавшие. Страховые.

М-р Макдонуф: Нет.

Финюи: «Бумаги, крепостные акты».

М-р Макдонуф: Ничего о бумагах не знаю.

(В это время пишется зеркально слово, похожее на «позолота»; тогда оно разобрано не было).

Финюи: «Общество ваяния и позолоты. Вот что он хочет сказать. Он очень этим гордился» *(См. Примечание № 1-й в письме.)*

Написано: «Джон Мк. здесь. Мк. – Джон Мк. – я твой на веки, твой брат, Джон Мк.»

М-р Макдонуф: Мой брат, Джон! Отчего вчера ты не мог нам проявиться? *(Накануне был неудачный сеанс у м-ра Макдонуфа вдвоём с его женой, без медиума).*

Джон М.: «Не мог и берёг силы на сегодня. Так, милый дорогой брат, я сдержу своё обещание и помогу тебе». *(К чему относится – не поняли.)*

Финюи: «Кто это Мюррей, Мери?» *(Не знаем. В это время написано: «Мать живёт хорошо. Мичел». (Это имя моего отца. – М.)*

М-р Макдонуф: Как относительно дела по канзасскому имению?

Финюи: «Где стекло, масса посуды?»

Написано: «Разорённое имение наладится, Том, дружище. Держись этого имения, оно хорошее».

Финюи: «Мери, Нелли, Нелли, Нелли». *(Кто – не поняли.)*

Написано: «Скажите моему сыну Джону Дж. заботиться о своих интересах». (Сын моего покойного брата, Джона. См. Примеч. № 3 в письме.)

Финюи: «У Джона что-то неладно с горлом и головой».

М-р Макдонуф: Нервное?

Финюи: «Для него неплохо выйти оттуда. Сейчас он находится в большом здании. Его здоровье поправится».

М-р Макдонуф: Скажите что-нибудь о нашем здоровье.

Финюи: (м-ру Макдонуфу). «У вас нет страдания сердца, как вы это думали. Немного слишком толсты, это всё. Я бы советовал вам поупражняться с гимнастическими шарами. Брейтовой болезни тоже нет. У вас только небольшой катар желудка. Вы долго останетесь в теле». (См. Примеч. № 4 в письме.)

Финюи: (ощупав м-ра Макдонуфа): «Отправляйтесь домой и можете спать». (К миссис Макдонуф): «Вам нечего нервничать». (М-р Макдонуф и Ходсон высланы из комнаты. Когда они вернулись):

— «У неё маленькое бронхиальное расстройство. Как будто она когда-то надышалась дыма. Ещё последствия падения. Делайте спринцевания горла из одной ложки *hamamelis* на одну чашку воды, два раза в день».

Написано: «Не забывай меня, Том. Я буду следить за тобой всегда. Прощай. Твой, и т. д., Дж. Мк.».

«Фраза: как будто она когда-то надышалась дыма меня очень удивила, – пишет м-р Макдонуф в конце описания сеанса. – Несколько лет перед этим, во время огромного пожара в Сент-Луисе, сопровождавшегося многими человеческими жертвами, миссис Макдонуф, спасаясь от огня, спустилась на связанных простынях из пятого этажа, упала при этом и её подняли едва живую и сильно обгоревшую. Она проболела шесть месяцев после этого. О её чудесном избавлении тогда много писали в газетах.»

Письмо м-ра Макдонуфа к д-ру Ходсону

Ранжлей-Лакс, июля 1-го, 1896 г.

Дорогой мистер Ходсон!

За эти три года, истекшие после сеанса, я позабыл многие подробности и могу дать вам только следующие сведения:

Примечание № 1. – Старый джентльмен, спрашивавший о бумагах, – это мой отец, Мичел Макдонуф. Финюи, стараясь уловить его имя, назвал его сперва по-французски «Мишель»; я понял о ком он говорит, но, боясь ошибиться, ждал английского перевода имени. Финюи повторил его по-английски и с ударением. Что же касается до «бумаг» и «гордости» по отношению к ним, то объяснение этому таково: отец мой был родом англичанин и прибыл в Америку в 1834 году; он состоял казначеем Общества ваяния и позолоты, ныне уже не существующего. В качестве представителя Общества отец купил застроенное место, понадобившееся для золотильных работ, и почему-то крепостные акты были сделаны на имя отца. Я был уже порядочно большим мальчиком и помню волнение семейных по поводу полученного отцом из Лондона письма, где правление Общества предлагало отцу отправиться к какой-то власти – вероятно, к британскому консулу – для перевода недвижимого имущества на имя Общества, так как иначе оно не могло распорядиться им. Мы были очень бедны. Отец, не колеблясь, исполнил требуемое и всегда гордился этим.

Примечание № 2. — Помню, что мой брат Джон на этом сеансе сделал указание на дефект, имевшийся в башне нашего дома; по осмотре башни он действительно был найден и исправлен своевременно.

Примечание № 3. — Сын моего брата, мой племянник Джон Дж., в это время поссорился со своими хозяевами, театральными агентами, и намеревался оставить службу. Его голова и горло очень мучили его – это всё я узнал *после сеанса*, в то же время я полагал, что у него всё обстоит вполне благополучно.

Примечание № 4. — В то время я ощущал сильные боли в сердце и испугался. Я просил Финюи сказать, что со мною. Его ответ был замечательный: вскоре после сеанса я был у доктора, – д-ра Помроя – и он сказал мне буквально то же, что и Финюи, даже почти в одних и тех же выражениях. И оба они не ошиблись: моя болезнь действительно заключалась в катаре желудка, которым я уже давно страдал.

Вот всё, что я могу Вам сообщить. Боюсь, что эти сведения покажутся Вам очень неполными. Могу ещё прибавить, что брат мой, Джон, умер в феврале 1892 г.

Миссис Макдонуф шлёт Вам своё почтение и прилагает к этому письму свою подпись.

Т. Макдонуф

Я прочла примечания, написанные моим мужем, относительно сеанса с миссис Пайпер, на котором мы вместе присутствовали. Подтверждаю всё изложенное моею подписью.

Фрэнсис Макдонуф

К этому описанию сеанса д-р Ходсон прибавляет:

Возможно, что я предложил этому проявлявшемуся «Джону Мк.» передавать его брату то, что он пожелал бы ему сообщить. Примеров подобного рода сообщений от различных проявлявшихся на моих сеансах имеется у меня множество. Привожу следующие иллюстрации:

13-го февраля 1893 г. на сеансе, в присутствии совершенно постороннего лица, Финюи произнёс:

— «Джон шлёт свой привет Тому и Фрэнк».

17-го февраля, опять на сеансе с посторонними, было написано:

— «Я Джон Мк.; Вы желали, чтобы я пришёл, не правда ли? Я Джон Мк., очень хорошо, я пришёл сказать Вам пару слов. Чья это шляпа?»

Ходсон: Это не ваша.

Джон Мк. (*написано*): «Да, я вижу, я её не помню. О, теперь знаю, но кто Вы, сэр?»

Ходсон: Я приятель вашего брата.

Написано: «Тома? О, я очень рад Вас видеть, сэр».

Ходсон: Я недавно видел их.

Написано: «Да, так Вы – тот джентльмен? Ну, так будьте так добры, передайте им с Фрэнк мой поклон и в особенности попросите их посоветовать моему сыну Джону продолжать путешествия – это очень важно, и ещё передать ему, что это очень благоприятно для его слабого здоровья, и мою любовь, а также в ***». (*Ходсон прочёл. Спросил верно ли?*)

Написано: «Да, сэр. Теперь ещё, прошу, скажите Тому, моему брату, что я ему скажу, когда ему лучше продать его землю в Канзасе».

(*Ходсон прочёл*):

Написано: «Да, сэр, и помогу ему. Очень благодарен Вам. До свидания, сэр. Ваш покорный слуга Дж. Мк.»

Впоследствии я узнал от м-ра Макдонуфа, что имя, обозначенное в этом описании тремя звёздочками и в то время мне совершенно неизвестное, имеет особое значение по своей интимности. Под именем «Фрэнк» известна в семье миссис Макдонуф – совершенно своеобразное уменьшительное от Фрэнсис.

На сеансе 18-го января 1894 г., в то время, когда писал Дж. Пелхэм, воспоследовала такая фраза:

«Происходит путаница, Ходсон; вам лучше переждать, пока немного здесь успокоится. Знаете, совершенно такое же впечатление, когда находишься в большом зале и десятка два-три голосов обсуждают одновременно совсем различные вопросы... Кто этот Джон Макдонуф?»

Ходсон: Я знаю его брата. Я понимаю, в чём дело, и передам его сообщение.

Написано: «Передайте мой привет ему и скажите, что я был бы в восторге увидеть его и Фрэнк ещё когда-нибудь и чтобы он ещё попридержался: я скажу ему, что ему следует делать. Я навеки твой брат, Джон Мк. Знаете Вы этих людей, Ходсон?»

Ходсон: Да, всё это правильно. Скажите ему, что я передам его сообщение.

Написано: «О, хорошо».

Я послал сообщение м-ру Макдонуфу и получил следующий ответ:

«Питсбург, января 29, 1894 г.

Дорогой доктор Ходсон! Присланное Вами сообщение и которое я Вам возвращаю, имеет огромное значение: я именно чрезвычайно озабочен очень важным делом. «Джон» стоит, повидимому, совершенно в курсе моих тревожений...

Томас Макдонуф»

На сеансе февраля 21-го 1894 г., в то время, когда писал Дж. Пелхэм получилось следующее:

«Есть сообщение от Джона Макдонуфа. Скажите Тому...» (*не разобрано*) <здесь>.

Ходсон: Вы пишете очень быстро. Не могу прочесть.

Написано: «Я должен скорее передать сообщение, Ходсон, пока я ещё ясен. Я наблюдал за ним, и ему лучше уйти, потому что он никогда не поправится в теле. Если бы он остался дольше, то потерял бы рассудок».

Ходсон: Что это и про кого он говорит?

Написано: «Погодите. Его сын».

Ходсон: Да чей?

Написано: «Джона».

Ходсон: Он, что ли, тоже умер?

Написано: «Да, недавно».

Ходсон: Но он хотел передать сообщение о какой-то собственности, не правда ли?

Написано: «Да, он мне это тоже говорит. Канзасское имение будет продано в этом году и выгодно. Продержись ещё немного, Том, милый брат, я помогаю тебе разделаться. Верь мне вполне, уверяю тебя, что всё будет хорошо и пойдёт хорошо, Том... Он немного ждёт. Я скоро скажу тебе... держись дома на острове. Любящий тебя брат Джон Мк. – Благодарю вас, сэр, прощайте... Принесите мне как-нибудь что-нибудь ему принадлежащее. Временами он впадает в дремотное состояние, но со мной, как переводчиком, он ясен».

На это м-р Макдонуф написал мне:

«Дорогой доктор Ходсон! Сообщение, Вами присланное, очень бестолково. Сын «Джона» не только не умер, но отлично поживает. У меня нет на острове никакой собственности; наше имение в Лоне-Бренче. Мы и не думаем продавать канзасское имение. Вообще сообщение совсем не похоже на идущее от моего брата. У меня существуют некоторые затруднения в делах, но «Джон» их как будто не видит...

Томас Макдонуф»

В июле 1896 года м-р Макдонуф известил меня, что его племянник, сын «Джона Мк.» умер год тому назад, в июле 1895 г. Октября 14-го 1896 г. на сеансе Финюи сказал:

«Макдонуф говорит, скажите Фрэнк, что она здорова и будет здравствовать многие годы».

Я послал это сообщение м-ру Макдонуфу и в ответ получил:

«Сообщение очень ясное: миссис Макдонуф («Фрэнк») месяц тому назад простудилась, была сильно больна, и думала, что уже больше не встанет. Спасибо».

* * *

Операция, сделанная миссис Пайпер (14-го марта 1893 г.), была произведена доктором медицины Л.В. Инграмом, который и прислал мне нижеследующие сведения. За день до операции, 12-го марта, весь сеанс был посвящён консультации Финюи с Инграмом и двумя другими врачами, причём я не присутствовал.

Письмо д-ра Инграма д-ру Ходсону

Мая 20-го, 1896 г.

«Дорогой м-р Ходсон! Операция м-сис Пайпер заключалась в целиотомии с целью удаления яичников и поражённых Фаллопиевых труб...

Рана зажила первым натяжением и выздоровление пошло ровно, без всяких осложнений. Послеоперационное исследование показало прекрасное состояние внутренних органов, а вместе с тем исчезли и болезненные симптомы, бывшие до операции.

Пульс м-сис Пайпер перед трансом был значительно ускорен вследствие страха исследования, операции и т.п., но в момент наступления трансана он установился на 75 в минуту и остался таким без изменения во всё время трансана.

Температура была нормальна и до трансана, и во время его, и после. Эфиризация не дала никаких особо неприятных симптомов.

С истинным почтением,

Л.В. Инграм».

Операцию делали в Кучингском санатории в Бруклине, и я во всё продолжение её оставался в здании санатория для того, чтобы в случае надобности быть готовым оказать помощь. После операции, когда миссис Пайпер была уже перенесена в отведённую для неё комнату, но находилась ещё под действием эфира и, повидимому, была без сознания, д-р Инграм попросил меня войти к ней, так как она меня звала. Однако, когда я вошёл, она меня не замечала и продолжала как бы машинально шептать: «мистер Ходсон!» Вдруг что-то привлекло её внимание, какой-то, повидимому, интересный для неё предмет, невидимый для нас. – «Кто этот старик?» – воскликнула она. – «Уведите его отсюда». Потом прислушалась к чему-то и прибавила: «О, нет! Он хороший. Он может остаться». Я невольно подумал о Финюи.

Первые сеансы после операции начались в сентябре; на одном из них Финюи заявил:

«Я видел медиума, уложенною на длинный стол, и помогал ей. Я видел также Ходсона и очень старался сделать себя видимым медиуму».

Сеанс 18-го ноября 1893 года

Присутствуют: мистер А.А.С. (член Общества психических исследований.) и Ходсон (записывающий происходящее).

На сеансе в сентябре было получено сообщение по адресу м-ра С***, исходящее будто бы от его покойного брата Гарри и переданное через Джорджа Пелхэма.

В начале сеанса Финюи спросил:

«Знаете вы, кто такой Гарри? Он недавно здесь».

Предположив, что речь идёт о брате присутствующего С***, мы просили Финюи дать нам сведения об этом Гарри, но получилось что-то совершенно несообразное: имена перепутаны, обстоятельства искажены и без всякого значения для участника. В особенности этот Гарри был озабочен желанием передать сообщение «Гусси во плоти». Джордж Пелхэм начал писать, но какая-то путаница мешала ему, он даже не сразу узнал меня – принял сперва за Говарда. Он писал, что «свету мало, меньше чем бывает иногда», и отказался от попыток выяснить дело. Последовало ещё чьё-то писание, за ним и ещё кто-то написал, назвавшийся Каррингтоном. (*Под этим именем на предыдущем сеансе явился друг присутствовавшего мистера Т.Б.С., но я объяснил тогда этому другу, что когда-нибудь в другой раз буду рад выслушать его сообщение.*) Теперь я сказал этому Каррингтону, что сейчас не время для его проявления, так как мы ожидаем личных друзей присутствующего м-ра С***. Проявляющийся извинился, что помешал, но напомнил что я сам приглашал его прийти.

«Разве Вы сами не сказали мне придти в другой раз?.. Но тогда почему же Вы не объяснили мне?.. Видите, я очень огорчён, но я не знал; кроме того, нет достаточно сил для проявления и я очень старался. Извините меня, сэр, я уйду. Я ухожу. Прощайте».

После этого опять говорил Финюи, но из всего его разговора единственно значительная для нас фраза была:

«Молодой человек по имени Гарри – я желаю видеть моего брата».

Финюи тоже жаловался на путаницу.

Миссис Пайпер начала, было, выходить из транса, но вдруг её рука была схвачена с большою силою и потребовала писать. Я вложил в неё карандаш и последовало очень подробное и интимное сообщение участнику А.А.С., причём к нему обращались, называя уменьшительным именем и подписались полным именем его брата Гарри; подпись эта была повторена несколько раз и с такой силой и волнением, что вся бумага изодрана. Безумные тоска и озабоченность, с какими производилось писание и которые выразились в движениях руки миссис Пайпер, были очень поразительны, но передать их словами, конечно, нет никакой возможности. На сеансе 23-го ноября Финюи объяснил, что, «выходя», он встретил молодого человека, который горячо умолял его дать ему возможность поговорить с братом, и что Финюи «помог ему».

Два или три дня спустя я узнал об обстоятельстве, которое проливает некоторый свет на путаницу и сумбур, происходившие во время сеанса 18-го ноября.

Незадолго перед тем миссис Говард возила к миссис Пайпер одну даму, очень желавшую совершенно приватного сеанса, и миссис Говард мне сообщила, что дама эта получила очень замечательное сообщение от своего покойного мужа, Гарри, и между ними (проявлявшимся и дамой) было условлено, что когда он пожелает видеться с ней, то скажет, что желает дать сообщение *Гусси*. Миссис Говард было поручено передать мне это для того, чтобы я принял это условие к сведению, между тем миссис Говард не успела мне сообщить об этом условии до 18-го ноября. Я вспомнил, какая масса непонятных сведений была мною записана на сеансе 18-го ноября, и передал протокол сеанса миссис Говард, для которой всё записанное оказалось вполне понятным и ясным.

Сеанс 8-го декабря 1893 года

Присутствуют: миссис Говард, мистер С.В. Сьютон, миссис Сьютон и Ходсон, которым записан сеанс.

Миссис Сьютон, сама обладая медиумизмом, именно – духовидением, описала некоторые, бывшие у неё явления в книге «Свет на затерянном пути», изданной с предисловием очень известного Джеймса Фримен-Кларка. Книга эта была подписана псевдонимом, но я случайно узнал настоящее имя автора – тогда миссис Катерины Пенн, достал даже рекомендательное письмо к ней, желая с ней познакомиться. Однако, обстоятельства сложились так, что я познакомился с нею и её вторым мужем только очень незадолго до сеанса. Миссис Говард тоже не была знакома с ними ранее.

Миссис Говард взяла руки миссис Пайпер, и та тотчас же впала, под влиянием д-ра Финюи в транс. После небольшого сообщения к миссис Говард, я взял руки миссис Пайпер, и Финюи сказал:

«Это – славная леди, она много добра сделала, помогла стольким бедным душам. Маленький ребёнок идёт к вам. Это – самая милейшая леди, какую я когда-либо встречал, созерцая свет через организм миссис Пайпер».

Он протянул руки как бы навстречу ребёнку и ласково заговорил:

«Поди сюда, милочка. Не бойся. Поди, душка, вот твоя мама».

Он описал нам ребёнка и его «славные кудри».

– «Где папа? Требуется папу». (*Берёт со стола серебряную медаль.*) – «Я хочу это, хочу это кусать» (*девочка при жизни часто кусала эту медаль. Достает связку пуговиц.*) – «Скорей! Я хочу положить это в рот». (*Часто кусала и пуговицы, но это было запрещено. Финюи в совершенстве подражает её манере.*) – «Я постараюсь заставить её с вами говорить. Здесь присутствует ещё дама, умершая от опухоли в кишках (*друг миссис Сьютон, умершая от опухоли яичников.*) – Ребёнок с нею, она привела его ко мне. Теперь она со мной говорит. Кто такой Додо?» (*Малютка звала так своего брата Джорджа.*) – «Говорите со мной скорее. Я хочу, чтобы позвали сюда Додо. Скажите Додо, что я счастлива. Не плачьте больше обо мне». (*Прикладывает руки к горлу.*) – «Горло не болит больше». (*Она умерла от болезни горла и языка.*) – «Папа, говори со мной. Не можешь ли ты меня видеть? Да, ведь я не умерла, я жива. Мне очень весело с бабушкой». (*Мать миссис Сьютон умерла несколько лет тому назад.*)

Финюи: Здесь их ещё двое. Один, два, три здесь; один старше и один моложе Кики». (*Верно*) – «Я бы желал, чтобы вы могли видеть этих трёх ребят». (*К м-ру Сьютону.*) – «А вы много хорошего делаете». (*Обращаясь ко мне:*) – «Он добрый человек... Язык у этой маленькой был очень сух перед смертью? Она всё показывает мне свой язык». (*Перед смертью она очень страдала от языка, он был парализован.*) – «Имя её Катерина. Себя она называет Кики». (*Верно*) – «Скажите Додо, что Кики в духовном теле. Где лошадка? (*Передают маленькую лошадку.*) – «Большую лошадку, а не эту маленькую». (*Вероятно, большая картонная, которую она очень любила.*) – «Милый папа, возьми меня покататься. А вам жалко вашей Кики? Видите вы Кики? Хорошенькие белые цветочки, которые вы положили со мной, здесь у меня. Я взяла с собой их маленькие души».

Финюи описывает полевые лилии, положенные в гробик Кики.

— «Папа, хочу ехать кататься». (*Во всё время своей болезни она не переставала этого просить.*) – «Я каждый день хожу смотреть лошадку. Я люблю лошадку. Я буду кататься. Я с вами каждый день».

Семья Сьютонов только что вернулась от родителей м-ра Сьютона, где они гостили; они там часто ездили кататься и миссис Сьютон, в качестве ясновидящей, нередко видела тень Кики, им сопутствовавшую.

Я спросил, помнит ли Кики, как её снесли вниз больную?

— «Мне было тогда очень жарко, голове было жарко». (*Верно*)

Миссис Сьютон: А знала ты, кто за тобой ухаживал? Довольна ты была, что мы все были с тобой?

— «О, да! Да, да!»

Миссис Сьютон: Очень ты страдала перед смертью?

— «Я увидела свет, пошла за ним и пришла к этой хорошенькой леди. Вы меня всегда будете любить? Вы позволите мне приходить домой? Я буду приходить к вам каждый день, и когда вы будете ложиться спать, буду класть на вас свою руку. Не плачьте обо мне, а то мне делается грустно. Элеонора! Я хочу Элеонору». (*Её меньшая сестра. Она во время болезни часто её звала.*) – «Я хочу мои пуговицы! «Греби, греби» – мою песенку, спой её теперь. Я буду петь тоже».

Мы запели её любимую песенку «Греби» и тоненький детский голос вторил нам. На втором куплете Финюи сделал нам знак молчать и Кики окончила песенку одна.

Финюи: «Посмотрите, как славно разлетаются её кудри!»

Кудри Кики не были настолько длинны, чтобы разлетаться шесть недель тому назад, перед её смертью.

Кики: «Баю, бай, баю!» Папа, пой!»

Спели и эту песенку – две, какие знала при жизни маленькая Кики.

— «А где Дина? Я хочу Дину». (*Дина – большая чёрная собака; её с нами не было.*) – «Я хочу Беджи». (*Она так называла свою сестру Маргариту.*) – «Я хочу, чтобы Беджи привела ко мне Дину. Хочу к Беджи! Я всегда вижу Беджи. Скажите Додо, когда его увидите, что я очень его люблю. Милый Додо. Он часто маршировал со мной, вот так сажал меня. Додо мне пел. Это было ужасно дурное тело. Теперь у меня красивое тело. Скажите бабушке, что я её люблю; я хочу, чтобы бабушка знала, что я жива. Бабушка это знает. А вот Гетти. Говори с ней. Я так рада».

В это время обрывается нитка с пуговицами; Финюи огорчён; мы собираем пуговицы, чтобы опять их связать.

Кики: «Гетти говорит, что это очень хорошая картина».

(*Гетти – имя близкой приятельницы миссис Сьютон; ей очень нравилась копия Сикстинской Мадонны, сделанная миссис Сьютон; перед смертью (несколько лет тому назад) Гетти велела повесить эту копию в своей комнате и скончалась, смотря на картину.*)

Кики: «Я хочу тик-так. Открой тик-так. Мама, ты меня так любишь? Не плачь обо мне».

Финюи: «Я не совсем разбираю, что она называет «тик-так»; она говорит: «стенные часы».

Кики действительно называла карманные часы «стенными».

Финюи: «Но что было с её языком? Она мне его всё показывает. Теперь всё прошло. У неё всё прошло. У неё чудесные, большие тёмно-синие глаза». (*Верно*) – «Она очень живая, очень независимая и в то же время от природы кроткая. Очень любит Беджи и Додо и очень рада вас видеть. Вот Эдди – малютка, умерший совсем маленьким; она его знает». (*Верно*) Финюи пробует назвать новое имя:

— «Луис... Луис... – Алонсо. Он здесь, вместе с Кики, он славный малый. Он говорит: «Не думайте, что это дурно вызывать нас: я так рад прийти!» Не видали ли вы его во сне? Несколько времени тому назад? (*Не помнят*) – «Здесь ещё малютка, Кики говорит. Кики хочет, чтобы вы говорили с её дядей Алонсо. (*У м-ра Сьютона был умерший брат Алонсо, а также и Эдди, умерший в младенчестве.*)

Финюи (за Алонсо): «Как странно звучат ваши голоса! Я перед смертью страдал гораздо более, чем вы думали, и был в очень угнетённом состоянии. Я буду заботиться о ваших маленьких».

Алонсо боялся смерти, полагал, что за ней наступит вечная тьма.

Финюи старается назвать полное имя и выговаривает: *Алонсо Ксьютон*. М-р Сьютон говорит, что второе имя Алонсо начиналось на К.

— «Так! – восклицает Финюи. – «Алонсо К. Сьютон. Он очень счастлив, что может возвращаться, видеть вас, вашу работу. Аделина – маленькая Ада – он её помнит». (*Его сестра, которая, в то время, когда он умирал, была ещё маленьким ребёнком.*)

Кики: «Я хочу быть с вами, хотя вы меня и не видите. Скажите Элеоноре (*её младшая сестра*): я посылаю ей поклон и поклон Беджи. Я не забуду Беджи. Не тоскуйте о нас, мы так счастливы! Где бабушка Сьютон? Я хочу, чтобы она знала,

что я люблю её и прихожу к ней и пою «Баю, баю» здесь. Я так счастлива с этими девочками. Какую это хорошенькую белую вещь вы положили в маленькую горку, ещё на ней красивые цветы?» (*Гробик новорождённого и вскоре умершего ребёнка Сьютонов.*)

Финюи: «Три маленькие горки, но в них только их тела, а души здесь и счастливы».

Финюи говорит, что здесь та леди, о которой упоминала Кики, и что она хочет говорить. (*Имя этой леди правильно названо: участники сеанса не пожелали его напечатать.*) Финюи передал от её имени:

— «Прошу вас всегда помнить, что я и ваши братья находимся при ваших детях и останемся с ними, пока вы этого желаете».

Миссис Сьютон спросила о её смерти.

— «Некоторое время меня что-то связывало с моим телом, но, наконец, связь эта порвалась, и я увидела себя отдельно от тела».

Финюи: «А*** во плоти, дочь Мери. Мери так говорит и шлёт ей свой привет. Со времени её смерти произошла большая перемена в жизни А***. Она довольна: нехорошо, что А*** была так одинока». (*И имя и сведения верны.*)

Финюи: «Со временем будет более гармонии. Она его очень любит. А*** после будет лучше понимать его. У него будет случай вырасти духовно. Вместе они будут счастливы».

Кики: «Я буду класть руку на голову папе, когда он будет засыпать. Я хочу беби». (*Вполне верно передано произношение Кики.*)

Финюи (*берёт куклу*): «Она желает обнять её, так. Она хочет ей спеть: *Баю-бай*. Господь лучше знает, что нужно, не горюйте же так. Теперь книжечку; Кики хочет книжечку».

Миссис Сьютон передаёт Финюи цепочку от часов. Финюи говорит:

— «Где отец? Не думаю... Чарли во плоти... Где письменный стол из моей комнаты?»

Тогда мы ничего не поняли, но впоследствии оказалось, что воспоминание о письменном столе очень характерично для проявившегося. Финюи описал его как очень красивого джентльмена, в очень возбуждённом состоянии; его сопровождал высокий джентльмен, который был талантливым проповедником в земной жизни: Филипп... Филипп Брукс. Он говорит:

— «Я желаю передать о своей надежде, что вы сделаете всё возможное, чтобы исправить мои земные ошибки».

Миссис Сьютон: Вы не верили в загробное существование?

Брукс: «Верил, но не допускал возможности сообщения с землёй после смерти. Теперь я вижу всё значение и важность этой возможности».

Он прибавил, что здесь присутствует друг, который сильно желает говорить с ними. Покойный м-р Брукс был другом и руководителем того джентльмена, которому принадлежала цепочка.

— «О, помогите мне! Где Джон? Где я?...»

Финюи: «Он прикладывает руку к своему сердцу; он умер от болезни сердца».

Верно по отношению к тому, чью часовую цепочку держала в руках миссис Пайпер.

Сеанс 21-го декабря 1893 года

Присутствовали: миссис Говард и миссис Сьютон.

Этот сеанс записан миссис Говард, но передаётся по записям миссис Сьютон, составленным по протоколу и дополненным её собственными комментариями.

Миссис Пайпер спокойно сидела и беседовала с нами, не проявляя ни малейшего намёка на транс; вдруг она подняла голову, встала и направилась к окну, но, не доходя до него, пошатнулась и наверное упала бы, если бы мы её не поддержали и не усадили бы тотчас в кресло. Одну минуту она казалась совсем безжизненной, а затем сразу через неё проявил себя Джордж Пелхэм, полный жизни и разума. Последний поздоровался и заявил, что такое множество лиц желает говорить с миссис Сьютон, что он не считает себя в праве задерживать их долее; д-р Финюи овладел организмом миссис Пайпер, и я взяла её руки в свои, сменив миссис Говард. Тотчас детский голос запел: «Греби, греби!» Была спета любимая песенка Кики, которую часто она пела во время своей болезни.

Кики: «Пусть мама поёт с Кики». *(Она могла свободно выговорить своё имя «Катерина», но сама себя всегда называла «Кики».)*

Песенка была пропета опять вместе со мной.

Кики: «Мама, где папа? Хочу папу! Кики хочет папу!» *(Это чрезвычайно характерно: Кики при жизни всегда желала видеть папу и постоянно звала его и искала.)*

Я ответила, что папа остался с Элеонорой.

— «Кики пойдёт к папе».

Финюи описал мне очень верно наружность моей девочки и прибавил: «Славная, весёлая деточка!»

Кики: «Кики видела папу. Папа ходит с Элеонорой и поёт: *Марш, марш...* *(Действительно, оказалось, что в это время м-р Сьютон носил на руках нашу маленькую больную Элеонору и пел ей: «Марш, марш»... Он нередко это делает.)*

Я попросила Кики спеть: «Баю-бай», и она пропела песенку совершенно так, как она певала её здесь; я не могла удержаться от слёз. На это Финюи сказал:

— «Не следует плакать, дитя грустит».

Кики: «Милая мама, разве ты меня так любишь? Я вас люблю и вижу вас. Я здесь счастлива, у меня так много детей, с которыми я играю, и я люблю мою тётю. Я люблю бывать с вами. Я играю с Элеонорой. Меня видит Элеонора? Я каждый день с ней играю. Мне нравится кровать, я с нею играю». *(Одна знакомая подарила недавно Элеоноре кровать для кукол. Конечно, мне и в голову не приходила эта кровать по отношению к Кики.)* — «Где Беджи? Скажи ей, что я люблю её. Я вижу Беджи с бабушкой». *(Маргарита гостила в это время у бабушки.)* — «Я люблю бабушку. Где Додо? Хочу Додо. Скажи Додо, что я и его очень люблю».

Финюи: «Здесь много желающих говорить с вами. Здесь ваши отец и мать. Они уже давно здесь, мать пришла первая». — «Они очень светлые. Они желают передать вам, чтобы вы не теряли терпения; в вашем будущем они видят радостные дни». *(Нет. У нас было много болезней, всякого горя, средства к жизни ещё убавились.)* — «Они говорят, что вы много пользы приносите и что детям вашим хорошо здесь. Кики хочет пуговицы. *(Я передала их Финюи.)* — «Она хочет все, здесь не все пуговицы».

На предыдущем сеансе шнурок оборвался и пуговицы раскатились по полу. Мы полагали, что подобрали их все, но когда наступил день уборки квартиры, миссис Пайпер нашла остальные пуговицы, нами незамеченные, и отослала их к м-ру Ходсону, который не знал, кому оне принадлежат, и оставил их у себя.

Финюи: «Здесь только восемь пуговиц. Кики, покажи, сколько их у тебя?» *(И насчитал, по-французски, двенадцать.)*

— Разве у вас есть там пуговицы? — воскликнула я.

Финюи: «Пуговиц здесь нет, но есть представление о них — идея — что для неё составляет реальность».

Кики попросила мячик, я передала его Финюи, который старался понять, что она хочет с ним делать.

— «Укусить его? Подбросить? Покатать? Кинуть?»

Нет, ей надо верёвочку. Миссис Говард подала верёвочку. Финюи старается ею обвязать мячик. Мячик этот красный шерстяной, проткнутый насквозь; когда Кики играла в него, то он висел на верёвочке, продёрнутой в отверстие.

Финюи: «Нет, не так – насквозь. Ну, ну, будь умницей. Не плачь. Не будь нетерпеливой; ведь ты хочешь, чтобы мама видела, как ты с ним играла, не правда ли, милочка? Старик тебе это сейчас устроит».

Он продел верёвочку, завязал её и стал раскачивать мячик.

Финюи: «Так, что ли, милая? Ну, вот, самая хорошая девочка, какие только бывают!»

(Во время болезни Кики её самое большое удовольствие было, чтобы я держала над нею этот мячик, причём, она его раскачивала рукой или ложкой; когда она уже потеряла сознание, то почти всё время повторяла это движение.)

На мгновение я увидела Кики: она стояла у стола и старалась достать катушку красного шёлка, лежавшую на столе. В это время Финюи протянул за ней руку, говоря:

— «Она хочет эту вещь, она и Элеонора играли в неё. Она говорит, что это катушка Элеоноры. Она ей очень рада: это её приближает к сестрёнке». *(Всё это верно, но я в это время не думала о Элеоноре.)*

Я подала Финюи прядь волос Элеоноры. Он подержал их с минуту и сказал:

— «Вы их отрезали близко к голове – это хорошо. Я отлично её вижу; прелестная девочка» *(Я ему не говорила, чьи эти волосы.)* – «Она часто раздражается – нервная, я хочу сказать, нервы раздражены. Но чудная девочка. Требуется большое попечение вследствие её нервозности. Делайте всё, чтобы её успокоить. Растирайте её чаще – это для неё очень полезно».

Миссис Говард: Может быть, ей принесло бы пользу христианское лечение?*

* В Америке за последнее время очень распространилось лечение при помощи молитвы – так называемое «христианское лечение». *(Примеч. переводчика)*

— «Может быть – что?» – воскликнул Финюи.

Миссис Говард: Лечение силою мысли.

Финюи: «О, да, это тоже хорошо. Держите её на свежем воздухе как можно больше; старайтесь, чтобы она не очень утомлялась; смотрите, чтобы спина была всегда тепло одета. Она очень была больна. Как это бедное дитя страдало!» *(Это был период выздоровления Элеоноры после спинного менингита, сопровождавшегося параличом.)* – «Она плохо спит; судороги, слабый желудок – это нервное; надо, чтобы желудок исправно действовал. Не давайте ей некоторое время фруктов. При тщательном уходе она со временем поправится. Во всяком случае, я не вижу, чтобы она скоро покинула тело, но вижу её очень хрупкой. Она требует большого попечения, иначе она уйдёт из тела вот так...» *(он щёлкнул пальцами. Элеонора живёт, но была очень сильно больна, очень страдала и нам стоило страшных усилий сохранить её.)*

— «У вас есть сын; высокий, красивый юноша, Додо – Кики зовёт его Додо... Кики хочет книжку с красными буквами и с рисунками животных». *(Совершенно верное описание любимой книжки Кики.)* – «Кики хочет волосы Элеоноры».

Он как будто что-то вынул из волос и передал Кики: «Ну вот, теперь они у неё. Она может ближе подойти к своей маленькой сестрёнке».

Я дала ему прядь волос м-ра Сьютона. Финюи взял их и засмеялся:

— «А это волосы папы. Изрядно мало их; а что, он очень скупился их уделить? *(Когда я отрезала эти волосы, муж, шутя, предупредил меня, чтобы я не очень много брала, так как ему не приходится быть расточительным в этом отношении.)* – «Он до ста лет проживёт. Вам нечего беспокоиться о нём».

(Примечание м-ра Сьютона: «М-сис Сьютон имеет слабость всех жён – вечно опасаться за здоровье супруга!»)

Финнои совершенно верно описал его характер: благородный, великодушный, талантливый и слишком скромный; вследствие чего цену ему знают лишь близкие друзья.

— «У него брат здесь, Алонсо, и ещё двое других, которые рано покинули землю – один даже и не жил на ней». (*Верно*) – «Алонсо очень привязан к ним и к вашим детям! Он очень счастлив – и так рад приходить сюда: А вот Кики с дядей Чарли!» (*Мой покойный брат*.) – «Он умер, не сознавая этого; он лёг с вечера со страшной головной болью и проснулся уже здесь. Он так благодарен вам за то, что вы его никогда не подозревали; его эти подозрения очень огорчали. Как мог кто-нибудь подумать, что он способен был это сделать?!» (*Чарли был найден в постели мёртвым на 24-м году своей жизни. Некоторые предполагали самоубийство, потому что в его спальне был найден пузырьёк с хлороформом, которым он иногда, во время приступов сильнейшей головной боли, мочил голову. Приглашённый доктор сказал, что, если бы этот пузырьёк был даже налит верхом, то всё же этого количества хлороформа было бы недостаточно для того, чтобы последовала смерть. Он умер от страдания сердечных клапанов; за месяц до его кончины двое докторов его предупредили, что он долго не проживёт и что смерть может наступить внезапно.*) – «Здесь ему очень хорошо и он ни за что не желал бы вернуться»...

Финнои повернул голову, как бы к кому-то стоящему около меня:

— «Да, знаю, знаю: «Кики хочет», но Кики должна быть терпеливой, другие хотят говорить с её мамой».

(*При жизни Кики была очень настойчива с этим своим: «Кики хочет».*)

ФИННОИ: «Он любит ваших детей, и они к нему очень привязаны. Он всегда с вами во всех ваших затруднениях... Ах, ты, девчурка! ты хочешь на колени к маме. Ну, иди».

(*Он сделал движение, как бы сажая её ко мне на колени. Опять одно мгновение я ясно видела мою девочку, лежащую у меня на руках с тем особенным довольным видом, который у неё всегда бывал в этих случаях.*)

ФИННОИ: «У вас есть здесь ещё ребёнок, давно пришедший сюда. Он теперь высокий дух; близко он не подходит, поэтому я не слышу его, только могу видеть... Кики хочет маленькую книжечку, которую мама читала, сидя у её изголовья; книжечку с хорошенькими, блестящими висюличками – мама положила эту книжечку в её ручки – это последнее из её земных воспоминаний».

(*Это очень интересно. То был молитвенник, у которого, вместо закладок, были ленточки с висюлицами на концах их серебряными крестом, якорем и сердцем. Этот молитвенник был мне прислан одним другом уже после того, как Кики впала в беспамятство; мы читали молитвы во время нашего ночного дежурства над ней, а после её смерти я положила этот молитвенник в её руки, чтобы воспрепятствовать застою крови в концах пальцев. Последнее её впечатление земное – молитвенник, положенный в руки! Что это значит? Миссис Пайпер сложила свои руки буквально так же, как были сложены ручки умершей Кики с молитвенником в них.*)

ФИННОИ: «У вас здесь много друзей, но вам нет необходимости приходить сюда для свидания с ними: они бывают у вас, и вы и слышите, и видите их. Вы много добра сделали, но ещё больше сделать вам предстоит. У вас много здесь близких – очень много. Вот старый джентльмен, желающий говорить с вами, д-р Кларк». (*Пока он говорил, я увидела Джеймса Фримана Кларка*). – «Он спрашивает, передали ли вы его сообщение N*? (*Имя его дочери. Я ещё не исполнила этого: ожидала, что она зайдёт и потому не написала ей.*) – А вот ещё джентльмен, сгорающий желанием побеседовать с вами; он вас не знал во плоти, вы его видели, когда он уже перешёл сюда. Он пытался говорить с вами. У вас с ним есть общий друг: передайте ей, что он живёт здесь, в этом прекрасном мире. Он говорит, где он родился и где умер». (*В то время я ничего этого не знала, но наведённым же после справкам сведения эти подтвердились.*) Думаю, что небезынтересно будет добавить, что на сеансах ничего не было сказано о близкой кончине моей бабушки, которая жила со мною и, умирая, оставила нам довольно, чтобы значительно облегчить наши стеснённые материальные условия».

Сеанс в декабре 1893 года

На этом сеансе присутствовали мсье Бурже, мадам Бурже, профессор Джеймс, в чьём доме и происходил сеанс, и служанка профессора Джеймса – Мари Гарен.

Судя по письму профессора Джеймса, сеанс был вообще очень удачный, но описания его от супругов Бурже мы добиться не смогли.

Я принуждён поэтому довольствоваться теми сведениями, что имеют отношение лишь к Мари Гарен, какие сообщает профессор Джеймс в своём письме, полученном мною на следующий после сеанса день.

«Дорогой Ходсон! Вчерашний сеанс миссис Пайпер с Бурже был чрезвычайно содержателен, хотя и было много сумбура, благодаря массе проявившихся личностей; я просил Бурже прислать мне записи сеанса. Между прочим, было нечто интересное и по отношению к моей служанке Мари.

На очень плохом сеансе с Вейр Митчел, 6 недель или около того назад, часто повторялось имя «Мари» и Митчел совершенно не мог понять, к кому оно относилось. Я тогда же подумал о моей прислуге, но перебивать чужого сеанса не хотел и промолчал. Вчера, в то время, когда мадам Бурже держала руки миссис Пайпер, было опять повторено это имя и между многим другим написано: «Я хочу, чтобы вы сказали моей сестре Мари, которая во плоти», и т.д. После многих вопросов, кто это «Мари», были попытки написать «Гарен». Я позвал Мари Гарен, и как только она взяла миссис Пайпер за руку, написалось: «Солнечный удар. Я умер от солнечного удара, я рад видеть милую сестру Мари. Скажи же маменьке, что я счастлив. Детям у неё хорошо. Много было хлопот, и оба ребёнка хорошо проживут с нею». И т.д.

Всего, что говорилось, я не помню: часть сообщения давалась письменно, но многое и прямо высказывалось медиумом. Названо было много имён, неизвестных Мари, одно из них «Джеймс»; мадам Бурже спросила у Мари: «Нет ли у вас кого-либо по имени Жак? Джеймс—это Жак по-французски». Рука тотчас же написала: «Жак-Александр»; это было имя дяди Мари, эмигрировавшего в Америку и о котором с тех пор не было никакого слуху. Были ещё названы: Луиза, Даниэль, Жюли, Эжени, Шарль – всё имена близких знакомых или родных Мари. Луиза – имя её матери.

«Незадолго до нашего отъезда из Швейцарии брат Мари сильно заболел, вследствие солнечного удара, и в сентябре Мари получила письмо от матери, что он скончался. Двое детей Мари действительно находятся у матери Мари, Луизы. Пишу это Вам потому, что случай этот очень доказателен, так как миссис Пайпер никаким образом не могла получить эти сведения нормальным путём: нам, конечно, никогда не могло прийти в голову разговаривать о семейных делах Мари, а сама Мари ни слова не говорит по-английски и знакома лишь с двумя лицами в Кембридже – две служанки, которые никогда не слышали о миссис Пайпер. Кроме того, Мари вообще очень мало общительна; она говорит, что вряд ли она упоминала о брате своим знакомым. Одна из этих её знакомых служанок – недавно привезённая сюда итальянка, а другая – уроженка французской Канады из Манстерберга.

Уильям Джеймс»

Сеанс в марте 1894 года

Участники: миссис Дель (псевдоним) и её родственница. Ходсон присутствовал при начале транса и в конце его. Записала сеанс м-сис Дель.

«На сеанс, устроенный для нас д-ром Ходсоном мы приехали вместе с ним; дверь отперла нам сама миссис Пайпер, которой мы были представлены как миссис Джонс и миссис Робинсон. Предварительно с миссис Пайпер мы знакомы не были и наше первое впечатление было очень в её пользу: она показалась нам очень женственной и искренней.

После непродолжительной беседы миссис Пайпер впала в транс, и ею овладел д-р Финюи. Вид наступающего транса чрезвычайно неприятен: это явление очень схоже с насильственным усыплением посредством эфира, причём усыпляемый сопротивляется и борется.

Когда миссис Пайпер была вполне под влиянием д-ра Финюи, д-р Ходсон вышел и оставил нас одних с медиумом.

Прежде всего д-р Финюи заговорил с моей спутницей о её детях, определил совершенно верно их возраст и пол, а также очень точно описал характеры няньки и гувернантки; при этом дал несколько советов относительно здоровья одного из детей, который болен.

Я привезла с собой ленту от шляпы одного моего друга, уехавшего путешествовать для поправки здоровья. Миссис Пайпер приложила ленту к своему лбу и затем вполне точно описала личность моего друга, прибавив, что он часто страдает головными болями вследствие переутомления и что отдых и перемена места скоро восстановят его силы.

Большая часть сеанса прошла в попытках одного нашего умершего друга проявить себя через писание; уже 27 лет прошло со дня его смерти и он указал на это, как на причину, почему ему так трудно проявить себя.

Многое из сообщённого нам слишком интимно и не может быть предано огласке, но всё сказанное нам было совершенно верно. Однако, обсудив всё происходившее на сеансе потом, мы пришли к заключению, что сведения, нам сообщённые, могли быть все объяснены чтением мыслей, если не считать предсказаний, которые пока ещё не сбылись».

М. Е. П. (Член Общества психических исследований)

В 1896 году на мои вопросы миссис Дель ответила:

«На сеансе с миссис Пайпер в 1894 году мне было сделано три предсказания о будущем. Одно исполнилось, а два остальных я ещё жду».*

* Весьма распространённое и прискорбное заблуждение – обращаться к духам, ожидая от них каких-либо предсказаний о будущем. Знание будущего вовсе не является вопросом, входящим в компетенцию духов и спиритизма, как то мнится многим и весьма многим. Всякий, задающий подобного рода вопросы, попросту напрашивается на розыгрыши и на обман со стороны несерьёзных и легкомысленных духов, в которых нет недостатка и которые так любят подобным образом развлекаться на счёт наивности «воплощённых». (И.Р.)

На моём сеансе, – пишет д-р Ходсон, – через несколько дней после сеанса миссис Дель, получилось (*имена изменены*):

— «Я Полли, сэр, и желаю видеть мою сестру, Алису Дель. Скажите ей, что я счастлива. Я всегда с Эльзи, с моей маленькой девочкой. Скажите ей, что я живу, живу для неё и для Вилли. Я часто вижу Алису Уилкинсон».

(*Спрашиваю, не может ли она давать сообщение голосом?*)

— «Да, сэр; этот старый джентльмен (*Финюи*) говорит, что я могла бы... Я буду так рада, сэр, очень, очень благодарю вас». (*Последнее относится, очевидно, к Финюи.*) – «Вы очень славный старик, и я уже полубила вас, сэр».

Финюи (ей): «Нечего со мной говорить; продолжайте, миссис!»

— «Благодарю вас за то, что пустили меня сюда». (*В руке беспокойство и беспорядочные расчерки.*) – «Помогите мне, сэръ!» (*Расчерки*) – «Дядя Билл так любит маму, что не мог не прийти засвидетельствовать ей свою любовь. Ведь у вас есть свет, и вы хорошо можете видеть, что я говорю; я очень благодарю вас за ваше доброе содействие, помощь... Конечно, о, да! я вижу его отца; да, да, и добрую его знакомую, Алиса вполне благополучна и я очень её люблю».

Я послал это сообщение миссис Дель и получил в ответ следующее:

«В присланном Вами сообщении поражает знание имён и прозвищ, но я не вижу в нём никакого смысла. Фраза: «Я всегда с Эльзи» и далее: «я часто вижу Алису Уилкинсон» для меня непонятны. «Полли», от которой будто бы идёт сообщение, доводилась мне сводной сестрой; «Полли» её звали в семье, настоящее же её имя Алиса Уилкинсон. Мой последний ребёнок – умерший – был назван в честь её тоже Алисой, но так как и меня также зовут Алисой, то во избежание путаницы в именах ей дали прозвище в семье: Эльзи».

Вскоре после этого на одном моём сеансе вдруг было написано:

— «Здесь одна славная леди, которая очень желает сказать несколько слов. Земное её имя – Полли Уотсон. Она говорит: пусть не скучают о ней, она счастлива. Господь знает, что делает».

Ходсон спрашивает о причине несообразностей: рассказанных от имени Полли в прошлый раз.

— «Она могла назваться как Уилкинсон, так и Уотсон, с одинаковым правом, потому что на земле носила обе эти фамилии. В прошлый раз она не проявлялась, а за неё говорила другая, которая передавала её сообщение так, каким его воспринимала, вставляя при этом фразы и от себя».

На одном из сеансов некто м-р Д*** пожелал записать сообщения Финюи на фонографе и принялся знакомить доктора с аппаратом, который тот назвал «этой вещью с трубой». Финюи никак не мог понять, в чём дело, и потребовалось немало труда, чтобы заставить его говорить в фонограф; при этом Финюи упорно ждал от машины ответов на свои слова.

На следующем сеансе Финюи с большим интересом и удивлением слушал собственные речи, записанные в фонограф, и в заключение воскликнул, обращаясь к Д***:

— «О, какой же вы молодец, сударь! Вы меня уловили!..»

В это время фонограф говорит: «Я выхожу».

Финюи: «Я и действительно выхожу. Ха, ха, ха! это забавно!»

Сеанс в мае 1894 года

*Присутствующие: д-р Ходсон, м-р Д*** и жена д-ра Хоу; последние два лица представляют собой довольно обычных участников на сеансах миссис Пайпер и хорошо знакомы с личностями Финюи и Джорджа Пелхэма. Протокол сеанса записан д-ром Ходсоном.*

Сначала были малоинтересные проявления и давались очень отрывочные сообщения. Я (д-р Ходсон) говорил с Финюи некоторое время, затем попросил его, не позовет ли он Е*** – одного из проявляющихся часто за последнее время – для того, чтобы тот поговорил в фонограф.

Вскоре появились симптомы, указывающие на смену «овладевания», и впоследствии долгое молчание. Рука миссис Пайпер делала движения, как бы расправляя и покручивая усы, откидывала назад волосы и, наконец, принялась ощупывать моё лицо. Я спросил:

— Кто здесь? В чём дело? Почему вы не говорите?

Раздался голос, совершенно непохожий на голос Финюи:

— «Это великолепно!.. Я никак не ожидал, что смогу... неужели я опять здесь, в конце концов?! Ну, ну, ну!.. А и переменялись же вы с тех пор, как я перешёл – ужасно! Вы меня не узнаете, не правда ли? Я – Джордж Пелхэм».

Последовала длинная беседа. Были даны разъяснения непонятных мест на двух предыдущих сеансах, но главной темой разговора были первые впечатления Джорджа Пелхэма после перехода: его удивление, страстное желание общения с друзьями и т.п. К сожалению, вся эта беседа была записана в фонограф и очень неудачно: запись не вышла и от всего разговора кое-где получились лишь жалкие обрывки. На память об этом сеансе остались лишь немногие заметки, которые мы занесли в тетрадь. Между прочим, в начале разговора я задал вопрос Джорджу Пелхэму, знает ли он, что такое фонограф?

— «Конечно, знаю, – отвечал он. – Что это, Ходсон? Вы, кажется, перестали считать меня культурным человеком после того, как я перешёл сюда?»

Сеанс закончился опять разговором с Финюи.

* * *

Дополнительные материалы

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ И ВОЗМОЖНОСТЬ ОБЩЕНИЯ С УМЕРШИМИ

(Аргументы и Факты
ЗА или, соответственно, ПРОТИВ)

Кто же подойдёт наконец к Человеку, положит руку ему на плечо и, глядя ему прямо в глаза, скажет: «Ты спишь уже века. Проснись!»

Свами Анантананда

Фактом является и останется им уже навсегда то, что сегодняшней медициной добыты новые данные, которые недвусмысленно показывают, что после смерти тела существование личности продолжается. Под «медициной» мы, естественно, разумеем никак не врачей советских больниц и поликлиник или членов Академии медицинских наук СССР. Мы имеем в виду исследования учёных-медиков мирового класса. Всякий человек, следящий за достижениями современной медицины в этой области, назовёт имена Рэймонда Моуди, Элизабет Кюблер-Росс, Майкла Сабома, Джорджа Ритчи, Корлисса Озиса и многих других.

Точно таким же фактом осталось и то, что учёные, жившие в конце XIX века и серьёзно изучавшие проблемы в области, называемой ими «психизмом» и «спиритизмом», пришли, среди многого прочего, к тем же самым выводам.

Факты эти и выводы, из них вытекающие, несомненны, касаются каждого из нас, и касаются весьма близко. Тем не менее, большинство людей проявляет к этому очень мало интереса. И делается обидно за это большинство. Человек не понимает, не чувствует и не видит. Словно слепой проходит он мимо сокровища, которое теперь открыто, показано, доступно. Заметь, посмотри и возьми себе эту драгоценность, которую тебе дарят и которая сделает тебя лучше и счастливее (что одно и то же). Что тебе мешает? Что тебя задерживает? Сейчас не надо, как когда-то, вступать ради этого в тайные мистические общества и приносить страшные клятвы, не нужно, как прежде, этому «верить», а довольно только не полениться, посмотреть да малость подумать – и понимание (или, как говаривали в прошлые эпохи, – «вера») придёт неизбежно, придёт само собой. А без этого, человек может прожить всю жизнь, прожить её кое-как, и умереть, так и не узнав в своё время, какое сокровище он упустил.

С древнейших времён люди верили в существование души, в её бессмертие и даже, как указывается в некоторых источниках, общались с духами «умерших». Скептик на это скажет, что человеку, якобы, во все времена нравилось верить в чудеса. Но, позвольте, что называет он «чудом»? Чудом он называет то, что «сверхъестественно», а сверхъестественно для него всё то, что «противоречит законам природы». Он, видите ли, оказывается, знает законы Природы настолько хорошо, что может решать, *что* им соответствует, а *что* противоречит. Он даже не замечает, что подобным суждением ставит пределы могуществу самой Природы, а происходит именно это, когда он, исходя из своего «всеведения» решает, *что* Природа сделать может, а *что* ей сделать уже никак не под силу.

Особый вес такие суждения приобретают, когда человек, выдвигающий их, носит звание учёного. Но в действительности подобная установка всего менее научна и означает лишь несдержанность невежественного ума. Для подобных критиков весь Спиритизм сводится к сомнительным сеансам с «кручением блюдец» и «верчением столов». И невдомёк многоумудрым, что они всего более походят здесь на того простака, который бы искренне верил, будто вся физика заключается лишь в падении яблока на землю, и считал бы это своё суждение по поводу физической науки не подлежащим дальнейшему развитию и истолкованию фактом. Именно такова логика наиболее воинствующего скептицизма, на поверку оборачивающегося самым беспомощным легковерием.

Подобному воплощённому критерию истины мы можем предложить только одно: пусть-ка он попробует *доказать*, будто существование духов и их общение с так называемыми «живыми» людьми противоречит законам Природы и что всё это не является и *не может* являться одним из её прекрасных и восхитительных законов! Но пусть он не пытается

доказывать это одним только голым отрицанием, которое не является аргументом, или утверждениями типа: «этого не может быть, потому что это невозможно», ибо таковые ничего не доказывают, кроме бессилия самого теоретика. Увы! господа, после всех его попыток сделать это окажется, что он не в состоянии привести ни одного весомого довода. За все те годы, что существует эта проблема, никто из наших предшественников, ни мы сами *ни разу* не встретили скептика, рассуждения которого заслуживали бы серьёзного анализа. Поэтому в борьбе с нами они избрали не путь рассуждения, а совершенно иной: более или менее искусную дезинформацию и силовое затыкание рта своим оппонентам.

Между тем, реальность спиритических феноменов не вызывает ни малейшего сомнения у открытых и непредвзято мыслящих умов, *пожелавших потратить некоторое время* на изучение сути вопроса. В ту пору, когда вещи эти серьёзно изучались, неподложность их или, вернее, *невозможность* подложности была засвидетельствована авторитетными учёными и целыми учёными комиссиями, которые стремились как раз не доказывать реальность этих явлений, но убедиться в том, что они на самом деле не существуют. Однако сила очевидности убеждала даже их, при всём их скепсисе, и у многих из них хватило научной добросовестности стать на сторону истины, а не своих предубеждений. Следует при этом учесть, что, поступая так, они многим рисковали, ибо их научный авторитет мог сильно пошатнуться в глазах их учёных коллег. Но факты, как известно, упрямая вещь. В этой связи сэр Вильям Баррэт, пионер английского спиритизма, писал: «Скептицизм, отказывающийся признать очевидность множества фактов, происходящих у него перед глазами, всего менее может быть признан *здоровым*. Такой скептицизм нуждается во вмешательстве врача».

По поводу реальности спиритических явлений В.Ф.Войно-Ясенецкий, выдающийся русский медик (он же архиепископ Лука), высказался следующим образом: «Как бы ни относиться к спиритизму, нельзя не признать несомненность этого факта». Что там говорить! Даже сам насмешливый и скептический Шопенгауэр не счёл в своё время возможным сомневаться в реальности этих явлений, ибо прекрасно знал, что они не такая уж редкость. Он в частности писал: «Того, кто сегодня оспаривает факты ясновидения, появления духов и тому подобное, следует считать не скептиком, а невеждой».

А.Конан-Дойль, человек аналитического и рационального склада ума, почти 50 лет жизни посвятил изучению Спиритизма, который он на английский манер называл «спиритуализмом». По поводу сомнений и скепсиса в реальности этих явлений он писал: «Мы достигли теперь такой точки, когда дальнейшие доказательства становятся излишними и когда вся тяжесть сомнений и опровержений целиком ложится на плечи тех, кто отрицает существование этих явлений. Но как раз те люди, которые требуют доказательств, как правило, никогда не дают себе труда ознакомиться с теми многочисленными доказательствами, которые уже есть. Похоже, каждый считает, будто весь предмет должен быть пересмотрен заново потому только, что лично ему требуются какие-то сведения». Это что касается, так сказать, внешней стороны вопроса. Теперь несколько слов о внутренней его стороне.

Мы утверждаем, что Спиритизм есть философия, выводы и гипотезы которой заставляют задуматься всякого образованного и серьёзного человека. Идея души, лежащая в его основе, неразрывно связана с идеей её бессмертия, и обе они суть естественное следствие идеи Бытия Божьего. Преступление марксизма-ленинизма, равно как и всякого материализма, состоит в том, что он, чрез безбожие, пытается лишить Человека его духовной сути и его первородного права на бессмертие с тем, чтоб превратить его попросту в «кусочек мяса». Но Спиритизм указывает Человеку на его истинную природу, говоря ему, что он есть не *тело*, но *дух*.

Если основа, т.е. существование души, допущена не в виде вероятия, но как нечто доказанное, неоспоримое, тогда не видно, как бы существование духов совершенно естественно и логично не вытекало из этой основы. Поэтому нам остаётся только выяснить вопрос, может ли дух сообщаться с человеком, т.е. обмениваться с ним мыслями. В своих рассуждениях мы будем, разумеется, исходить из принципа существования души, который, как мы сказали, сегодня вполне бесспорен и ясен для каждого человека, мыслящего самостоятельно и непредвзято, т.е. человека с открытым и свободным умом, умом, чуждым рабства перед обычаем, привычкой или догмой.

На вопрос о том, возможно ли общение между людьми и духами, такой ум ответит: «А почему бы, собственно, и нет?» Что есть такое человек, если не дух, помещённый в тюрьму тела? Почему бы свободный дух не смог общаться с духом, пленённым в материи, как свободный человек – с тем, кто закован в цепи? Если вы допускаете сохранение души после смерти тела, то разве разумно не допускать сохранение привязанностей и чувств? Поскольку души находятся всюду, то разве не естественно подумать, что та душа, которая любила нас при жизни, будет находиться рядом с нами и переступив порог смерти, что она пожелает общаться с нами и что для этого она воспользуется средствами, находящимися в её распоряжении? При жизни разве не воздействовала она на материю своего тела? Разве не она управляла его движениями? Почему же тогда после своей смерти, по соглашению с другим духом, связанным с телом, она не может позаимствовать у него это живое тело, чтобы проявить свою мысль подобно тому, как немой пользуется говорящим, для того чтобы дать понять себя?

На минуту отвлечёмся от фактов, которые, для нас, знающих их, делают вещь неоспоримой, и предположим её просто в виде обычной гипотезы. Мы просим скептиков доказать нам, не одним только голым отрицанием, ибо их личное мнение не может образовать закона и быть отражением объективной истины, но весомыми доводами, что *этого не может быть*, что это принципиально невозможно. Мы становимся на их почву, и поскольку они хотят оценить так называемые «спиритические» факты с помощью законов материи, то пусть они, стало быть, найдут в этом арсенале какое-либо математическое, физическое, химическое, механическое, медицинское, физиологическое и вообще биологическое доказательство и докажут через А+В, всё время исходя из принципа существования и выживания души:

- 1) что существо, которое мыслит в нас при жизни, не должно мыслить после смерти;
- 2) что если оно и мыслит, то всё же не должно больше думать о тех, кого оно любило;
- 3) что если оно всё же думает о тех, кого любило, то не должно больше желать общаться с ними;
- 4) что если оно и может быть повсюду, где ему угодно, т.е. обладает даром «вездесущности» (а это одно из свойств развоплощённых духов), то оно всё же не может быть рядом с нами;
- 5) что если оно рядом с нами, то всё же не может общаться с нами хотя бы при помощи каких-либо знаков;
- 6) что своей флюидической оболочкой оно не может воздействовать на неживую материю;
- 7) что если оно и может воздействовать на неживую материю, то всё же не может воздействовать на одушевлённое существо;
- 8) что если оно может воздействовать на одушевлённое существо, то всё же не может водить его рукою, чтобы заставить его писать;
- 9) что, будучи в состоянии заставить его писать, оно всё же не может ответить на его вопросы и передать ему свою мысль.

Когда противники Спиритизма докажут нам, что всего этого не может быть, причём доводы их будут настолько же убедительны, как, к примеру, те, которыми Галилей доказал, что не Солнце вращается вокруг Земли, но именно Земля вокруг Солнца, тогда мы сможем ещё сказать, что сомнения их *обоснованны*. Но всё дело в том, что ни мы сами, ни наши предшественники в прошлых столетиях с такими доводами не встретились. К сожалению, вся аргументация наших противников до сего дня сводилась лишь к одной жалкой и бессильной фразе: «Я в это не верю, стало быть, это невозможно». Они, без сомнения, скажут нам, что это мы должны доказывать реальность спиритических феноменов. На это мы ответим, что мы *в состоянии* доказать им её фактами и рассуждением. Если же они не допускают ни тех, ни другого, если они отрицают даже то, что они видят, то тогда пусть всё-таки *они* докажут, что наше рассуждение ошибочно и что факты невозможны.

П.А. Гелева

Сентябрь 1991 г

ЕСТЬ ЛИ СМЫСЛ ИСКАТЬ СМЫСЛ ЖИЗНИ?

У меня есть власть, богатство, признание... Вроде бы, как говорят, добился в жизни всего: «родил сына, построил дом, посадил дерево». Однако разве только для этого я жил? Неужели в этом и есть смысл жизни?

Многие считают, что смысл жизни, именно, в том, чтобы желать и стремиться к земному благу.

Артур Шопенгауэр считал, что жизнь не имеет смысла. Рене Декарт сомневался в том, что смысл жизни есть. Фёдор Достоевский утверждал, что «тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить».

Лев Толстой всю жизнь искал её смысл. Он признавал христианское вероучение и видел смысл жизни в духовном (нравственном) совершенствовании.

В книге «Братья Карамазовы» Ф.Достоевский подвергает сомнению общий смысл жизни и задаёт вопрос И. Христу «...неужто и впрямь приходил ты только к избранным и для избранных?»

Есть над чем задуматься!

Действительно, идея духовного совершенствования миром не правит, а является свободой выбора. Согласно библейской легенде, после грехопадения (попытки узнать тайну добра и зла) Адам и Ева были лишены знания этой тайны, а будущим поколениям была предоставлена свобода выбора добра и зла на основе собственного понимания.

В дальнейшем оказалось, что для человека подобная свобода выбора – практически непосильная задача. Люди всегда стремились избавиться от этой свободы. Ещё Ф. Достоевский заметил, что «...спокойствие или даже смерть человеку дороже свободного выбора добра или зла».

И. Христос всячески изощрялся, пытаясь донести до людей эту духовную истину: «Много ещё Я мог бы сказать вам, но вы этого не понимаете, потому говорю притчами». Но люди, всё равно, его не понимали. Наконец, он вынужден откровенно сказать своим ученикам: «Не думайте, что Я пришёл принести мир на землю; не мир пришёл Я принести, но меч; ибо Я пришёл разделить человека с отцом его, а дочь с матерью её, и невестку со свекровью её. И враги человеку домашние его».

Не хочет человек нести ответственность за выбор добра и зла Люди пытаются любыми способами избавиться от страданий собственного выбора. Одни – вступают в различные конфессии и секты, другие – уходят от мира, становясь монахами, дают обет послушания, чтобы быть в «стаде», где не нужно самому ничего выбирать.

А что по этому поводу думает автор?

Человек – частица мироздания. А часть не может знать целого. Поэтому о смысле жизни можно только догадываться.

Споры о сущности человека, природа которой нематериальна, продолжаются и по сей день. Современная наука не может ни доказать, ни опровергнуть существование духовного мира. Автор верит в его существование – и не только интуитивно, но и на основании непосредственного диалога с его обитателями.

Известно, что человек состоит из физического тела и души.

Физическое тело – материальный объект, живое вещество.

Душа – нематериальная субстанция (сущность), думающая, чувствующая, переживающая.

Менее известно, что они связаны между собой перисприфом.

Перисприф – полу-материальная («тонкая» материя) оболочка, тело души, перемилька между душой и физическим телом. Она имеет массу и объём.

После смерти человека в физическом теле прекращаются биопроцессы, душа и перисприф покидают физическое тело.

В дальнейшем физическое тело разлагается на простейшие физические элементы: атомы и молекулы, которые возвращаются природе, душа, освободившаяся от связей с физическим телом, переходит в духовный мир и становится *духом*.

Таким образом, душа и дух – это, в сущности, одно и то же, отличие только в том, что душа – это воплощённый дух, имеющий физическую оболочку, а дух – это развоплощённая душа, не имеющая физической оболочки.

Можно говорить о жизни после смерти, как о переходе к другой форме существования – *духовной*. Духовный мир – это континуум (от лат. *continuum* – непрерывная совокупность) духов. Он не занимает объёма (не имеет протяжённости), а находится как бы внутри трёхмерного пространства, являясь его четвёртым измерением – мышлением.

В дальнейшем мы будем употреблять общепринятые выражения: «духовный мир» и «материальный мир», помня при этом, что они не существуют автономно. Мир – един, имеет взаимосвязанные духовную и материальную составляющие.

В духовном мире духи распределены анизотропно в направлении возрастания уровня мышления. Души умерших людей находятся в нём в зависимости от достигнутого ими духовного совершенства при жизни.

Заметим, что корректное описание духовного мира лексикой, предназначенной для описания материального мира, невозможно. В предыдущей фразе слово «направление» – некорректно, так как применимо к пространству, а его для духовного мира нет. Его можно понимать только как *аналогию* (далее аналогии заключены в кавычки).

В духовном мире духи распространяются мгновенно. Со скоростью мысли они могут проникать на любой «уровень» и общаться с любым другим духом. Дух полностью понимает других духов, находящихся на своём «уровне» или ниже. Но может не понимать духов, расположенных на более высоких «уровнях», превышающих его понимание.

Духи могут вступать в контакт с душой живущего человека через перисприт. Этот контакт может быть по инициативе духа (например, во время сна) или по инициативе человека с медиумическими способностями.

Перисприты духов имеют связь как с материальным, так и с духовным миром. Они находятся в пространстве вокруг Земли и распределены по уровням, расположенным на разной высоте, каждый из которых находится между поверхностями двух сфер, концентрических относительно центра Земли.

Это согласуется с известными физическими законами. Перисприт имеет массу, равную нескольким десятитысячным долям массы человека, в среднем, 15-30 граммов: подтверждено клиническими измерениями мгновенно уменьшающейся массы умирающего в момент, когда душа покидает тело. На перисприт души, покидающей физическое тело, действует гравитационная сила притяжения к земле. Чем меньше уровень духовного совершенства, тем больше масса перисприта, тем ниже уровень, на который поднимется перисприт. Для несовершенных душ этот уровень находится в земле. В книге профессора В.М. Запорожца «Контуры мироздания» приводятся сведения о местоположении некоторых духов: на земле, в полукилометре от поверхности и на высоте 100 км, при массе 10 граммов.

(Уточнение к сведениям Запорожца: духи – это мыслящие сущности. Они не имеют местоположения в пространстве. Поэтому, читай – не *духов*, а их *периспритов*).

Перисприты духов распределяются в пространстве вокруг Земли по уровням в соответствии с величиной своей массы. Можно говорить, что пространство периспритов имеет низ и верх: низ – это земля, верх – это небо. Наша аргументация местоположения периспритов духов может служить подтверждением реальности библейских мифов об Аде и Рае.

Идеология православных христиан признаёт жизнь после смерти и видит потусторонний мир как мир душ, состоящий из трёх частей: Ада, находящегося в земле, Рая, находящегося в небе, и области «Мытарств», находящейся в воздухе (читай – *атмосфере*), т.е. между ними.

При рождении один из духов покидает духовный мир и, воплощаясь в человека, становится его душой. В дальнейшем, в течение всей жизни душа автономна. Она самостоятельно принимает решения, определяющие духовную эволюцию человека. Смысл духовной эволюции человека заключается в познании добра и зла и в совершении жизненных поступков, не противоречащих этому познанию.

Кому нужна духовная эволюция?

В духовном мире (области мышления) чувства только понимаются, но не переживаются. Для переживания нужны поступки и заинтересованность. Поэтому для совершенствования

духов существует инкарнация – перевоплощение духа в живущего человека. Она подвергает бывшего духа земным испытаниям, заставляя переживать все проблемы человеческой жизни.

Идея перевоплощения входит в состав буддизма, некоторых других религий, а также встречается у многих философов: Пифагора, Платона, Оригена, Дж. Бруно, Лейбница, Гёте, Д. Юма, Шеллинга, Фурье, Лосского, Бердяева... Шопенгауэр, например, считал, что миф о перевоплощении – самый содержательный, самый значительный, наиболее близкий к философской истине.

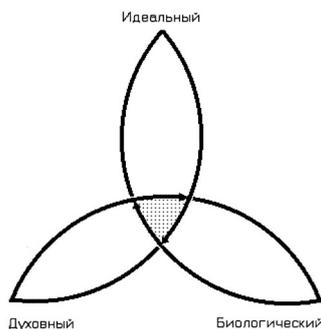
Инкарнация – способ обеспечения совершенствования духов. Отсюда следует, что создание человека, как объекта природы, – не самоцель, а промежуточный результат. Духовная эволюция человека нужна, прежде всего, самим духам.

После смерти, если произошло совершенствование души, материальность и масса её перисприта уменьшится. Развоплощённая душа поднимется на более «высокий уровень» духовного мира и приблизится к Абсолюту (от лат. *absolutus* – безусловный, неограниченный), уровню Мирового Разума.

С точки зрения Мирового Разума в этом и есть смысл жизни человека.

Духовная эволюция человека сложна и поэтому не может завершиться в течение одной земной жизни. Циклы рождения и смерти повторяются многократно. Они прекращаются только по достижении духовного совершенства. При этом перисприт из полу-материального становится чисто духовным, а его масса – равной нулю. Дух приобретает новое качество и «перемещается» в «высший» мир – мир Мирового Разума. Назовём эту форму существования – человеком идеальным.

Итак, земной человек троичен. Он может содержать биологическую, духовную и идеальную составляющие. Наличие и доля этих составляющих зависит от его духовного совершенства.

На рисунке показан символ троичности человека. Интерпретация символа – путь к истине, зависящий от духовного развития читателя. Автор предоставляет ему эту возможность.

Человек биологический духовно не развит, подобен животному. Его энергия образуется из энергии связей атомов и молекул, высвобождаемой механизмом биоклеток при расщеплении пищи. Смысл жизни определяется инстинктами самосохранения и продолжения рода.

Человек духовный имеет развитой интеллект и психику. Источником его духовной энергии являются чувства. Эмоции – энергия этого источника. При положительных эмоциях духовная энергия увеличивается, при отрицательных – уменьшается. Смысл жизни – достижение духовного совершенства.

Человек идеальный – высшая форма жизни. Неподвержен перевоплощению. Находится в состоянии духовного совершенства, для которого характерно отсутствие борьбы противоположностей (и самих противоположностей), достижение полного спокойствия (отсутствие эмоций). Смысл жизни – участие в созидательном творчестве Мирового Разума путём генерирования идей, в совершенствовании и управлении жизнью менее совершенных духов.

Послесловие

Обыватель, прочитав эту статью, подумает, что всё описанное – чепуха, умозрительные фантазии ненормального человека: никакого духовного мира нет, оттуда ещё никто не приходил.

Уважаемый читатель, у тебя есть возможность на собственном опыте убедиться в истине. Каждый может вступить в диалог с духами. Долгое время считалось, что связь с духами возможна только для медиума – человека, обладающего внематериальным восприятием. Прежде к ним относили только посвящённых: жрецов, магов, колдунов... Позже эта способность была обнаружена среди людей обыкновенных, не обладающих большой медиумичностью. Для обеспечения диалога с духами они объединялись в группы, в среднем, по 3, 4, 5 участников. В широких массах сеансы носили, в основном, развлекательный, салонный характер

К середине XIX века идеология связи с душами умерших людей получила название *спиритизм* (от лат. *spiritus* – душа, дух). Возникли общественные организации приверженцев спиритизма, например, «Парижское общество спиритических исследований», «Общество психических исследований» в Великобритании (О.П.И.), «Американское общество психических исследований». (А.О.П.И.). Стали издаваться спиритические журналы и книги.

Спиритизм начали исследовать учёные, в том числе учёные с мировой известностью, например:

Вильям Крукс (1832-1919 гг.) – английский физик, член, а затем президент Королевского общества (аналог нашей Академии наук);

Пьер Кюри (1859-1906 гг.) – французский физик, Нобелевский лауреат;

Мария Кюри-Складовская (1867-1934 гг.) – французский химик, Нобелевский лауреат;

Шарль Рише (1850-1935 гг.) – французский физиолог и иммунолог, президент Парижской Академии наук;

Дж. Скиапарелли (1835-1910 гг.) – итальянский астроном, почётный член Петербургской Академии наук;

Э. Сведенборг (1688-1772 гг.) – шведский математик, астроном, почётный член Петербургской Академии наук;

А.М. Бутлеров (1828-1886 гг.) – русский химик, академик Петербургской Академии наук;

Н.П. Вагнер (1829-1907 гг.) – русский зоолог, член-корреспондент Петербургской Академии наук;

В.М. Запорожец (1907 г.р.) – советский физик, профессор;

и многие другие, которые посвятили исследованию спиритизма долгие годы своей жизни; например, Вильям Крукс – 50 лет.

Они оказались честными учёными и порядочными людьми, которые не испугались «запятнать» свою высокую научную репутацию признанием спиритизма, официально считающимся суеверием и обманом. Все они вначале своих исследований были скептиками, а потом – убеждёнными сторонниками спиритизма. Результаты их исследований могут отличаться в деталях, но в главном они едины – духовный мир существует, жизнь продолжается после смерти в другой форме.

Вместо заключения

О духовном совершенстве людей, как правило, судят по их поступкам, определяя его двумя оценками: хороший, плохой человек. Объективная оценка собственного духовного уровня практически невозможна. Интеллект по своей природе субъективен. Он несамостоятелен, подчинён личности и часто находит оправдание её неблагоприятным поступкам. Тем не менее, можно попытаться оценить собственный духовный уровень с помощью небольшого теста-опросника (созданного по материалам суфийских и библейских притч), приводимого ниже:

Не размышляй о существовании – будь в нём.

Умри духовно до того, как умрёшь физически – только тогда ты можешь устремиться к истине.

Не отождествляй знания и истину. Истина – это то, что помогает тебе продвинуться на пути духовного развития.

Истина у того, кто её открыл (пережил), у другого – знание.

Не суди – в мире всё относительно.

Не ходи на костылях – отбрось привычки, традиции, шаблоны и догмы.

Цени врагов и недругов своих – от них ты узнаешь себя.

Отбрось все претензии и надежды, прошедшее и будущее – будь полностью в наличествующем мгновении.

Даётся – когда не просишь.

Чтобы ни случилось, не ищи внешних причин – ад и рай ты носишь в себе.

Не смотри в зеркала ни в дружеские, ни во враждебные – смотри в своё сердце.

Не отождествляйся с событиями, отделяйся от них – всё пройдёт.

Если притчи не воспринимаются и их смысл непонятен – Вы не на пути духовного совершенства.

Если притчи понятны и воспринимаются, как желательные правила жизни – Вы на пути к человеку духовному.

Если притчи воспринимаются, как обязательные правила жизни (Ваша жизнь полностью соответствует им, и Вы не можете поступать иначе), значит, Вы – человек духовный, на пути к человеку идеальному.

Б.Н. Крупицын

Май 2006 г.

Карл Дюпрель

Из книги «ОТКРЫТИЕ ДУШИ ПОТАЙНЫМИ НАУКАМИ»

„Mich läßt der Gedanke an den Tod in völliger Ruhe; denn ich habe die feste Überzeugung, daß unser Geist ein Wesen ist, ganz unzerstörbarer Natur, es ist ein Fortwirkendes, von Ewigkeit zu Ewigkeit, es ist der Sonne ähnlich, die bloß unsern irdischen Augen unterzugehen scheint, die aber eigentlich nie untergeht, sondern unaufhörlich leuchtet.“

*J.W.Goethe**

* «Мысль о смерти оставляет меня совершенно равнодушным, ибо я твёрдо убеждён в том, что дух наш есть существо совершенно неразрушимой природы, продолжающее деятельность свою из вечности в вечность, оно подобно солнцу, которое нашим земным глазам кажется зашедшим, но которое в действительности никогда не заходит, но светит всегда». И.В.Гёте. (нем.)

I

Доказательства, взятые из трансцендентальной психологии, имеют тот недостаток, что они не могут быть общепризнаны, поскольку феномены этого рода не принадлежат к числу повседневных фактов; люди же в большинстве своём желают верить лишь тому, обо что они повседневно стучаются носом. Большинство людей могут попасть в область истины лишь путём зрения, а не путём мышления, и эта необходимость является главнейшею причиною сомнения.

II

Орган и функция органа не могут быть отделены, ни помыслены друг от друга раздельно. Воля, направляющая мою руку для того, чтобы она взяла какой-то предмет, есть та же воля, которая организовала и саму эту руку для того, чтобы она брала. Сила, благодаря которой мозг художника создаёт представления, есть та же самая сила, которая организовала и сам этот мозг, которая, стало быть, самоё должна быть наделённой способностью представления, ибо слепое начало не могло бы само собою сделаться зрячим. Это было бы весьма похоже на барона Мюнхгаузена, который самого себя за вихор вытаскивает из болота – символ, могущий служить гербом и эмблемой всем материалистам.*

* Из всех суеверий самое нелепое – материалистическое; оно совершенно бездуховно, или должно быть им в слабость самой своей главенствующей идеи первенства материи над духом, и пытается найти причину движения в порождаемых им свойствах. (И.Р.)

III

Нам представляется, будто все виды психической деятельности связаны с физическим организмом, и скептик-матерьялист целую вечность будет говорить, что причиною их является организм, его функции, и что тем самым со смертью тела психическая жизнь также должна прекратиться. Поэтому-то весомые, неопровержимые, ясные доказательства существования души могут быть выведены лишь из тех явлений, кои телу не принадлежат, от него не зависят, для которых, более того, тело является препятствием, т.е. из мистических феноменов. Из этих последних без труда выводится существенность души; и поэтому-то

матерьялисты, с логическим чутьём, отрицают всякую мистику. Они чувствуют, что если б даже был установлен *хотя бы один* факт видения на расстоянии, то вся система их оказалась бы опрокинутой. Поэтому им ничего иного не остаётся, как отвергать всю мистику скопом.

IV

Всё же нельзя отрицать того, что акции учения о душе в настоящее время стоят очень низко. Сегодняшнее человечество мыслит в большинстве своём материалистически, не спиритуалистически, что, если процесс этот не приостановится, необходимо должно будет пагубным образом переиначить весь уклад нашей жизни, ибо история всей культуры получает определяющую её окраску всегда чрез находящиеся в обращении идеи. Когда недавно я разговаривал с одним из наших социал-демократов, то он признался мне, что ни одна другая книга так не распространена среди рабочих и не пользуется у них таким уважением как Бюхнерова «Энергия и материя». Рабочие, стало быть, определённо избрали своим евангелием глупейшую книгу нашего столетия. Впрочем, рабочие ведут себя вполне последовательно. Ведь если душа действительно существует, то благо души должно быть основоопределяющим для нашего образа жизни; если же никакой души нет, то рабочий класс, как и всякий иной, должен всецело сосредоточиться на матерьяльной жизни и имеет право стремиться к тому, чтобы сделать её себе настолько приятной, насколько оно возможно. «Живём лишь раз» – говорят рабочие, и "Nos habebit humus" («Всех покроет нас земля») – поют студенты.

V

Вот и пришло время позаботиться о том, чтобы древо скептицизма не выросло до небес. Оптический обман, во власти которого мы ныне находимся, делает понятным тот факт, что в наших учебниках по психологии чудесное принципиально обойдено. Душу вычеркнули из них – и вся психология превратилась в физиологию. Круг исследований при этом произвольно сузился до малости, и поскольку работа всё же должна была продолжаться, то мы пришли теперь к тому, что в науке всё более распространяется тенденция к какому-то микроскопированию, когда все исследования теряются в ничтожных мелочах, тогда как самые важные проблемы, от разрешенья коих зависят само благо и спасенье человечества, остаются неразрешёнными. Так скоро дело может дойти до того,* что мы будем размышлять более над академическими вопросами на соискание учёных степеней – как-то: «катары желудка у инфузорий и туфелек» или «переломы ног у глетчеровых блох» – нежели над глубокими загадками нашей собственной души.

* Уже давным-давно дошло, и кислыми плодами этого мы давно кормимся. (И.П.)

Но если справедливо сказано, что при оценке людей голоса́ следует не подсчитывать, а взвешивать, то это также должно быть признано справедливым и в отношении психологических фактов. Не те суть самые важные, что навязываются своей частотой, но те, из каковых можно заключить о бессмертной сути человека, как бы ни были они редки. Единственный научно установленный факт видения на расстоянии несравненно важнее, чем всё известное физиологической психологии вместе взятое.

Между тем в отношении видения на расстоянии есть такое явление, для которого столь обычная в прочих случаях редкость не характерна, это – «второе зрение» (*das zweite Gesicht*). Оно не ограничено не только пространственно (хотя чаще всего эта способность наблюдается среди жителей Шотландии и Вестфалии), но не ограничено и временно, поскольку встречается оно довольно часто. Второе зрение, по-английски – *second sight*, по-галльски – *Darasiule* или *Taischitaraugh*, по-ирландски – *taisch*, наблюдалось столь часто, что произвольное игнорирование его со стороны психологов воспринимается просто как

нарушение долга. То, что они не знают, что им делать с ним в своей системе, не уполномочивает их к исключению самого факта его существования, но скорее доказывает только, что система их ни на что не годится, и обязывает их перестраивать её до тех пор, пока для таких фактов место в ней не отыщется. Так что априоризм, которым во времена Гегеля естествоиспытатели попрекали философов, заполонил теперь всё у них самих. Различие состоит лишь в том, что у Гегеля, с его «самодвижением понятия», всё сведшим к полёту Икара, априоризм лежал в утверждениях, тогда как у наших естествоиспытателей он лежит в отрицаниях. И прежде всего касается это наших психологов. Index librorum prohibitorum,* составляемый ими и в который они включают все книги по оккультизму, значительно длиннее того списка запретных книг, какой был издан католической церковью за всю историю её существования.

* «Список запрещённых книг» (*лат.*). В данном контексте термин употреблён иронически, так как ставит знак равенства между клерикализмом и официальной наукой. (*И.Р.*)

Разумеется, и второе зрение не так повседневно как зрение обычное, но всё же оно наблюдается достаточно часто, чтобы выглядели смешно попытки всех, кто полагает, будто в природе перестало существовать то, что они не включили в свои учебники. С таким же правом из истории литературы можно было бы исключить гениев под предлогом того, что они редки, из геологии – вулканы, потому что большинство гор не извергает пламени, или же ограничить минералогию гранитными бульжниками потому только, что драгоценные камни попадают редко. К этому прибавляется ещё и то, что наши психологи со своим физиологическим ключом показывают себя всё менее способными объяснить людям, что же происходит на самом деле, и сами частично сознаются в этом. Ведь когда какой-то определённый ключ не подходит к данному замку, всегда вполне разумно попытаться подобрать другой. Однако наши горе-учёные, вместо того чтобы воспользоваться тем, что предлагает им трансцендентальная психология, всё продолжают навязывать физиологическое объяснение феномену человека, что равнозначно упрямому желанию продолжать работу, уже давно ставшую никому не нужной.

VI

Во времена скепсиса слывёшь просвещённым, если отрицаешь чудесное, и суеверным, если его признаёшь. В такие времена людское тщеславие добивается того, чтобы чудесное находило себе лишь тех свидетелей, которые держат его под спудом, из-за того что у них не хватает мужества сделаться предметом насмешек в глазах той общественной глупости, каковая эвфемистически называет себя «общественным мнением». Но вот скептикам уже и самая редкость чудесных явлений начинает казаться подозрительною, даже ими самими искусственно созданная, лишь оптически наличествующая редкость. Сначала они понуждают чудесное спрятаться, а после заявляют, что ничего не видно и смотреть, собственно, не на что.

VII

Близятся сроки, когда школьная премудрость вынуждена будет сложить оружие. Уже повсюду в Европе возникают общества, ставящие своей задачей изучение оккультизма, хотя и не все они доросли ещё до уровня своей задачи: некоторые опасным образом склоняются к суеверной форме спиритизма,* другие же, напротив, как например «Общество Психических Исследований», замыкаются на одном гипнотизме, что означает перепутать дверь в комнату с самим зданием,** и впридачу к тому обосновывают свои исследования медицински, т.е. протаскивают в эту область замаскированный матерьялизм. И всё же, чрез входную дверь гипнотизма, школьная премудрость вступила в тёмное для неё царство, и не в её теперь власти

заставить молчать природу; в итоге она вынуждена будет признать, что гипнотизм не есть дорога в никуда, но что он ведёт чрез сомнамбулизм к спиритизму. В этом направлении уже есть весьма многозначительные высказывания профессоров Льебо, Ломброзо, Рише и других, коих пока что можно приветствовать как первопроходцев. При этом более тяжёлые на подъём исследователи, преисполненные сомнений, подчёркивают слово «наука» – в том ладу как они её понимают – и полагают, будто их медлительное топтанье на месте следует ещё и похвалить, так как человеку науки, говорят они, подобает сомневаться, поскольку сомненье есть начало мудрости. То, что оно так, неоспоримо; но, конечно же, только в том случае, когда от сомненья идут дальше – к исследованию и мышлению. Целую же вечность коснеть в сомнении – это и дурак может, и когда вместо того, чтоб преодолеть сомнение, его возводят в степень самоцели науки, то это уже никак не начало мудрости, но вершина дурости.

* Под «суеверной формой спиритизма» автор разумеет всевозможные формы «спиритического» гадания и предсказания будущего на картах, блюдах и иных предметах, всякого рода праздные разговоры с «духами», происходящие в великосветских салонах и гостиных без всякой нравственной пользы и поучения для кого-либо, а также стремление некоторых неразвитых умов вступить в общение с так наз. «тёмной силой» и заняться «чёрной магией» – вещи, вызывающие у спирита, философа и учёного лишь правомерную брезгливость. Негоже серьёзному мужу потакать вкусам, нуждам и страстям невежественной и нечистой толпы. (И.Р.)

** Полковник Альбер Дероша, крупнейший исследователь тайн человеческой психики, в своё время писал: «Гипнотизм, единственное до сих пор официально изученное явление, всего лишь приходящая просторного и чудесного здания, в значительной мере уже обследованного древними гипнотизёрами». (И.Р.)

VIII

Когда поверхностное определение человека в так называемой «точной психологии» наших дней будет выброшено на свалку, когда из трансцендентальной психологии будет выведено новое определение, тогда оно вновь будет звучать так, как звучит оно, насколько я знаю, у Прокла: «Человек есть душа, пользующаяся телом как орудием.» ("Homo est anima utens corpore tanquam instrumento").

1894 г.

(перевод с немецкого Павла Гелевы)

А. Г. Рубинштейн

МЫСЛИ О РЕЛИГИИ И СПИРИТИЗМЕ

(из книги «КОРОБ МЫСЛЕЙ»)

I

Усилившееся в настоящее время занятие спиритизмом указывает на увеличивающееся стремление к открытию того, что над нами, до и после нас, так что даже намёк на всё это является желанным. О люди! Несчастные существа! Вечные вопрошатели, которые никогда не дождутся ответа!

II

Отчего же за неисчислимые тысячелетия ни один умерший вновь не объявился на земле с того света – будь то с неба или ада, – чтобы нам, убогим, поведать хотя бы самую малость о загробном мире в утешение или предостережение? Ведь это было бы наиболее лёгким способом сделать нас лучшими, чем теперь.

III

Я убеждён, что магнетизм, после того, как он будет изучен во всех своих проявлениях и действиях строго научным образом, сделает нам доступным большую часть того, что до сих пор казалось нам необъяснимым и загадочным.

IV

Я мог бы объяснить себе бессмертие души только в том случае, если бы душа, покидая тело и оставляя на земле самые дорогие для неё существа, вступила с ними с того света в какие-либо сношения. Но допустить оставление душой земли с тем, чтобы существовать в других мирах и служить совсем чуждым интересам, не имеющим ничего общего с оставленными ею на земле, – этого я не могу допустить.

V

Кто хорошо знает Восток, тот поймёт «Библию» («Ветхий Завет») совсем иначе, чем незнающий его. Ибо способ выражения восточных людей совершенно отличен от европейского.

VI

Религиозную войну между христианами и язычниками, магометанами или евреями я мог бы, пожалуй, ещё как-то себе объяснить. Но религиозная война христиан против христиан для меня совершенно непонятна.

VII

Разница между юлианским и григорианским календарями является чем-то крайне комичным. Если подумать, что между людьми одного и того же вероисповедания одни празднуют рождение Христа, а другие о том ещё и не думают, одни празднуют Воскресение, между тем как другие ещё не добрались до распятия Его, одни приветствуют Новый год, а другие ещё не кончили старого – одним словом, если подумать, что одни смеются, а другие по той же самой причине плачут (причём и те и другие вполне убеждены, что имеют правильное летоисчисление), то мне хотелось бы думать, что и те и другие ...

VIII

«Jeder soll nach seiner Weise selig werden», т.е. каждый должен на свой лад достичь блаженства и святости – мудрое изречение. Ведь в каждом человеке живёт чувство, что над ним имеется нечто или некто ему невидимое и необъяснимое, но могущественное и окончательное, к чему он может обратиться в беде и печали, в радости и благодарности. Почитает ли он это в камне или животном, в естественном или сверхъестественном существе, в Иегове, Христе, Аллахе, Магомете, Будде, Ормузде, Аримане, Брахме или Вишну – безразлично. Лишь бы он при этом признавал мораль, которая его улучшает, направляет к добру. Следовательно, руководить им должна не религия, а мораль. Я могу понять проповедников и миссионеров только как учителей морали, но не как учителей религии. Я вообще не понимаю, почему все люди должны быть христианами, или евреями, или магометанами, а меньше всего – почему католиками, православными или протестантами! Насколько спокойнее и счастливее были бы люди, если б их наставляли так, чтобы они думали и поступали только в духе блага и пользы, в духе справедливости и любви к ближнему, и предоставляли им право верить и молиться, кому и чему им угодно, следовательно – не навязывали им религию. Пока этот принцип не будет признан, подлинный прогресс человечества будет оставаться под большим вопросом.

80-е гг. XIX века

ТАЙНЫ СПИРИТИЗМА

Согласно «Советскому энциклопедическому словарю» изд. 1988 г., спиритизм (от лат. *spiritus* – душа, дух) – мистическое течение, связанное с верой в загробное существование душ умерших, характеризующееся особой практикой «общения» с ними.

Спиритизм известен давно, около 10 тыс. лет до н.э.

Так, Верховный жрец Египта носил на шее украшение – два драгоценных камня (символы «да», «нет»), которое имело название «Истина». В древнем Египте было принято вопрошать волю Бога перед принятием важнейших государственных решений. Например, начинать или не начинать войну. Подробности этого вопрошания автору не известны.

Известны некоторые подробности подобной процедуры из «Библии». Первосвященник Израиля имел возможность узнавать волю, якобы, Бога, задавая ему вопросы и получая на них ответы. Для обеспечения этого был изготовлен *эфод* – ритуальная верхняя одежда первосвященника. Она включала в себя, в том числе, *наперник* («Ветхий Завет», Исх.28:15), имеющий размеры 14,5 x 14,5 см и содержащий 12 драгоценных камней с именами колен Израилевых. В наперник вставлялись Урим и Туммим (там же, Исх.28:30). Из текста «Библии» следует, что тайна общения с Богом заключена в *уриме* и *туммиме*. Именно они предоставляли первосвященнику возможность в очень важных случаях узнавать волю Божию. Но о них-то как раз ничего и не говорится ни в книгах Моисеевых, ни в «Новом Завете», хотя эфод, наперник и драгоценные камни там подробно описаны.

С тех пор поломано немало копий в попытках узнать секрет первосвященника, но тайна урима и туммима официально так и осталась нераскрытой до сих пор. Это подтверждает «Библейская энциклопедия» (изд. Москва, репринт 1891 г., книга 2. стр. 224).

Наша интерпретация. Ритуал подготовки к общению с Богом (Духом) тщательно продуман с целью вызвать глубокое сосредоточение первосвященника, которое позволит ему войти в состояние самовнушения (самогипноза). Для этого служит облачение его в специальные одежды: эфод и наперник, и ношение около сердца священных предметов, и проведение общения в Скинии, месте пребывания Божества.

Сама процедура весьма напоминает технологию проведения спиритических сеансов. Напомним некоторые из них, основанные только на двух ответах: «да» или «нет»

1. Использование блюдечка (перевернутого вверх дном). На блюдечко накладывается ладонь. После вопроса блюдечко перемещается к символу «да» или «нет».

2. Использование маятника (золотого колечка на нити длиной около 20 см, зажатой между большим и указательным пальцами). При ответе на вопрос нить и колечко начинают колебаться, по вертикали – «да», или по горизонтали – «нет».

3. Использование рамки (Г-образный металлический прут диаметром 2-3 мм, размером 10-25 см). При ответе рамка отклоняется вправо – «да» или влево – «нет».

4. Использование внематериальных ощущений. На символы «да», «нет» накладываются ладони рук. При ответе на вопрос в них возникают специфические ощущения (тепла, холода, покалывания). Ответ соответствует символу, накрытому ладонью, в которой возникло ощущение.

Согласно тексту «Библии», ответы Бога сводились к утверждению или отрицанию вопроса. Для их регистрации достаточно диады – Урима и Туммима. Один из них должен символизировать «да», другой – «нет». Ответом могут быть специфические ощущения в ладонях рук первосвященника, наложенных на Урим и Туммим.

Процедура общения первосвященника могла выглядеть так:

- вхождение в помещение Скинии, где находился Ковчег Завета;
- внушение себе своей исключительности, подкреплённое надеванием священных одежд и драгоценных камней с именами колен Израилевых;
- наложение ладоней рук на Урим и Туммим;
- мысленное сосредоточение,
- задавание вопроса;
- получение специфического ощущения в одной из ладоней рук.

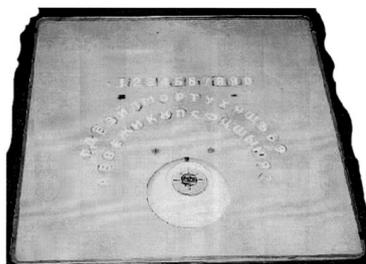
Таким образом, эта процедура полностью соответствует технологии спиритического сеанса 4-го типа при условии, что Урим и Туммим символизируют волю Бога – «да», «нет», а первосвященник обладает способностями медиума.

В настоящее время проведение спиритических сеансов наблюдается в различных слоях населения от обывателей до учёных с мировым уровнем. Общепринято считать, что спиритические сеансы могут осуществляться только медиумами, т.е. людьми, обладающими внематериальным восприятием.

Какие выводы можно сделать исходя из опыта проведения спиритических сеансов?

1. Общение с духами могут проводить не только медиумы, но и обыкновенные люди, не обладающие медиумическими способностями. Автор в течение 3 лет участвовал в групповых спиритических сеансах, всего более 1000 раз.

Никто из участников медиумическими способностями не обладал. Никто из них в одиночку вызвать духа не мог. Сеансы проводились с использованием алфавитного планшета и блюдца, на которое накладывались ладони (пальцы) рук участников, см. рисунок:

Оптимальный состав участников группового спиритического сеанса – 4 человека. Из них, трое накладывают руки на блюдце, один записывает ответы духа. Мы начинали освоение спиритических сеансов с «нуля»: никто из нас до этого не был знаком со спиритизмом, у нас не было консультанта, мы не занимались изменением своего сознания (психики), всё было натурально, естественно, как в обычной жизни.

2. Разговор с духом – это феномен, вполне объяснённый самими духами (вернее, *Высшими Духами*, как их называет Аллан Кардек, потому что не всем духам следует верить) и исследовавшими его учёными. Правда, *потом все объяснения были успешно забыты, и по сей день поиск объяснений начинается с нуля*. В особенности к объяснениям самих медиумов следует относиться с осторожностью.

Вольф Мессинг, знаменитый экстрасенс, не знал, а очень хотел знать, как это всё у него получается. В старости он не хотел умирать, не узнав тайны своего феномена, и предложил Советскому правительству все свои накопления на организацию лаборатории учёных для изучения своих способностей.

3. Объяснение, даваемое спиритами. Медиум – это человек, способный «притягивать» перисприт к своему физическому телу во время вызова духа. (Напомним, что *перисприт* – это полуматериальная оболочка духа). Благодаря этой оболочке дух может «войти» в физическое тело человека, т.е. соединиться с его сознанием, органами чувств и управления. Ему становится понятен уровень духовного совершенства человека-медиума.

Во время спиритического сеанса дух видит нашими глазами и слышит нашими ушами. Он понимает вопросы, заданные голосом, написанные на бумаге, заданные мысленно. Он видит буквы и символы планшета и управляет движением наших рук, лежащих на блюдце.

Обратим внимание на то, что передача букв происходит без участия нашего сознания. Попытка одного из участников внести сознательную помеху передаче символа осталась безуспешной.

4. Проблема организации спиритического сеанса заключается не только в вызове духа, но и в том, что не каждого духа можно вызвать. Духи отличаются друг от друга уровнем духовного совершенства. По этому признаку их принято классифицировать на низших и высших. Вызвать можно только духа, уровень духовного совершенства которого соответствует духовному уровню вызывающего его человека, но не превосходит его.

Как правило, в спиритических сеансах салонного (обывательского) типа участвуют низшие духи, которые не избавились полностью от человеческих недостатков. От них можно ожидать некорректных ответов, в том числе обмана, лжи и брани.

5. Как объяснить возможность вызова духа в групповом сеансе, если каждый из участников не обладает медиумическими способностями?

«Притягивание» перисприта духа требует затрат энергии. (Перисприт имеет массу 10-30 граммов и может находиться на расстоянии 100 км и более от вызывающего его человека). Заметим, что затраты на проведение спиритического сеанса происходят не за счёт энергии духа, а за счёт энергии человека, его вызывающего.

У одного человека может быть недостаточно энергии для «притягивания» перисприта духа. А если участники сеанса подобраны как духовно совместимые люди и имеют единое желание, то их энергия суммируется, обеспечивая вызов духа.

6. Ответы духов не абсолютны, а составлены с учётом уровня духовного развития человека, задающего вопрос.

Если Ваши вопросы интересны духу, то может измениться направление связи: дух задаёт вопросы, Вы отвечаете. Заинтересованность духа может проявиться в индивидуальных посланиях. Послание всегда предназначено конкретному участнику. Из участников наших сеансов: поэт получал стихи, литератор – художественные повести; я, кандидат наук – философские и научно-технические сочинения, например, о смысле материи и времени, о наименьшем элементе материи (вихревом кольце); о том, как энергия преобразуется в материю и прочее. Мы никогда не получали ответов на вопросы о болезнях и их лечении.

Дело в том, что, составляя ответ, дух исходит из тезауруса (от греч. *thesaures* – сокровище) того, кто задал ему вопрос, т.е. запаса освоенных им слов и понятий. Поэтому у нас: стихи – получал поэт, науку – учёный, а медицину – никто, так как среди участников не было её знатоков.

Духи приветствуют наш интерес к знанию, вообще, и познанию человека, в частности. Они чувствительны к соблюдению нравственности. Но не все, низшие духи могут быть некорректны и грубы.

Духов нельзя обмануть. Наши скрытые намерения для них прозрачны. Мы пытались устроить сеансы проверки духа. В результате дух расшифровывает наши скрытые намерения и «уходит» или, издеваясь над нами, «морочит» нам голову всякими выдумками.

Заключение

«Казённой», «среднестатистической» наукой спиритизм не признаётся; церковь не отрицается, но считается искушением дьявола; общество относится к спиритизму с недоверием. И это, несмотря на то, что спиритизм известен много тысяч лет и его реальность подтверждена многочисленными официально зарегистрированными фактами.

Почему?

«Вера» в спиритизм очень сложна. Она не может быть верой от незнания, как религиозная вера, основанная на непознаваемых догматах. Необходимо знание, но не просто знание, а – истина. А истине нельзя научить, её нужно открыть самому, пережить!

Поэтому вера в спиритизм была, есть и будет сугубо индивидуальна.

Б.Н. Крутицын

Июнь 2006 г.

ИСТОРИЯ НОВЕЙШЕГО СПИРИТИЗМА

Около 1850 года в Соединённых Штатах Америки внимание многих было обращено на различные странные явления, состоящие в шуме, стуке и движении разных предметов без известной причины. Эти явления повторялись часто, самопроизвольно, с необыкновенною силою и постоянством; но заметили также, что они производились в особенности под влиянием особенных личностей, которых назвали «медиумами» и которые могли некоторым образом вызывать эти явления по своему желанию, что дало повод повторять опыты. Особенно употребляли для этого столы, не потому чтобы эта вещь способствовала более другой таковым опытам, но единственно по той причине, что она подвижная, более удобная и что легче и натуральнее сесть кругом стола, нежели кругом какой-нибудь другой мебели. Таким образом достигли кругообращения стола, потом движения его во все стороны, боковых скачков, опрокидывания, поднимания, сильных ударов и т.д. Вначале это явление было названо «кружащимися» или «пляшущими столами».

До того времени это явление могло объясняться действием электрического или магнетического или особенного неизвестного тока; таково и было первое мнение. Но вскоре заметили в этом явлении действие разумной силы. Движения повиновались воле человека, стол направлялся направо или налево к указываемому месту или лицу, поднимался на одной или на двух ножках, ударял определённое число ударов, бил такт и т.д. С тех пор стало очевидно, что причина не была чисто физическая, и, ссылаясь на аксиому, что «если всякое действие имеет причину, то всякое разумное действие должно иметь разумную же причину», заключили, что причина этого явления должна быть разумная.

Какого рода была эта разумная причина? Вот в чём состоял вопрос. Первая мысль была та, что это могло быть отражением разумной силы медиума или присутствующих, но опыт вскоре доказал невозможность такого предположения, потому что получили результаты совершенно чуждые мыслям и сведениям присутствующих лиц и даже противоречащие их понятиям, их воле и желаниям; следовательно, они могли принадлежать только незримому существу. Средство удостовериться в этом было очень простое: надлежало вступить в разговор с этим существом, что и сделали посредством некоторого числа условных ударов, значащих «да» и «нет» или означающих буквы азбуки, и таким образом получили ответы на различные заданные вопросы. Эти явления были названы «говорящими столами». Все существа, сообщившиеся таким образом и спрошенные об их естестве, объявили, что они духи и принадлежат к незримому миру. Так как подобные действия совершались во многих местностях через посредство различных лиц и обратили на себя внимание людей весьма серьёзных и просвещённых, то и невозможно допустить, чтоб это было всего лишь игрой воображения.

Из Америки это явление перешло во Францию и в другие страны Европы, где в продолжение нескольких лет кружащиеся и говорящие столы были в моде и сделались забавою гостиных; затем они надоели и их оставили, чтобы заняться другими развлечениями.

В непродолжительном времени явление представилось в другом виде, что и вывело его из области простого любопытства. Пределы этого краткого описания не позволяют нам следить за ним во всех его фазах; мы прямо переходим к тому, что оно представляет более отличительного и что в особенности обратило внимание серьёзных людей.

Предварительно скажем мимоходом, что действительность явления встретила многих противников; одни, не обращая внимания на бескорыстие и достоинство испытателей, видели в нём только фиглярство. Люди, не признающие ничего вне материи, верующие только в видимый мир, думающие, что всё умирает вместе с телом, одним словом, матерьялисты, выдающие себя за «вольномудцев», поставили существование невидимых духов в ряд нелепых басней; они назвали сумасшедшими принимающих это дело серьёзно и осыпали их язвительными насмешками. Другие, не будучи в состоянии опровергнуть факты и находясь под влиянием особенного рода понятий, приписывали эти явления исключительному влиянию дьявола, чем и старались испугать боязливых. Но в настоящее время дьявола никто не боится; о нём говорят так много и в таких различных видах его представляли, что освоились с этою мыслию и многие захотели воспользоваться случаем видеть, каков он есть на самом деле.

Следствием было, что, исключая немногих боязливых женщин, объявление о появлении настоящего дьявола имело что-то увлекательное для всех тех, которые его видели прежде только на картинках или на театральной сцене; для многих оно было сильным возбуждением, так что желающие этим средством заградить путь новым идеям поступили против своей цели и сделались помимо своей воли пропагандистами тем действительнейшими, чем сильнее против них восставали. Другие критики не более имели успеха, потому что против доказанных фактов и точных рассуждений они не могли противопоставить ничего более, как только одно отрицание. Читайте их издания об этом предмете – везде вы найдёте доказательство их незнания и несерьёзного исследования дела и нигде не встретите решительного доказательства его невозможности. Вот их доводы: «Я не верю, и, следовательно, это не существует; все верующие сумасшедшие; мы одни имеем привилегию разума и здравого смысла». Невозможно исчислить адептов, приобретённых серьёзною или шутовскою критикою, потому что везде находят одно только личное мнение, без доказательств противного. Будем продолжать наше изложение.

Сообщения посредством ударений были медленные и неполные; узнали, что подвижные вещи, как, например, корзинка, дощечка, к которым приделывали карандаш и на которые клали пальцы, двигались и чертили буквы. Впоследствии увидели, что эти вещи были только такие принадлежности, без которых можно было обойтись; опыт доказал, что дух, действуя на бездушный предмет и управляя им по своей воле, мог равно действовать на руку и водить карандаш. Тогда оказались пишущие медиумы, то есть лица, которые писали невольно, под влиянием духов, и делались таким образом их орудиями и переводчиками. С тех пор сообщениям не было более пределов и обмен мыслей мог совершаться с такою же быстротою и развитием, как между живыми людьми. Явилось обширное поле для исследования, открытие нового мира – мира невидимых, незримых существ, подобно тому как посредством микроскопа открыли мир существ бесконечно малых.

Что такое эти духи? Какую роль играют они во Вселенной? С какою целью сообщаются смертным? Таковы были первые вопросы, которые надлежало разрешить. Вскоре узнали от этих же духов, что они не отдельные существа Творения, но собственные души живших на Земле или в других мирах; что эти души, оставив свою телесную оболочку, витают в пространстве. Невозможно было более сомневаться, когда между ними узнали своих родственников и друзей, с которыми могли разговаривать; когда они сами привели доказательства своего существования, указали, что умерло в них только тело, что жива их душа, или дух, что они здесь, возле нас, видят нас и наблюдают за нами во время своей жизни, окружая попечениями тех, которых любили и воспоминание которых доставляет им сладчайшее утешение.

Вообще имеют совершенно ложное понятие о духах; они существа не отвлечённые, не неопределённые, как многие себе воображают, представляя их чем-то вроде слабого света или искры; напротив, они действительные существа, имеющие свою личность или определённый образ. Об этом можно сделать себе приблизительное понятие чрез следующее изъяснение.

Есть в человеке три существенные вещи: во-первых, душа, или дух, т.е. разумное начало, в котором находится мысль, воля и нравственное чувство; во-вторых, тело, или вещественная оболочка, тяжёлая и грубая, посредством которой дух входит в соотношение с внешним миром; в-третьих, перисприт, флюидическая, эфирная, легчайшая оболочка, служащая связующим звеном и посредником между духом и телом. Когда внешняя оболочка ветшает и не может более действовать, она распадается и дух сбрасывает её, как плод сбрасывает шелуху, дерево свою кору, одним словом, как оставляют старое платье, негодное для употребления; это называют «смертью». Итак, смерть есть уничтожение грубой оболочки духа: одно только тело умирает, дух же никогда. Во время земной жизни дух, так сказать, сжат узами соединённого с ним вещества, делающего часто недействительными его способности; смерть тела избавляет его от этих уз; он освобождается и приобретает свою свободу, как бабочка, выходя из своей куколки; но он оставляет только вещественное тело и сохраняет перисприт, составляющий для него род эфирного тела, воздушного, невесомого для нас, имеющего форму человеческого и, как кажется, первообразного тела. В нормальном состоянии перисприт невидим, но дух может подчинить его некоторого рода изменениям, делающим его временно доступным зрению и даже осязанию, как это бывает со сгущённым

паром; таким образом духи могут иногда нам показаться в своих появлениях. Посредством перисприга дух действует на бездушное вещество и производит различные явления, как то: шум, движение, письмо и т.д.

Стучание и движение служат для духов средствами к засвидетельствованию их присутствия и к обращению на них внимания точно так же, как стучатся в дверь, чтобы уведомить, что к вам идут. Некоторые духи не довольствуются умеренным стуком, а поднимают шум вроде того, как будто бы разбивается посуда, отпираются и запираются двери или опрокидывается мебель.

Посредством условных ударов и движений они могут выражать свои мысли, но письмо представляется им к тому самым лучшим, самым скорым и самым удобным средством, потому они его и предпочитают. По той же самой причине, по которой они могут заставить писать слова, они могут также править рукой, чтобы рисовать, писать музыкальные ноты, играть на инструменте; короче говоря, за неимением собственного тела они употребляют тело медиума, чтобы явиться людям чувственным образом. Духи могут являться ещё многими другими способами. Некоторые личности, названные слышащими медиумами, имеют способность их слышать и таким образом могут разговаривать с ними; другие их видят – это видящие медиумы. Духи, являющиеся зрению, представляются вообще в образе подобном тому, который они имели во время своей жизни, но туманном; иногда этот образ имеет наружный вид живого существа, так что нередко их принимали за живых и могли с ними говорить и жать им руки, не подозревая, что видели перед собою духов, и узнавали их только по их внезапному исчезновению.

Способность видеть духов вообще и постоянно есть способность очень редкая, но отдельные явления случаются довольно часто, особенно во время смерти; освобождённый дух, кажется, как будто спешит увидеть своих родных и друзей, уведомить их, что он оставил землю, и сказать им, что он жив. Пусть всякий призовет свои воспоминания – и увидит, сколько подобного рода подлинных случаев бывало с ним, не только ночью во время сна, но и среди бела дня, при полном бодрствовании, и в которых он не мог отдать себе ясного отчёта. Прежде смотрели на эти случаи как на нечто сверхъестественное и чудесное и приписывали их чародейству и колдовству; ныне неверующие относят их к воображению; но с тех пор как спиритическая наука даёт ключ к таким явлениям, знают, каким образом они производятся и что они не выходят из разряда естественных явлений.

Думают ещё, что духи потому только, что они духи, должны иметь высочайшее знание, высочайшую мудрость: опыт не замедлил доказать, что это заблуждение. Между получаемыми от духов сообщениями некоторые бывают преисполнены глубокомыслия, высокого красноречия, мудрости, нравственности и дышат добротою и благосклонностью; напротив того, другие весьма обыкновенны, легкомысленны, даже грубы и выказывают самое жалкое состояние ума. Так, очевидно, что они не могут проистекать из одного и того же источника и что, если есть добрые духи, то есть также и злые. Естественно, что духи, будучи душами людей, не могут сделаться совершенными тотчас после оставления тела, и что до тех пор, покуда они не сделают успехов, они сохраняют несовершенства телесной жизни, почему мы и видим духов различных степеней доброты и злобы, знания и невежества.

Вообще духи сообщаются с удовольствием и им приятно видеть, что их не забыли; они описывают охотно свои впечатления при оставлении земли, своё новое положение, свои радости или страдания в мире, где они находятся: одни очень счастливы, другие несчастны, некоторые претерпевают даже ужасные мученья, смотря по тому, какую они вели жизнь и какое сделали из неё употребление, хорошее или дурное, полезное или бесполезное. Наблюдая за ними во всех фазах их нового существования, смотря по бывшему их положению на Земле, роду их смерти, их прежнему нраву и их человеческим привычкам, приходим к познанию невидимого мира, ежели не совершенному, то, по крайней мере, довольно точному, чтобы знать наше будущее состояние и предугадывать счастливую или несчастливую судьбу, нас ожидающую.

Наставления, данные духами высшего ранга касательно предметов, относящихся к человечеству, их ответы на заданные им вопросы, собранные и старательно приведённые в порядок, составляют целое нравственное и философическое учение под названием Спиритизма. Следовательно, Спиритизм есть учение, основывающееся на существовании,

проявлении и наставлениях духов. Философическая часть этого учения вполне изложена в «КНИГЕ ДУХОВ», часть практическая и опытная – в «КНИГЕ МЕДИУМОВ». По разбору этих сочинений, приведённому ниже, можно судить о разнообразии, обширности и важности предметов, в них заключающихся.

Как мы уже видели, Спиритизм возымел своё начало от простого явления: кружащихся столов; но как такие явления занимали более глаза, нежели разум, и возбуждали более любопытства, нежели чувства, то, удовлетворив любопытству, они перестали обращать на себя внимание, тем более что их не понимали. Но иное было следствие, когда теория объяснила причину; особенно когда увидели, что из этих вертящихся столов, которыми несколько времени забавлялись, выходило целое нравственное учение, говорящее душе, рассеивающее томительные сомнения, удовлетворяющее всем стремлениям, оставленным в неопределённости от неполного учения о будущности человечества. Люди серьёзные приняли новое учение как благодеяние, и с тех пор оно не только не ослабевало, но распространяется с невероятною быстротою; в продолжение трёх или четырёх лет оно привлекло на свою сторону во всех частях мира бесчисленное множество приверженцев, в особенности людей просвещённых, число которых умножается в чрезвычайной прогрессии, так что ныне можно сказать, что Спиритизм приобрёл право гражданства; он опирается на такие твёрдые основания, что может отразить все нападки своих противников, сияющихся из собственных видов его опровергнуть; это доказывается тем, что их нападения и критика не приостанавливают ни на минуту его распространения: это есть событие, подтверждённое опытом, которого противники Спиритизма никогда не могли объяснить; спириты отвечают просто, что, если он распространяется несмотря на критику, это значит, что его находят хорошим и что его доводы предпочитают доводам его противников.

Однако же Спиритизм – не новое открытие; факты и начало, на которых он основывается, теряются в глубокой древности, ибо мы находим его следы в верованиях всех народов, во всех религиях, у многих духовных и светских писателей; но события за недостатком исследования часто были объяснены по суеверным понятиям невежества, и из них не вывели всех должных заключений. В самом деле, Спиритизм основан на существовании духов; но так как души суть не что иное, как души людей, следовательно, с тех пор, как есть люди, есть и души, Спиритизм не открыл и не выдумал их. Если души или души могут являться людям, значит, что это в порядке вещей, и, следовательно, они должны были являться всегда: потому-то всегда и везде мы находим доказательства таковых проявлений, в особенности в библейских повествованиях. Новейшему времени принадлежит только логическое изъяснение событий, полнейшее знание естества духов, их назначения, образа их действий, открытие нашего будущего состояния, наконец, обращение Спиритизма и его различных применений в науку и учение. Древние знали начало, в настоящее время знают подробности. В древности изучение этих явлений было привилегией известных каст, которые их открывали только посвящённым в их таинства; в средние века на занимающихся ими открыто смотрели как на колдунов и жгли их; но ныне нет тайны ни для кого и более никого не жгут; всё делается среди бела дня, и всякий может, по желанию, просветиться этим учением и упражняться в нём, ибо медиумы находятся везде.

Самое учение, преподаваемое ныне духами, не имеет ничего нового; мы его находим отрывками у многих философов индийских, египетских и греческих, и во всей полноте – в учении Христа. Какая же польза от Спиритизма? Он подтверждает новым свидетельством и доказывает фактами истины, не признанные или дурно понятые, восстанавливая ложно растолкованный их истинный смысл.

Спиритизм ничему новому не учит, это правда; но разве мало доказать явным и неопровержимым образом существование души, переживающей тело, её индивидуальность после смерти, её бессмертие, наказания и награды в будущем? Сколько людей веруют в это, но веруют неопределённо затаённою мыслью сомнения и думают в глубине души: «Однако же, если это неправда?» Сколько людей было доведено до неверия потому только, что будущая жизнь была представлена им в таком образе, которого их разум не мог принять за истинный. Разве этого мало, что колеблющийся верующий может сказать: «Теперь я уверен!», или когда слепой опять увидит свет? Фактами и своею логикой Спиритизм рассеивает душевное беспокойство сомнения и приводит к вере оставивших её; он открывает нам

существование незримого мира, нас окружающего и посреди которого мы живём, того не подозревая. Он нас учит примером тех, которые жили, узнавать условия нашего будущего счастья или несчастья; изъясняет причину наших земных страданий и даёт нам средство к их облегчению. Его распространение будет иметь неизбежным следствием уничтожение матерьялистского учения, не могущего устоять против очевидности. Человек, уверенный в величии и важности своего будущего существования в вечности, сравнивает его с непостоянством земной жизни, столь короткой, и мысленно возвышается над ничтожными суетностями человеческими; зная причину и цель этих ничтожностей, он их переносит с терпением и безропотно, ибо понимает, что оне служат ему средством к достижению лучшего состояния. Пример приходящих из-за гроба, для того чтобы сообщить нам свои радости и страдания, доказывает действительность будущей жизни и вместе с тем и правосудие Божие, не оставляющее ни одного порока без наказания и ни одной добродетели без награды. Прибавим, наконец, что сообщения с утраченными нами любимыми существами доставляют сладчайшее утешение и доказывают, что они не только существуют, но менее с нами разлучены, как если бы они находились в живых, но в чужом краю.

Наконец, Спиритизм улаживает горечь житейских скорбей, укрощает отчаяние и волнение души, уничтожает сомнение и страх перед будущим, останавливает мысль о сокращении жизни самоубийством и, следовательно, делает счастливыми тех, которые убеждены в его истинах. Вот в чём заключается великая тайна его распространения.

С религиозной точки зрения Спиритизм основывается на фундаментальных истинах всех религий: на существовании Бога, существовании души, на бессмертии, награде и наказании в будущем; но он не имеет никакого особенного богослужения. Его цель – доказать неверующим или сомневающимся, что душа существует, что она переживает тело, что после смерти она подвергается последствиям добра и зла, совершённых ею во время телесной жизни; эти истины находятся и во всех религиях. Как верование в духов, Спиритизм принадлежит равно всем религиям и всем народам, потому что везде, где есть люди, есть и души (или духи), потому что проявления их были всегда и потому что рассказы о них находятся во всех религиях без исключения. Итак, можно быть греческим ортодоксом или римским католиком, протестантом, иудеем или мусульманином и верить в проявление духов, следовательно, быть и спиритом; что доказывается тем, что Спиритизм имеет единомышленников во всех сектах. Как учение нравственное, Спиритизм – учение существенно христианское, ибо он есть развитие и применение учения Христа, учения чистейшего, превосходство которого никем не оспаривается; очевидное доказательство, что учение это есть закон Божий; нравственность же его доступна всем.

Спиритизм, будучи независим от всякого образа богослужения, ни одного не предписывая и не занимаясь особенными догмами, не есть особенная религия, ибо он не имеет ни своих священников, ни своих храмов. Вопрошающим его, хорошо ли они делают, что придерживаются таких-то обрядов, он отвечает: «Если вы думаете, что ваша совесть того требует, исполняйте их: Бог всегда воздаёт за намерение». Одним словом, он никому не налагает себя насильно; он не обращается к верующим, довольствующимся своею верою, но к большому числу сомневающимся и неверующим; он их не отнимает у Церкви, ибо они нравственно отделились от неё во всём или отчасти; он заставляет их пройти три четверти пути, чтобы опять вступить в неё; ей остаётся исполнить только остальное.

Правда, Спиритизм опровергает некоторые верования, как, например, вечность наказаний, вещественный огонь адский, личность дьявола и т.п.; но не известно ли, что эти верования, будучи доведены до крайности, рождали и всегда рожают неверующих? Если Спиритизм, рационально объясняя эти и некоторые другие догмы, возвращает к вере оставивших её, не делает ли он услугу религии? По этому случаю один достопочтенный священник сказал: «Спиритизм заставляет верить чему-нибудь; лучше верить чему-нибудь, нежели ничему не верить».

Так как духи суть души, следовательно, нельзя отрицать духов, не отрицая души. Признав такой вывод, встречаем самый простой вопрос: «Души умерших могут ли сообщаться живым?» Спиритизм подтверждает это вещественными фактами; какое же можно привести доказательство, что это невозможно? Если это существует, все возможные отрицания не помешают, чтобы оно было, потому что это не есть ни система, ни теория, но закон Природы;

а против законов Природы воля человека бессильна; волей или неволей надобно признать их и сообразовать с ними свои верования и привычки.

Аллан Кардек

1864 г.

ГОЛОСА УМЕРШИХ ЗВУЧАТ, И САМИ ОНИ ЖИВЫ

(феномен «прямых голосов»)

„Es giebt mehr Ding’ im Himmel und auf Erden,
Als eure Schulweisheit sich träumen läßt.“

W.Shakespeare

У спиритического Учения имеются две стороны, как бы две части. Одна из них – это лежащая в его основе философско-нравственная концепция, выраженная в «Книге Духов» Аллана Кардека, а впоследствии продолженная и развитая в иных его работах и работах других исследователей. И вторая – это теория спиритических манифестаций, имеющая сугубо прикладное значение; она была первоначально сформулирована в «Книге Медиумов» Алланом Кардеком и по ходу времени также дополнялась другими исследователями. Обе стороны Учения могут рассматриваться и как дополняющие одна другую, и в то же время – как самостоятельные. Так философско-нравственная концепция нисколько бы не пострадала, если бы теории манифестаций и вовсе не существовало; со временем однако, из одной только этой концепции, стала бы ясна возможность и необходимость существования этих манифестаций, и люди, пожелавшие бы применить теорию на практике, убедились бы в её справедливости. И, с другой стороны, люди, ничего не знающие о философской концепции, но успешно занимающиеся практикой, если бы они были достаточно внимательны и вдумчивы, в конце концов всё равно бы, в итоге весьма долгого ряда лет, пришли к созданию философско-нравственной концепции.

Разговор о последней составляет отдельную большую тему, и мы в данном случае затрагивать её не станем, а ознакомимся вкратце с некоторыми проблемами практической стороны Спиритизма: рассмотрим характер установленных опытным путём феноменов и приведём некоторые достойные внимания примеры.

Вся спиритическая практика основана на признании того факта, что человек есть не *тело*, но *душа*, и что после смерти тела душа продолжает свою жизнь в иных, отличных от земных условиях. Помимо того, в основе этой практики лежит знание о том, что душа умершего с душами, временно воплощёнными в человеческое тело, общаться может *только* при строго определённых условиях, изучение которых представляет собой особый раздел спиритической теории и практики. Этого раздела мы пока что также касаться не будем, ограничимся лишь простым указанием на то, что в любом общении существуют свои законы, и один из этих законов выдвигает необходимость в посреднике. Так, когда вы говорите с собеседником, то такими посредниками вам служат ваши органы речи, воздушная среда и ваши с собеседником органы слуха. Если вы общаетесь с этим же собеседником на значительном расстоянии, то в роли таких посредников, помимо предыдущих, могут выступить два телефонных аппарата и сложная система кабелей, их соединяющая. Когда же вы желаете общаться непосредственно с обитателями мира иного, то вам также необходим посредник, и посредник этот называется «медиумом».

В «Книге Медиумов» Кардека, а также в работах Крукса и других исследователей перечисляются и объясняются самые разные по своему характеру спиритические манифестации. К ним относятся: вращение столов и иных предметов, левитация предметов и живых существ (в том числе и людей), принесение предметов (так называемые «апорты», при этом расстояние и даже размер предмета не играют большой роли), телекинез, самостоятельная (без контакта с человеческими пальцами и каким иным агентом) игра музыкальных инструментов, чтение мыслей, предсказания, психография (или «автоматическое письмо», когда рука пишущего медиума находится под водительством проявляющегося духа и записывает мысли последнего, как если бы она была его собственной рукою), отпечатки человеческих рук и лиц в расплавленном парафине без контакта с участниками эксперимента, появление полупрозрачных и светящихся рук, лиц и фигур (эти феномены получаются обычно в полумраке), эктоплазмические материализации (это продолжение предыдущего феномена, когда появившаяся человеческая фигура начинает

уплотняться, всё сгущается, пока не приобретает наконец все признаки реального человеческого тела, а затем в конце манифестации начинает всё разрезаться, покуда не растворится, не растает в воздухе, как уносимый ветром туман), «прямые голоса» и многое-многое другое.

Жюль Ренар в своём дневнике говорит: «Смерть плохо устроена. Нужно, чтобы наши мертвецы от времени до времени посещали нас по нашему зову, беседовали с полчаса. Как много мы не успели им сказать, пока они были здесь». Что ж, выясним, так ли уж справедлив этот упрек в адрес смерти, и не идёт ли она навстречу как раз этому пожеланию писателя. А для этого рассмотрим, как собственно происходит феномен «прямых голосов» по словам самих экспериментаторов.

Английский писатель Г. Деннис Брэдли в своей книге «Towards the Stars» («К звёздам») описывает собственные впечатления на сеансе с сильным медиумом для производства «прямых голосов» Джорджем Вэлиэнтайном. Брэдли, находясь в деловой поездке по Соединённым Штатам, был приглашён своим другом принять участие в медианимическом сеансе, и из любопытства согласился. Вот в каких выражениях описывает он свою первую встречу со спиритическими явлениями:

«Внезапно запала глубокая тишина, и тут же у меня возникло ощущение, будто в комнате присутствует кто-то пятый. Вслед за этим я услышал изящные интонации женского голоса, звавшего меня по имени. Голос дрожал от переполнявшего его чувства, звуки его раздавались поблизости от меня справа. Я держался холодно, спокойно, как и подобает бесстрастному наблюдателю. На призыв я ответил односложным: «Да!». Тогда моё имя было повторено ещё дважды, голос был всё более исполнен волнения, словно бы та, которая говорила, была вся во власти радости, вновь увидав своего обожаемого друга после долгой разлуки. Я ответил: «Да, это я и есть. Что вам угодно?». И голос: «О! я люблю тебя! я тебя люблю!». Слова эти были сказаны с наэлектризовывающими нежностью и красотой. Я слышал, как эти же слова произносят некоторые из величайших мировых актрис, но никогда не слышал, чтоб они были отмечены такою полнотою чувства... Я попросил: «Скажите мне, кто вы. Назовите ваше имя». С этого мига началась долгая, проникновенная беседа между нами; и уже не вполголоса, а в полный голос, как между двумя людьми, живущими в этом мире. Наша взволнованная беседа, исполненная ликующей радости, разворачивалась в то время, как тут же сидело трое свидетелей, которые всё слышали. Никто из них не знал моих семейных дел, и ещё менее кто-либо из них мог знать, что у меня была сестра, умершая десять лет назад...

При жизни она обладала красивым голосом, который модулировал с чарующей гибкостью, а фразировка её отличалась необычайной грацией, и при этом она была «пуристой» в выборе слов. Я никогда не встречал другой женщины, которая разговаривала бы с таким изяществом. Так вот: когда десять лет спустя после своей смерти она проявилась мне медианимическим путём, то говорила она с той же отличительной фразировкой, какую имела и при жизни, и каждый слог, какой она произносила, характеризовался теми неподражаемыми особенностями каденций и интонаций, которые отличали её среди тысячи других женщин.

Мы беседовали четверть часа на разные интимные темы, которые могли быть известны только ей и мне... Затем я попросил её рассказать о своей спиритической жизни, и она ответила, что совершенно счастлива в той чудесной обстановке, в которой живёт; но в то же время она бесконечно рада, что наконец нашла способ говорить со мною. Мы так долго говорили о своих делах, что оба сразу почувствовали, как мы бестактны по отношению к другим, которые ждали своей очереди. Прежде чем расстаться, я спросил её, придёт ли она завтра вечером, и она обещала мне притти. Мы в последний раз поприветствовали друг друга, и перед тем как уйти, она послала мне звучный поцелуй, который был слышен всем... В этот вечер я пережил самое великое событие своей жизни. Именно с того мгновения, как я узнал голос своей сестры, всё показалось мне странным образом естественно; с того самого мига, как я *поверил*, сверхъестественное стало для меня естественным и разумным. Всякое сомненье исчезло пред подобным доказательством, и в один миг ум мой понял, как всё то, что до сей поры представлялось мне невозможным, было, напротив того, возможно... Всякое подозренье в чревовещании просто смешно. И никто на свете не смог бы имитировать ясный, чистый и

нежный голос, который в тот вечер говорил со мною; ни один голос на свете не мог бы обладать теми индивидуальными свойствами, какие были присущи голосу Анни, с его особой интонацией, необычайными особенностями произнесения, отличавшими её при жизни; не говоря уж о том, что никто не мог бы обнаружить столь полное знание всех перипетий общего нам с нею прошлого...»

На втором сеансе, на котором присутствовал Брэдли, произошло ещё одно необычайное событие: состоялась оживлённая и сердечная беседа между кухаркой и её покойным мужем на *языке басков*. После этого Брэдли начал упражняться в медиумизме с целью самому добиться осуществления феномена «прямого голоса», что ему и удалось. Однажды вечером, в октябре 1924 года, он пригласил к себе г-жу Фрэнсис Карсон, знаменитую английскую драматическую актрису, и как только погас свет, некая сущность, назвавшаяся её мужем, окликнула её по имени. За этим последовала одна из самых волнующих и драматических бесед, какие только могут быть. Когда госпожа Карсон уходила, она заявила, что это свидетельство продолжения жизни близких представляет собой самое чудесное событие её жизни.

Вечером 18 марта 1925 года Брэдли пригласил японского поэта Гонноскэ Комаи, и к величайшему удивлению всех присутствующих проявилась сущность, принявшаяся говорить с Комаи по-японски. Этот последний сообщил, что он вёл разговор со своим старшим братом, тембр голоса которого он узнал и воспоминания которого вполне соответствовали тому, что было прежде.

Как можно видеть, опыты Брэдли, из которых мы приводим здесь только выдержки, имели результаты, без всякого сомнения, интересные и дающие богатую пищу для размышлений о Спиритизме, о смысле и назначении человеческой жизни. Они сосредоточены в двух книгах, имевших огромный успех в Англии, и когда подумаешь о том, что он месяцами подолгу беседовал с умершими родными и что то же случалось с теми, кого он приглашал на свои сеансы, и что сообщающиеся существа разговаривали также и на других языках, то не будешь удивляться тому, что Брэдли безоговорочно примкнул к спиритическому движению. «Я с полной ответственностью утверждаю, – пишет он, – что если Анни и Уоррен не являются живыми и реальными спиритуальными личностями, то тогда большое число личностей бесцветных и призрачных, с которыми мне пришлось встречаться в местах светского общения, в театрах и клубах, либо также суть в свою очередь призраки умерших, либо суть не что иное, как неудачные фантазии воображения. Доказательства своей тождественности, которые представили мне мои духовные друзья, гораздо более впечатляющи, нежели те, что представлены мне большинством завсегдатаев светских гостиных. СМЕРТИ НЕТ: я написал два толстых тома, чтоб доказать это, и мне удалось непосредственно, на деле установить регулярные отношения с духовным миром. И я должен сказать, что открытие это на много голов выше всех прочих открытий, так как оно знаменует собой крупный шаг на пути, ведущем к истинной науке о будущем!»

Пойдём, однако, далее. Невилл Уаймент, профессор языкознания в Оксфорде, будучи в Нью-Йорке, был приглашён принять участие в сеансе с проявлением прямого голоса, так как сообщающаяся сущность изъяснялась на каком-то непонятном восточном языке. Стоит познакомиться с изложением фактов в том виде, как его даёт сам Уаймент:

«Тот, кто пригласил меня, сообщил мне, что «прямые голоса» говорили на языках, не известных никому из присутствовавших, и что поэтому моё появление было желательно единственно ради перевода с этих языков, а не потому что кого-либо интересовало моё мнение по поводу самих явлений.

Я узнал, что экспериментаторы были убеждёнными спиритами и что в ряде сеансов они получили удивительные доказательства, удостоверяющие личность сообщавшихся... Мне было довольно приятно это неожиданное приглашение. Хотя я никогда и не был противником спиритических исследований, но у меня как-то никогда не выпадало времени заняться этим, и поэтому сеанс, на который меня приглашали, показался мне интересным развлечением, которое могло бы доставить отдых моему уму. И, говоря откровенно, я рассчитывал, что уж я-то, после того как услышу некоторые из этих «прямых голосов», сумею открыть, каким образом производилась столь ловкая и изощрённая мистификация. В указанное время я приехал в назначенное место. Один за другим проявлялись разные голоса, говорившие по-английски с разными членами группы. Некоторые из этих бесед затрагивали обстоятельства

столь интимные, что я чувствовал себя до крайности неловко, ибо мне начало казаться, что я посторонний, вторгшийся сюда подслушивать секреты ближних. По счастью, в комнате царил полумрак, и никто не мог увидеть, что я краснею от стыда.

Вдруг раздался громкий голос, представившийся как Кристо д'Анджело, сказано это было с сильным итальянским акцентом. Вслед за этим голос начал говорить на подлинном итальянском языке. По-итальянски я не говорю, но понимаю довольно хорошо. Говорящий обратился ко мне со следующими словами: «Скажите синьоре Х. (одна из присутствующих на сеансе), что она не сдержала данного мне слова достаточно выучить итальянский язык, чтоб разговаривать со мною на моём языке. Она продолжает отвечать мне по-испански, а это меня сильно затрудняет». Дама, которой был адресован упрёк, искренне признала, что Кристо д'Анджело прав. Этот последний некоторое время ещё разговаривал со мной, выражаясь на каком-то тёмном итальянском диалекте. Позднее я узнал, что это было сицилианское наречие. Затем последовали другие голоса, говорившие по-английски; и вот неожиданно в полумраке раздались странные, расстроенные, скрипучие, но хорошо знакомые мне звуки, сразу же мысленно перенесшие меня в Китай. Это звучала китайская флейта, но исполнение было довольно неважное. В Небесной Империи часто случается натолкнуться на флейтистов, чего несомненно не происходит ни в одной другой части света. И вот раздался глубокий бас, очень отчётливо произнёсший слово: «К'унг-фу-Т'цу».

В произнесении этого слова я обнаружил голосовые модуляции, заслуживающие самого большого внимания... «К'унг-фу-Т'цу» – китайское произнесение имени «Конфуций»; это более чем имя, это титул. Он означает: «Высочайший Учитель философии К'унг». Фамилия К'унг ещё существует в Китае, и потомки великого философа более 2000 лет получают особую пенсию от китайского правительства.* И сам по себе факт прямого голоса, утверждающего, что он Конфуций, не очень-то примечателен, если учесть, что имя это самое знаменитое в китайской истории, но дело в том, что очень немногие люди на свете, если только они не китайцы, будут в состоянии правильно произнести его, как это сделал голос. Например, слог «Т'цу» или «Т'це» произнести правильно крайне трудно, и звук, наиболее приближающийся к этому – «ц», но всё же это не совсем то. Я тут же, стало быть, убедился, что тот, кто говорил со мной, несомненно был сведущим востоковедом, ибо не только произношение, но и самые деликатные изгибы голоса были воспроизведены совершенно правильно. Я спросил: «Кто вы?». Тот же голос, с некоторым нетерпением, ответил: «К'унг-фу-Т'цу». Мысль о том, что это мог быть сам Конфуций, мне и в голову не пришла; я просто предположил, что нахожусь в присутствии кого-то, кто желал бы побеседовать со мною о жизни и философии великого китайского мыслителя. Я решил проникнуть в глубь тайны; для чего, соблюдая обычный китайский приветственный церемониал, спросил ещё: «Могли бы вы сказать мне, как вас звали при жизни?» – «К'ью», – был ответ. Правильно, но имя это хорошо известно востоковедам. И, стало быть, правильный ответ этот, как бы ни был он интересен, ещё не мог служить окончательным доводом, удостоверяющим личность говорящего. И потому я снова спросил: «Могли бы вы сказать, как вас звали в 14 лет?». Тут же получаю правильный и исчерпывающий ответ, сказанный к тому же со специфически китайской интонацией и голосовой модуляцией. Отмечу, что имя, которое на этот раз было мне названо, и среди самих востоковедов известно весьма немногим.

* Это было написано, разумеется, до водворения в Китае коммунистов. (И.Р.)

После этого я заметил своему собеседнику, что некоторые из классических стихотворений, им самим написанных или изданных, представляются непонятными современным читателям. Голос попросил, чтобы я указал какие-либо из этих стихов, дабы он мог внести ясность. Я выбрал третий стих в «Ши цзин», поскольку он наиболее тёмнен из всех. Я помнил только первую строку и прочёл её ему. И тут же голос, с совершенной китайской фонетикой, прочёл мне всё стихотворение, которое известно сегодня, и после паузы в пятнадцать секунд прочитал его мне снова, но на этот раз в правильном варианте, что придало всему стиху совершенно иное значение. Сделав это, голос спросил: «Теперь, когда я всё исправил, понятен ли вам смысл?»...

В других случаях духи китайских деятелей говорили на своём языке *в отсутствие* профессора Уаймента, что таким образом исключало возможность чтения мысли в уме консультанта. На сеансах присутствовал лорд Чарльз Хоуп, делавший запись звучавших голосов на диске (ибо в ту пору ещё не было магнитофонов). Когда затем Уаймент прослушивал записи, он признал, что голоса в совершенстве говорят на китайском языке.

Примеры такого рода можно было бы продолжить, но мы полагаем, что сказанного достаточно. Читателю следует самому оценить всю значимость таких фактов. Мы только позволим себе мимоходом отметить, что феномен «прямых голосов», самим фактом своего существования, полностью перечёркивает теории парапсихологов и доморощенных спиритов, сиющихся объяснить разумные спиритические явления (и в первую очередь «автоматическое письмо») каким-то влиянием подсознательного «я» медиума, влиянием коллективного подсознания участников сеанса или неким вмешательством инопланетных сил. Все подобные гипотезы с упорством, заслуживающим лучшего применения, измышляются единственно для того, чтобы не признавать вещей, совершенно очевидных для непредубеждённого ума, а именно, что явления эти обусловлены непосредственным влиянием развоплощённых индивидуальностей умерших людей.

Непоколебленной этими фактами остаётся одна только навязчивая идея христианских теоретиков, каковые объясняют все эти вещи происками «нечистого», могущего (в согласии с тем, как они его понимают, и теми полномочиями, которые они ему вверили) до бесконечности менять свои личины, дабы легче ввести слабых человек в обман для «погубления» их. Но подобная, с позволения сказать, аргументация всего менее научна, и вести полемику с выдвигающими её сегодня так же непродуктивно, как и возражать людям, которые в наши дни вздумали бы утверждать, что Земля плоская и что покоится она на четырёх китах. Единственное, что можно посоветовать господам ортодокс-христианам, это – всё же внимательнее читать Новый Завет и дорожить *духом* Христова учения, а не *буквами* вольного перевода его, в коих они склонны усматривать для себя высший авторитет. Это с одной стороны. А с другой, желательно (и это же относится и к разного рода оккультистам, каковых теперь у нас имеется множество), чтобы они все основательно познакомились с предметом своей критики, поскольку без этого пока что получается, что они сражаются не с ним, а с собственными о нём представлениями. С последним обстоятельством, в частности, связано то, что столь многое, ставящееся ими Спиритизму в вину, им самим также никоим образом не приветствуется. И они, приписывая предмету критики то, что он сам решительно порицает, лишают тем свою критику всякого основания, а себя ставят в глупое и смешное положение.

П.А. Гелева

Октябрь 1991 г.

БЕСЕДЫ С ОСКАРОМ УАЙЛЬДОМ

(феномен автоматического письма)

“There are more things in heaven and earth, Horatio,
Than are dreamt of in your philosophy.”

W. Shakespeare

«Автоматическим писанием» или «ручной психографией» в Спиритизме называется писание, получаемое посредством руки медиума, когда тот держит в руке карандаш или ручку. Во время прямого писания медиум только *держит* пишущий прибор, но не *водит* им: тот движется без участия сознания медиума, как бы машинально, помимо его воли, побуждаемый к этому движению внешней по отношению к медиуму силой. Возможно ли такое? – тут же резонно усомнятся скептики. Давайте рассудим, исходя из принципа существования и бессмертия души, оспаривать который сегодня – уж совсем непроходимое невежество.

Если мы признаём принцип существования души и то, что она сохраняется после смерти тела, мы будем вынуждены также признать, что существо, думающее в нас во время нашей жизни в материальном мире, должно думать и после того, как мы этот мир оставим, т.е. после смерти нашего физического тела.

Если оно думает и после смерти, то оно естественно должно продолжать думать о тех, кого раньше любило и кого оставило на земле.

Если духовное существо думает о тех, кого раньше любило и кого оставило здесь, то оно должно желать с ними общаться.

Опыт показывает, что посредством своей эфирной оболочки оно может действовать на безжизненную материю: об этом говорят нам все факты телекинеза и левитации, связанные с полтергейстом или происходящие во время некоторых спиритических сеансов. Но если духовное существо может действовать на безжизненную материю и вызывать передвижение неодушевлённых и одушевлённых предметов, то что тогда, спрашивается, может помешать ему воздействовать на руку живого человека, управлять и водить ею?

Если, однако, оно может водить и управлять рукою живого человека, то какие причины, собственно, не дают ему писать ею?

А если оно может писать человеческой рукой, то что в таком случае мешает ему выражать свою мысль и отвечать на обращённые к нему вопросы?

При наличии исходной несомненной посылки о существовании и неразрушимости души ответить отрицательно хотя бы на один из этих вопросов, значит не иметь вовсе здравого смысла. Таким образом, в явлении прямого писания нет ничего логически невозможного. Когда вы поняли это, вы готовы к тому, чтобы наблюдать факты и делать соответствующие выводы. В этом случае наблюдение скоро убедит вас в безусловной реальности всех подобных вещей. Забегая немного вперёд, скажем, что в этих же целях в наш технический век вместо ручки и карандаша могут быть употреблены пишущая машинка и персональный компьютер, что некоторыми с успехом и делается.

Говоря о писании, нельзя, разумеется, обойти такую проблему, как почерк. Почерк, получающийся в результате автоматического, прямого писания, оказывается всегда отличен от почерка медиума, когда тот пишет сам в нормальном своём состоянии. Как правило, характер психографического почерка весьма напоминает прижизненный почерк того лица, которое данный дух представляет. Карл Дюпрель в своей книге «Die Entdeckung der Seele durch die Geheimwissenschaften» («Открытие души потайными науками») в этой связи говорит: «Тождественность почерка, по видимости, свидетельствует в пользу непосредственного влияния руки. Если же почерки не совпадают, то назвавшийся автор послания всё равно может быть инспирирующим агентом, который ограничивается одним мысленным внушением, а почерк оставляет субъективности медиума».

Психографический почерк иногда бывает весьма разборчив, слова и буквы совершенно раздельны. У других же медиумов, кроме них самих, почти никто не может разобрать

написанного. Нередко сообщения оказываются составлены из больших букв, иные слова могут занимать целую страницу: духи мало склонны беречь бумагу. Когда слово или фраза оказываются неразборчивы, то просят духа написать снова, что он обыкновенно исполняет охотно. Когда дух кончит то, что хотел сказать, или не желает более отвечать, рука остаётся неподвижной и медиум, сколь бы ни была сильна его воля и способность, ничего более не добьётся. Когда же дух ещё не окончил, карандаш, напротив того, двигается так, что руке почти невозможно остановиться. Медиум, впрочем, всегда чувствует в себе что-то такое, что ему как бы говорит, остановился ли дух на время или совсем закончил писать.

Ещё более сложным случаем, чем предоставление характера почерка субъективности медиума, следует считать то явление, когда получаемые сообщения целиком лежат вне круга представлений медиума и далеко превосходят его способности. Сюда принадлежит тот частный медиум – одна малообразованная женщина, – с которою группа *критических* исследователей провела в 1875 году в Ньюкастле серию экспериментов из 35 сеансов, каждый из коих длился по 3 часа, когда эта женщина экспромтом давала письменные ответы на научные вопросы самого различного характера. Ни один человек в Англии, так полагал очевидец, не был способен ни на что подобное. Без малейшей задержки медиум написал тщательно разработанные очерки о свете, теплоте, электричестве, магнетизме, физиологии растений, анатомии и тому подобном. То же относится и к медиуму Джеймсу, человеку необразованному, который психографически завершил незаконченный роман Диккенса «Эдвин Друд». Вообще, надо сказать, на этом произведении спириты основательно поупражнялись: другие варианты окончания романа были написаны в первые десятилетия нашего века. Случаями этими занимался уже сам Конан-Дойль. Он же занимался изучением посмертных записок и других писателей: Дж.Лондона, О.Уайльда и Т.Гарди.

Другой спиритический авторитет – Эдмондс – упоминает автоматически написанные трактаты, авторами которых назвались Бэкон и Сведенборг. Примечательным при этом было то, что стиль написанных трактатов имел разительное сходство со стилем обоих этих писателей, довольно несхожих. Эдмондс говорит: «Каждый, кто знаком с их сочинениями, должен поразиться этому. Но это ещё не всё. Есть нечто характеристическое в их почерках. Всё, что утверждается исходящим от Бэкона, постоянно пишется одним и тем же почерком, и то, что приписывается Сведенборгу, пишется почерком другим, но опять-таки постоянным. Один почерк совершенно не похож на другой, и хотя оба они выписаны рукою д-ра Декстера, тем не менее они совершенно не похожи на его собственный почерк. При этом, находясь под влиянием, он с лёгкостью пишет множеством разных типов почерка, и некоторыми из них даже быстрее, чем он в состоянии писать своим собственным. Но он не может делать этого, когда не находится под влиянием... Эта особенность свойственна большинству, если не всем пишущим медиумам, каких я видел, и временами случается совершенно точное подражание тому почерку, который отличал агента при жизни, хотя это происходит и не всегда».

По каким же признакам можно было бы признать подлинность феномена автоматического писания, т.е. то, что источник вдохновения здесь лежит вне медиума?

Сильный довод в пользу этого заключался бы в том, если бы контрольные опыты проводились с несведущим в письме медиумом. И действительно, Гартманн (ещё один исследователь Спиритизма), желая объяснить автоматическое письмо из медиума, говорит: «Писать невольно или автоматически сможет лишь тот медиум, который вообще умеет писать». Этому утверждению, однако, противоречит опыт. А.Н.Аксаков в «Анимизме и Спиритизме» сообщает, что ребёнок г-жи Купер писал в возрасте 2 месяцев, мальчик госпожи Йенкен в 5 с половиною лет, девочка барона Киркупа в возрасте 9 дней! Перти в «Спиритуализме» говорит, что трёхлетний ребёнок г-на Молля написал письмо двух умерших сестёр г-ну Кельсо. Однако также и у медиумов, которые умеют писать, обстоятельства могут говорить в пользу спиритического влияния, причём даже прямого влияния без примеси внушения. Внушение, повидимому, совершенно исключено в тех случаях, когда медиум активен, когда мозг его не есть *tabula rasa*, но деятелен. Медиум Менсфильд писал одновременно двумя руками сообщения разного рода на неизвестных ему языках и в то же время вёл разговор по деловым вопросам. (А.Н.Аксаков, «Анимизм и Спиритизм»). Нечто подобное сообщает и Крукс, когда говорит: «Я был у мисс Фокс, когда она автоматически писала послание одному из присутствующих лиц, тогда как одновременно второму лицу

передавалось сообщение на другую тему посредством выстукивания букв алфавита, а сама она всё это время разговаривала с третьим лицом о вещах совершенно отличных от первых двух». («Протоколы» О.П.И.). Медиум аббат Р., положив левую руку на планшетку и взяв в правую карандаш, принялся писать обеими руками на двух языках на две разные темы, причём всё это время он оживлённо разговаривал. («Протоколы» О.П.И.). Гейер, американский священник, рассказывает, что сам видел, как один медиум, штурман, говоривший только по-английски и немного знавший французский и несколько испанских слов, автоматически писал на семи языках, даже на восьми, поскольку многие иероглифические строки также, повидимому, имели некий смысл: по-английски, по-французски, по-испански, по-немецки, по-латински, по-гречески и по-древнееврейски. Почерки были вполне разборчивы и, как казалось, исходили от разных рук. Помимо того, медиум делал различные чертежи, как то бы стал делать привычный чертёжник, при этом они были выполнены с такой аккуратностью, словно чертились с помощью линейки и циркуля. За полчаса, почти в полной для присутствующих темноте, были исписаны десять больших ватманских листов, и медиум не переставал жаловаться на то, что в комнате «было слишком много света». Предварительно листы бумаги были, разумеется, исследованы и признаны чистыми.

В 20-е годы нашего века в Англии возникла любопытная психическая и литературная проблема, связанная с появлением рукописных текстов, претендующих быть посланием от Оскара Уайльда.

Летним вечером 1923 года, т.е. двадцать три года спустя после смерти писателя, в Англии собралась за столом небольшая группа исследователей, желавших заняться опытами в автоматическом писании. Одним из них была г-жа Трэверс-Смит, урождённая Дауден, женщина большой культуры и высокого положения, уже и прежде добивавшаяся значительных результатов в общении с духами. На этих новых сеансах она была вспомогательным медиумом. Главный же медиум в опубликованных отчётах именовался «г-ном В». Так предпочёл назвать себя для печати С.Дж.Соул, учёный-математик, ставший впоследствии знаменитым парапсихологом, автор «Современных опытов в телепатии», а также председатель Общества Психических Исследований в 1950-51 гг.

Первая попытка 8 июня чуть было не оказалась безрезультатной, если бы г-жа Смит слегка не коснулась руки Соула, державшего карандаш. Почти сразу же карандаш произвольным движением упёрся в лист бумаги и стал писать, в результате чего получилась короткая и неразборчиво очерченная фраза, подписанная девочкой по имени Лили. И вдруг характер почерка резко изменился, карандаш задвигался быстрее, увереннее, и рука Соула написала: «Нет, лилия не её, а моя».

Госпожа Т.Смит спросила: «Кто это говорит?». И карандаш тут же написал: «Оскар Уайльд». Всё послание, написанное этим вечером, выглядело так: «Нет, лилия была моей: кристальная нить – серебряный стебель, порождающий музыку утра. Сжальтесь над Оскаром Уайльдом – он в этом мире живое существо. Привязанный мыслью к колесу Иксиона, я должен в конце концов довершить круг моего опыта. Прежде я писал, что сумрак в моей камере, и сумрак в моём сердце; но этот последний сумрак – сумрак души. Я движусь в вечных сумерках, но знаю, что в вашем мире день сменяет ночь, что за порой сева следует время урожая и что после бордово-красного заката наступает яблочно-зелёный рассвет. Каждый год весна расстилает свой зелёный покров по земле, а вскоре за этим золотая краса осени освещается медово-жёлтой луною».

Исследователи отметили в этих строках ряд интересных особенностей. Прежде всего, стих «сумрак в моей камере, и сумрак в моём сердце» есть не что иное, как цитата из «De Profundis» – тюремной исповеди Уайльда, изданной посмертно. Между тем ни г-н Соул, ни г-жа Смит не были, как они утверждают, в достаточной мере знакомы с творчеством Уайльда, чтобы смочь правильно его процитировать. Соул вообще мало читал Уайльда, да и то, что он читал, было читано им давно, перед войной 1914 года. Г-жа Т.Смит сказала, что за исключением «Саломеи», за последние тридцать лет она «не прочла ни единой строчки Оскара Уайльда».

Интересно, помимо того, отметить значительное сходство почерка на страницах, автоматически написанных Соулом, и тех, что были оставлены самим Уайльдом. Здесь следует учесть, что в последние годы жизни почерк его стал совершенно неразборчивым и

утратил былую стройность и красивую форму. Предположив, что это автоматически написанное послание действительно исходит от духа О.Уайльда, пережившего смерть, мы должны также предположить, что он каким-то образом смог восстановить характер своего почерка и был, помимо того, способен передать его руке человека, который и не ставил перед собой задачи придать получающемуся почерку какие-либо черты сходства. В придачу к тому и сам Соул, и г-жа Трэверс-Смит утверждают, что во время писания он держал глаза закрытыми.

Писавшиеся фразы поддерживали активный и остроумный разговор с присутствовавшими на сеансе лицами. Так, например, в один из вечеров на сеансе присутствовала некая миссис Л., также бывшая медиумом. В состоянии сильного возбуждения она сказала м-ру В.:

– Вы же знаете, что я не двигаю Вашей рукой! Честное слово!

Рука тут же написала:

– «Честность, сударыня, лучшая политика для аптекаря и наихудшая для женщины с прошлым!»

Г-жа Л.:

– Оскар Уайльд! Как Вы смеете! Что Вы можете знать о моей жизни?

– «Прошу Вас, не сердитесь!.. У очаровательных женщин всегда есть прошлое, а у искренних никогда не бывает будущего».

Г-жа Л.:

– Благодарю за комплимент, но уверяю Вас, что всегда была умеренна в своих безумствах, пожалуй, даже слишком умеренна.

– «Ах, умеренность! Мы всегда умеренны, когда делаем что-то, что нам не нравится, и не знаем меры, когда то, что делаем, не нравится другим. Только и всего».

Не правда ли, всё это весьма напоминает высказывания Уайльда, в изобилии встречающиеся на его страницах или донесённые до нас его друзьями? Разумеется, «призрак Оскар» написал весьма занимательную речь по случаю присутствия на одном из сеансов Э.Дж.Дингуолла, бывшего тогда одним из руководителей О.П.И.:

«Быть мёртвым – самое скучное занятие в жизни, если только не считать семейную жизнь или обед в компании школьного учителя. У Вас есть сомнения по поводу того, что это действительно я? Ничуть не удивительно, я и сам порой сомневаюсь в этом. Но в ответ на Ваши сомнения в мой адрес я мог бы сказать: а в себе, простите, Вы несколько не сомневаетесь? Я всегда восхищался Обществом Психических Исследований. Это самые невероятные скептики на свете. Их кредо – всегда во всём сомневаться. Они ни за что не удовлетворятся, пока не исследуют вас на свой лад: тип-видимость-образ-форма. Настоящее привидение должно было бы сильно их испугаться. Я иногда подумываю о создании здесь, у нас, некой Академии Райских Скептиков, которая могла бы стать для нас своего рода аналогией Общества Психических Исследований, бытующего среди живых. Туда бы не принимался никто моложе шестидесяти, и мы могли бы называться Обществом Теней Бездейтельных в связи с дряхлостью. Нашей первой задачей могло бы стать исследование, является ли, скажем, г-н Дингуолл тем, за кого он себя выдаёт? А также, фантазия он или реальность? Истина или выдумка? И если бы вдруг было решено, что он реальность, то мы, естественно, очень сильно бы в этом усомнились».

Дух Оскара Уайльда неспроста издевается над этим председателем О.П.И. и спрашивает, тот ли он в действительности, за кого себя выдаёт. Дело в том, что главной задачей О.П.И. было доскональное изучение всех спиритических явлений и содействие распространению идей Спиритизма. Однако при этом председателем Общества Психических Исследований стало на позиции, откровенно враждебные задачам Спиритизма. Председатель и его окружение открыто вредили делу Спиритизма и подвергали осмеянию все сколько-нибудь серьёзные исследования в этой области. Это обстоятельство и вынудило Артура Конан-Дойля (тогда старейшего члена Общества) незадолго перед смертью выйти из О.П.И. и призвать всех других серьёзных изыскателей последовать его примеру. Подробнее об этом смотрите в «Записках о Спиритизме» письмо Конан-Дойля, опубликованное в мартовском номере «Джорнэл оф Сесайти фор Сайикл ризёч» за 1930г. и озаглавленное «Отречение от Общества Психических Исследований».

Если в присутствии Дингуолла писавшиеся фразы относились к «психическим исследованиям», то в присутствии других лиц они затрагивали иные вопросы, представлявшие наибольший интерес именно для данных лиц. Так, с мисс Мак-Грегор, оккультисткой, дух Уайльда говорил о Теософии и её учении. Он должен был неплохо знать эту тему, поскольку его мать была страстной сторонницей Теософии, и молодой Оскар мог многое от неё узнать. С Соулом, главным медиумом, который был учёным, разговор касался ботанических названий и фактов. При жизни Уайльда часто заставляли за чтением и рассматриванием ботанических энциклопедий.

Уайльд был человеком с ярко обозначенной и своеобразной манерой мышления и образа выражения. По этому поводу А.Конан-Дойль говорит: «Можно подделать почерк, но манеру мыслить и выражать свои мысли вряд ли удастся скопировать полностью, ибо это означало бы, что копиист столь же умён, как и оригинал. Однако и образ мышления, манера выражать свои мысли в этом послании выглядят вполне достоверно. Здесь есть места, которые и сам Уайльд уже не смог бы улучшить. При жизни он обладал удивительным чувством цвета, которое часто проникало в его сочинения, придавая им особенную яркость. Так, в частном письме ко мне он говорит об «осенней луне цвета мёда». Послание также достаточно хорошо демонстрирует это качество писателя: «Вспыхнувшие розами анемоны, будто звёзды, освещали лесные тропы». Или: «Уже май, подобно белому туману, пробирается по узким улочкам и сквозь живые изгороди, и год за годом боярышник приносит кроваво-красные плоды после белой смерти своего мая».

«Другой отличительной чертой Уайльда, – продолжает А.Конан-Дойль, – был его причудливый, парадоксальный юмор. И юмор этот явно присутствует в данном послании. «Быть мёртвым – самое скучное занятие в жизни, если, конечно, исключить семейную жизнь и обед в обществе школьного наставника!» Последние четыре слова чисто уайльдовские. «Моя жизнь походила на оплывшую свечу», – пишет он теперь. Хотел бы я посмотреть на человека с действительно критическим литературным чутьём, который бы, прочитав это послание, усомнился в том, что оно действительно исходит от Уайльда. Можно имитировать черты лица, присвоить имя, но невозможно поддерживать обман в течение долгого общения, ведя его от имени великого писателя. Воистину уже не осталось такого доказательства под небесами, которое бы не было представлено нам, и находящиеся в мире ином должны временами испытывать отчаяние, пытаясь проникнуть в наш затемнённый ум!»

В присутствии дочери г-жи Смит, которая была художницей, дух предался чисто уайльдовской критике творчества Дж.М.Уистлера, бывшая дружба с которым в своё время переродилась в знаменитый антагонизм. В одной из своих бесед на эту тему живой Уайльд как-то сказал:

«Джимми всё объясняет, как газета. Искусству же всегда следует оставаться таинственным. Художники, как и боги, никогда не должны сходить со своих пьедесталов».

Рукою же Соула по этому поводу было написано:

«Его живопись была действительно восхитительна. Но всё его очарование заключалось в том, что он был совершенно непостижим и тем создавал превосходную почву для критики. К сожалению, в минуту легкомыслия, напрочь позабыв максиму, известную любому фокуснику, которая гласит, что там, где нет тайны, не может быть и волшебства, он начал объяснять самого себя».

У Уайльда, на что часто и указывалось, было два различных стиля, каждый из которых ярко выражен и индивидуален и совершенно отличен от другого. Один – поэтический, полный украшений и вычурности с красивыми словесными эффектами и обильным использованием цвета. Всё это, как мы видели, вполне представлено в послании. Второй его стиль эпиграмматичен, остроумен, с налётом цинизма и полон парадоксов. К приведённому выше можно добавить ещё и такие афоризмы: «Совет, который подадут, всегда плох». – «Женщина, довольствующаяся тем, что имеет, всегда была бы очаровательна». – «Самому Богу неизвестно, что делать с человеческим усердием».

«Трудно, заметив эти аналогии, столь близкое сходство, усомниться в том, что за этими фразами скрывается ум Оскара Уайльда, – говорит А.Конан-Дойль. – Идея о том, будто еженедельные литературные конкурсы с раздачей призов в состоянии произвести обилие «Барри» и «Стивенсонов», наделённых к тому же всеми отличительными качествами

оригинала, совершенно определённо не выдерживает критики и едва ли была рассчитана на то, чтобы к ней отнеслись серьёзно. В самом деле, нетрудно создать короткую комическую пародию с помощью преувеличения особенностей стиля, но для того, чтобы писать или говорить точно в том же стиле и с соблюдением всех оригинальных черт автора, нужен уже ум, равный по силе своему прототипу, а такой ум, несомненно, предпочёл бы показать себя в чём-то более значимом, чем пародия».

Некоторые из английских критиков претендовали на то, будто им для всех приведённых примеров удалось определить «вероятные источники», послужившие медиумам основой для написания фраз уайльдовского послания. На это А.Конан-Дойль в своё время ответил так: «Когда дело касается человека, вся жизнь которого проходила на виду и который был одним из столпов литературы, то трудно представить, чтобы в его жизни могло оказаться что-то важное, нечто такое, что, возникая сейчас в его памяти, не было бы уже прямо или косвенно упомянуто ранее в том месте или ином». Здесь же сэр А.Конан-Дойль добавляет аргумент, который может показаться наивным в наш бесчестный век, но каковой в действительности много значит в духовном мире. Вот он, этот шевальерский довод, выдвинутый автором рыцарских романов, который и сам был рыцарем, но защищал честь и достоинство в соответствии с законами своего времени не мечом, а пером:

«Такое объяснение, помимо того, означало бы, что медиумы-автоматисты перерыли всю уайльдовскую литературу. У нас есть их заверение в том, что это не так и что их знакомство с ней было весьма ограниченным. Что касается выдвигаемого ложной критикой предположения, будто медиумы предварительно выучили значительные порции послания наизусть, то оно, разумеется, стало бы прямым обвинением в преднамеренном обмане, что ни в коей мере не может быть оправдано, если учесть характер и общественное положение данных медиумов. Такие предположения делать слишком легко, и они должны быть исключены из рассмотрения».

Свой анализ данной проблемы создатель Шерлока Холмса заключает в следующих выводах: «Приняв во внимание различного рода подтверждения, проступающие по мере анализа этого послания от Оскара Уайльда, а именно:

- 1) наличие его тяжёлого стиля;
- 2) наличие его лёгкого стиля;
- 3) воспроизведение особенностей характера;
- 4) воспоминание отдельных эпизодов его жизни, некоторые из которых совсем мало известны;
- 5) воспроизведение его почерка;
- 6) (и, на мой взгляд, далеко не последнее) сходство условий потусторонней жизни, описываемых им, с тем, что наше психическое знание определило бы такому человеку, как он, – я склонен считать, что данный случай является свидетельством, обладающим исключительной силой. Я совершенно согласен, что «Жорж Пельгам» и «Дионисово Ухо»* действуют очень убедительно, но для меня эта уайльдовская история убедительна даже в ещё большей степени».

* Здесь имеются в виду две книги: «О некоторых феноменах транса» Ричарда Ходсона и «Дионисово ухо» Джеральда Бальфура. (И.Р.)

Количество записей, сделанных Соулом и г-жой Трэверс-Смит под водительством Уайльда, очень значительно. Здесь только следует подчеркнуть: дело не в том, что появление на сеансах разных лиц с их разными интересами соответственным образом влияло на содержание сообщений – ведь индивидуальные интересы собеседников оказывают бесспорное влияние и на ход самой заурядной беседы между людьми, – а в том, что всякий раз, когда дух Уайльда писал по какому-либо поводу, то писал он, выражая чувства и образ мыслей живого Оскара Уайльда. Совершенно прав Конан-Дойль, говоря, что трудно себе представить, будто за всеми этими мыслями, тирадами и парадоксами может стоять какой-то другой ум, помимо того, который создал «Портрет Дориана Грея» и «Как важно быть серьёзным». И человек, знакомый с основами Спиритизма, не станет в подтверждение достоверности домогаться здесь

каких-то ещё хитроумных доказательств, потому что в его просвещённом мнении данный случай говорит сам за себя.

П.А. Гелева

Август 1992 г.

ОДИН ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Я хорошо ознакомлен с рядом событий, имевших в последнее время место в Америке, и могу поручиться за реальность происшедшего в той мере, в какой может это сделать человек, ручающийся за факты, произошедшие не с ним. У меня нет ни малейшего сомнения в их истинности, а подобные примечательные двойные доказательства продолжения жизни после смерти, думается мне, нечасто становятся достоянием печати. Нью-йоркским издательством «Харперс» недавно была выпущена книга, озаглавленная «Семь целей». Её автор, мисс Маргарет Камерон, описывает в ней, как у неё внезапно развилась способность автоматического письма. В то время она не была спириткой. Её рука находилась под влиянием, и она написала (частично при помощи планшетки) значительное количество текстов, полностью выходящих за пределы её познаний и особенностей характера. На высказанное ею сомнение, не является ли написанное некоторым образом продуктом её подсознательного «я», появилась надпись, гласившая, что с ней сообщается некий Фред Гейлорд и что его целью является передать послание своей матери. Юноша был совершенно незнаком мисс Камерон, но она знала его семью и потому направила послание им, в результате чего его мать пришла к ней, удостоверилась в подлинности происходящего, обменялась сообщениями с сыном и в конце концов, вернувшись домой, сняла траур, потому что у неё появилось ощущение, что мальчик не *умер* в старом понимании слова, а что он скорее как бы *живёт за границей*.

Это первое доказательство сверхъестественного посредничества мисс Камерон, но со временем она продемонстрировала такую осведомлённость, которую не могла бы приобрести обычным, естественным путём: она стала широко использовать фразы и идеи, характерные для покойного. Но вот что произошло дальше. Гейлорд – это был всего лишь псевдоним, так как дело имело столь приватный характер, что настоящее имя, которое мы обозначим как Бриджер, не могло быть раскрыто. Через несколько месяцев после выхода книги мисс Камерон получила письмо от незнакомки, живущей в тысяче миль от неё. Я видел и это письмо, и всю переписку. Незнакомка, г-жа Николь, заявила, что в качестве теста она хотела бы спросить, не является ли подлинным именем того, кто представлен в книге как Фред Гейлорд, Фред Бриджер, поскольку у неё есть психические (т.е. *спиритические*, – *И.Р.*) основания считать именно так. Мисс Камерон ответила, что так оно и есть, и выразила большое удивление по поводу того, что столь тайное и частное дело нашло надлежащее подтверждение. Тогда г-жа Николь объяснила, что она и её муж (оба занимаются журналистикой и оба совершенные агностики) обнаружили, что она обладает способностью автоматического письма. И пользуясь своей способностью, она получала сообщения, которые, как утверждал её корреспондент, исходили от Фреда Бриджера, с которым они были знакомы при жизни. Прочитав книгу мисс Камерон, они получили от Фреда Бриджера заверение, что в книге мисс Камерон под именем Фреда Гейлорда фигурирует он.

Теперь, говоря об этих фактах, а это, несомненно, факты, можно спросить, что материалист или скептик могут сказать в ответ на это дважды удостоверенное свидетельство сохранения личности после смерти и возможности общения с умершими? Разве может телепатия, если понимать это слово традиционно, служить объяснением тому, как мисс Камерон стали доступны интимные особенности, характеризующие молодого Бриджера? А кроме того, как мы действием той же телепатии объясним возможность раскрытия г-же Николь идентичности сообщавшегося с нею Фреда Бриджера и Фреда Гейлорда, о котором шла речь в книге мисс Камерон? Факт возвращения умершего представляется мне здесь как нельзя более удостоверенным, хотя, как и прежде, я настаиваю на том, что наибольший интерес представляет не сам факт возвращения тех, кого мы утратили, а содержание посланий из мира иного, которое они нам приносят с собой.

А. Конан-Дойль

1919 г.

ОПЫТЫ ДОКТОРА ГЮСТАВА ЖЭЛЕ

Нельзя представить себе ничего более фантастического и невероятного, чем результаты недавних опытов профессора Жэле, во Франции. Перед такими результатами ум даже вполне подготовленного, опытного исследователя психических явлений бывает потрясён, в то время как ортодоксальный учёный, не обращавший на эти исследования внимания, оказывается абсолютно беспомощен. В своём отчёте о проделанных исследованиях, который он представил в январе прошлого года в Генеральном институте психологии в Париже, д-р Жэле говорит: «Я не только утверждаю, что не было подлога, я говорю: не было никакой возможности сделать подлог. Почти в каждом случае материализация проводилась у меня на глазах, и я имел возможность наблюдать все фазы её становления и развития». Он добавил, что по ходу опытов более сотни экспертов, главным образом докторов наук, проверяли и контролировали получавшиеся результаты.

Вкратце эти результаты можно представить следующим образом. Из тела медиума, девушки по имени Ева, выделялась своеобразная беловатая субстанция, выделение происходило частично через кожу, частично через руки, частично же через отверстия на лице, особенно через рот. Этот процесс был многократно сфотографирован на каждой стадии, и фотографии приложены к опубликованному изданию. Эта субстанция, достаточно твёрдая чтобы до неё можно было дотронуться или её сфотографировать, была названа *эктоплазмой*. Это совершенно новый вид материи, и он, несомненно, происходит непосредственно из тела медиума, а затем по окончании опыта абсорбируется его организмом. Эктоплазма выделяется в таких количествах, что порой закрывает собой тело медиума, как фартук. На ощупь эктоплазма мягкая и клейкая, но форма и даже цвет её бывают разные. Производство её, повидимому, мучительно для медиума, так как вызывает у него стоны, и какое-либо грубое обращение с эктоплазмой также на нём сказывается. Внезапная вспышка света, которой сопровождается фотографирование, необязательно может повлечь за собой втягивание эктоплазмы, но всегда вызывает спазм у медиума. При поглощении эктоплазма не оставляет следов на одежде, через которую она прошла.

Это достаточно удивительно, но куда более фантастично то, что ещё предстоит сказать. Наиболее характерное свойство этой эктоплазмы, вполне проиллюстрированное фотографиями, то, что она принимает форму частей человеческого тела – пальцев, рук, лиц, которые поначалу выглядят какими-то намёками и набросками, но быстро перегруппировываются и улучшаются, пока не становятся неотличимы от живых. Разве это не самое странное и необъяснимое из всего, что до сей поры довелось наблюдать человеческому глазу? Обыкновенно эти лица и руки имеют естественный размер, но нередко они оказываются довольно миниатюрными. Случается, что, будучи поначалу миниатюрными, они вырастают до полного размера. При первом появлении в эктоплазме конечности выглядят уплощённо, но затем начинают быстро округляться, пока по завершении процесса не приобретают все три пространственных характеристики. Материализовавшаяся форма может быть всего лишь имитацией, вроде руки, сделанной из воска, а может быть и наделена жизненностью; такая рука в состоянии пожать другую руку, вызвав у последней всю гамму ощущений, какие вызывает пожатие чужой руки.

Лица, возникающие таким поразительным путём, вполне достойны изучения. Они, по видимости, не представляют никого из тех, кто при жизни были знакомы доктору Жэле.* У меня при взгляде на них складывается впечатление, что они скорее должны относиться к кругу знакомств медиума, так как принадлежат девушкам, встречающимся в низших и средних классах французского общества, к которым принадлежит и сама Ева. Я бы добавил, что сама Ева присутствует на фотографиях рядом с этими материализованными фигурами. Лица девушек в целом хорошенькие и не лишённые пикантности, хотя и довольно заурядного, неутончённого типа. Эти характеристики не относятся к большой и тщательно сделанной фотографии, на которой видна очень красивая молодая женщина с печатью высокой духовности на лице. Некоторые из лиц сформировались не до конца, из-за чего выглядят нелепо и отталкивающе.

* Д-р Жэле пишет мне, что они неизвестны ни ему, ни медиуму. (А.К.Д.)

Что прикажете нам делать с данным явлением? Учтите: оно не такого свойства, чтобы пробовать обмануть себя утверждениями вроде «здесь какая-то ошибка или надувательство». И то, и другое исключено. Помимо проведённых по каждому из этих результатов тщательных проверок, ещё следует учесть, что они весьма близки к тому, чего достигли в ходе своих опытов Ломброзо в Италии, Шренк-Нотцинг в Германии и многие другие добросовестные исследователи. Рассуждая об этих фактах, мы постоянно должны держать в уме одно: аномальный характер их происхождения. По самой осторожной оценке, на миллион человек едва ли приходится хотя бы один, наделённый способностями производить эти явления – если только к способностям может быть причислено свойство, не зависящее от нашей воли. Свой острый ум и не знающую покоя деятельность доктор Жэле посвятил выяснению того, как всё-таки происходят медиумические материализации, и, даже предполагая (что предположить вполне справедливо), что каждый материализующий медиум, дабы получить результат, проходит через тот же самый процесс, такие медиумы всё же встречаются до крайности редко. Д-р Жэле в качестве аналогичного явления с материальной стороны упоминает существование дерматоидных кист – весьма таинственных образований, которые как маленькие опухоли появляются в любой части тела, чаще всего над бровями, и в которых при вскрытии обнаруживаются волосы, зубы или эмбриональные кости. Нет сомнений, говорит он, что это довольно грубая аналогия, но дерматоидная киста, по крайней мере, находится на том же плотско-кровяном физическом плане, что и её содержимое, тогда как применительно к эктоплазме мы имеем дело с совершенно новым и странным образованием.

Невозможно точно сказать, что происходит в случае с эктоплазмой – ни по поводу её живой связи с медиумом, ни о том, как и почему она исчезает, что не позволяет её отделить и подвергнуть хотя бы самому приблизительному химическому анализу, который бы мог показать, состоит ли она из привычных нам земных элементов. Не является ли она скорее некой коагуляцией эфира? Это ввело бы в наш мир совершенно новую, дотоле неведомую субстанцию. Такое предположение кажется тем более вероятным, что сравнение с аналогичной субстанцией, исследованной на сеансах д-ра Кроуфорда в Белфасте, которая едва видима глазом и всё же способна удерживать вес в 150 фунтов, указывает на совершенно новое явление в области материи.

Но, отложив в сторону как не имеющее отношение к сути настоящего изложения всё, что касается происхождения и природы эктоплазмы, мне представляется, что имеется достаточно места для перспективного направления мыслей, если мы возьмём опыты Жэле в качестве исходного пункта и направимся в сторону других проявлений психоматериальной активности. Прежде всего, давайте возьмём классические опыты Крукса с Кэти Кинг – результат, столь долго стоявший особняком, но к пониманию которого теперь можно постепенно приблизиться благодаря появлению промежуточных ступеней. Так, теперь вполне можно предположить, что в течение тех долгих периодов, когда Флорри Кук лежала в тёмной лаборатории, периодов, которые длились по часу, а иногда и дольше, эктоплазма выделялась из неё как и из Евы. Затем эктоплазма собиралась поблизости от неё в некое клейкое облако или столб, из которого уже описанным образом постепенно начинала формироваться фигура Кэти Кинг, и в конце концов соединение разрывалось и законченное человеческое тело выступало и показывалось на пороге смежной комнаты, являя собой человеческую личность как нельзя более отличную (за исключением пола) от медиума, и всё же составленную целиком или частично из элементов, извлечённых из бесчувственного тела медиума. До этого момента опыты Жэле достаточно хорошо разъясняют, что происходило в лаборатории Крукса. И однако здесь, на мой взгляд, спирт должен быть готов к возражению гораздо более серьёзному, нежели нелепые суждения о подлоге или оптической иллюзии. Вот оно. Если тело Кэти Кинг (духа) извлечено из тела Флорри Кук (медиума), то что может нам гарантировать, будто жизнь в новообразованном теле не является воплощением одной из тех личностей, из коих составлено сложное существо, называемое Флорри Кук? Этот тезис заслуживает самого тщательного анализа. В этом случае недостаточно указать на превосходство характера проявившегося существа, ведь если предположить, что Флорри Кук представляет собой некую среднюю производную от составляющих её конфликтующих личностей, то одна из них может

оказаться значительно выше, чем их средняя составляющая. Не вдаваясь в эту проблему, можно лишь сказать, что заявление духа о своей индивидуальности нельзя сбрасывать со счетов, так же как и то, что отдельный факт должен рассматриваться во взаимосвязи с другими психическими явлениями, если мы действительно стремимся найти правильное объяснение.

Но давайте теперь представим, что человек обладает способностью испускать невидимую субстанцию, в которой формируются лица, представляющие, как кажется, отдельные индивидуальности, и в предельном случае развиваются в совершенно независимые человеческие формы. Рассмотрим этот из ряда вон выходящий факт: не окажется ли, что благодаря развитию или видоизменению указанного процесса мы можем получить ключ к *modus operandi** других психических явлений? Мне представляется, что мы можем, как минимум, получить намёки, носящие, правда, лишь вероятностный характер, на то, как получаются некоторые результаты, до сих пор остававшиеся необъяснёнными. Эти соображения могут лечь в основу гипотезы, опровержение, корректировка или подтверждение которой будет делом будущих наблюдателей.

* способ, методы или механизм действия кого-либо или чего-либо (*лат.*)

Я намерен выдвинуть следующую мысль. Если сильный медиум для производства материализаций может выделить облако материи, доступной зрению, то не может ли медиум, обладающий меньшей силой, испустить подобное же облако с аналогичными свойствами, которое окажется недостаточно плотно, чтобы быть доступным зрению среднего человека, но всё же в состоянии произвести воздействие на сухую пластину в фотокамере и на зрение ясновидящего? Если это так – а это соображение не выглядит слишком смелым, – то мы сразу получаем объяснение как спиритической фотографии, так и зрительной способности ясновидящего. Под объяснением я понимаю здесь лишь общий механизм процесса, а не знание о природе стоящих за ним сил, которая всё равно остаётся для нас тайной, даже если мы примем утверждение Жэле о том, что оне «идеопластичны».

Здесь, я думаю, мы делаем некоторую попытку обобщения, которая, возможно, поможет распознать первые признаки порядка в этом хаосе. Можно понять, что более тонкая эманация, доступная лишь ясновидящему, распространится гораздо дальше, чем плотная материализованная эктоплазма, и хотя она наделена тем же свойством быть носителем жизни, жизненные формы в этом случае будут доступны только глазу ясновидящего. Так, когда г-н Том Тиррел или другой исполнитель стоит на сцене, его эманация наполняет весь зал. В этой эманации, как и в видимой эктоплазме при опытах Жэле, образуются лица или фигуры тех обитателей иного мира, которых привлекает к сцене их симпатия к отдельным членам аудитории. Их видит и описывает г-н Тиррел, который с его тонко настроенными чувствами (тщательно оберегаемыми, для чего он едва ест и пьёт в день демонстрации) может слышать этот более тонкий и высокий голос, произносящий их имена, старые адреса, послания и обращения. Или, например, когда г-н Хоуп и г-жа Бакстон стоят, соединив руки над фотокамерой, они действительно испускают туманную эктоплазму, из которой образуются фигуры и образы, появляющиеся на фотографической пластине. Возможно, это происходит именно таким образом. Может быть, я выбрал для объяснения неудачную аналогию, но здесь мною предложена всего лишь гипотеза, и я не пытаюсь выдать её за нечто большее.

А. Конан-Дойль

1919 г.

А. В. Михеев

Из книги «ЗА ГРАНЬЮ ВИДИМОГО»

Способность шутить, иронизировать и понимать чужой юмор является одним из признаков развитой, зрелой личности. (1)

Всегда, когда речь идёт о свидетельствах, переданных в словесной форме, стоит учитывать возможность необъективности и даже обмана со стороны собеседника. Но системный анализ информации и сопоставление с другими надёжными источниками легко позволяют выявить подобные отклонения. (2)

Единственный, кто может точно сказать человеку, что именно сделает его счастливым, – это он сам. (3)

Я весьма советую всем читателям хотя бы на время отбросить материализм, скептицизм, а также любые предрассудки и предубеждения относительного того, какой реальность «должна быть». (4)

Долгие годы весьма многих из нас приучали к однобокой и примитивной идее о том, что человек – это лишь физическое тело, состоящее из плоти и крови, что «живёшь один раз», что чувства, мысли, эмоции, память – всё то, что принято называть нашим «внутренним миром» – генерируется исключительно деятельностью мозга и нервной системы. (5)

И даже сейчас, в век относительно свободного распространения информации, мы всё ещё не можем избавиться от этих рудиментов поверхностного, невежественного мышления и грубого материализма, отрицающего существование духовного, трансцендентного аспекта нашей личности и нашего «я», не исчезающего вместе с земным телом и имеющего совсем иную, отличную от него судьбу. (6)

Мы никогда не постигнем Вселенную, если будем обращать внимание только на материю, игнорируя то, что делает её активной и содержательной. (7)

Биолог изучает жизнь, но в настоящий момент тенденция такова, что он работает только с вещественными организмами и их поведением, ограничиваясь наблюдениями над материальными проявлениями жизни и не задумываясь над тем, что жизнь существует отдельно от инструмента, позволяющего ей проявляться. (8)

Хотя умершие, возможно, не до конца понимают, из чего состоит их тело и как оно действует, их затруднения по сути аналогичны нашим, поскольку мы и сами не знаем, каким образом мы контролируем наше материальное тело и какова природа связи между разумом и материей. (9)

Мы знаем только, что имеем мышцы, нервы и мозговые центры. Мы можем выделить и описать эти части механизма. Но как наш физиологический инструмент может думать и чувствовать, строить планы, желать, помнить, надеяться и любить – этого мы объяснить не можем и, возможно, никогда не сможем. (10)

Истина в том, что мы сами, как нематериальные личности, совершаем все эти вещи и используем наше тело в качестве инструмента для регистрации и передачи наших мыслей, а также для осуществления мышечного воздействия на материю. Само тело не думает, не хочет, не видит и не чувствует. Оно является инструментом, каналом, проводником. (11)

Не будет преувеличением сказать, что непосредственный опыт практически всегда является первичным по отношению к каким-либо отвлечённым философским концепциям и теориям. Это касается всех областей жизни. (12)

При разрешении любых вопросов стоит обращаться не к теоретическим построениям, а в первую очередь к собственному опыту. (13)

С самых ранних лет моего текущего земного существования меня не покидало впечатление, что с мировоззрением окружающих людей, в той части, которая касается жизни и смерти, творится что-то неладное. (14)

Мысль о том, что я появился на свет из небытия по воле неких случайных сил природы, чтобы затем, после исторически незначительного промежутка времени, снова уйти в никуда, всегда казалась мне нелепой и абсурдной. Если говорить мягко, её можно назвать «идеологией временщика» или «однодневки», а в более жёсткой форме – «труповерием». (15)

Временщик (*труповер*) полагает, что до рождения нынешнего земного тела его самого как индивидуума не существовало, а после ухода останется лишь холодный труп. В свете упомянутых обстоятельств становится не таким уж важным и то, что происходило между этими двумя событиями. (16)

Любые персональные навыки, склонности и жизненный опыт человек якобы обретает исключительно за считанные десятки лет, которые он помнит, а после того, как тело и мозг индивидуума отслужат свой срок, всё наработанное им за прошедшие годы канет в лету. (17)

Возможность частично передать собственные знания кому-то другому здесь абсолютно ничего не добавляет. Как бы ты ни жил, по обе стороны всегда лежит абсолютное «зеро», где находят своё последнее пристанище все личные идеи, цели, мечты и смыслы. (18)

Поскольку человеческое общество состоит из отдельных людей, всякие разговоры о «коллективных смыслах» при отсутствии смысла индивидуального выглядят неубедительными, а если говорить прямо – демагогичными и пустословными. По той простой причине, что любое событие, происходящее в так называемом «внешнем мире», для каждого человека имеет место только с позиции внутреннего наблюдателя, т.е. с точки зрения его самого, и никак иначе. Люди, любящие строить замки на песке и мечтающие о «всеобщем счастье», почему-то всегда упускают из виду этот простой, но непреодолимый факт. (19)

Одни, в силу своего спящего, неразвитого сознания и отсутствия привычки размышлять над чем-либо, идя на поводу у мнения окружающих, пропаганды средств массовой информации и прочего в том же роде, принимают свой статус временщика без вопросов, как нечто само собой разумеющееся. Другие же, наоборот, прочувствовав всю безысходность такого положения, начинают считать его некоей «тяжёлой правдой жизни», с которой надо «мужественно смириться». Некоторые, кому не хватает этой самой «мужественности», начинают эту безысходность глушить и ищут способ забыться при помощи спиртного или чего-то худшего. (20)

Как только я стал задумываться над всем этим на заре моей юности, моя первая реакция на такую дилемму вышла за пределы двух вышеперечисленных вариантов, напоминая реакцию человека, которому подсовывают заплесневелый бутерброд под видом изысканного деликатеса или прогнившую лачугу в качестве пятизвёздочного отеля. Охарактеризовать её можно тремя словами: глубочайшее отвращение и неприятие. (21)

Судьба порой даёт людям некий «аванс», возможность задаром прикоснуться к чуду, чтобы впоследствии человек достиг того же самого, но упорной работой. (22)

От человека вовсе не требуется становиться безрассудно «верующим», отречься от разума, от логического мышления, а по сути – от себя самого. Ибо следование безжизненным обрядам, отказ от личной свободы, достоинства, полёта мысли – сомнительная альтернатива такому же серому и холодному материализму. (23)

Всё, что мы можем наблюдать при помощи земных пяти чувств и приборов «здесь и сейчас» и считаем нашей Вселенной, включая самые отдалённые галактики, – это лишь ничтожный срез реальности в нашем восприятии, сравнимый с каплей в океане (а скорее всего, даже с чем-то неизмеримо меньшим). (24)

По всей видимости, представления о том, что кому-то может не найтись места в безграничном Бытии, связаны не только с культурными предрассудками, но и с телесной концепцией жизни как таковой, а также с принятием законов «узкополосной» реальности, воспринимаемой нашими органами чувств за некий универсальный критерий. (25)

Говоря о том или ином живом существе, мы отождествляем его с биологическим телом, доступным для непосредственного наблюдения и изучения, но при этом мы ничем не можем подтвердить, что это есть вся живая система целиком, а не просто видимое её проявление, так сказать, «верхушка айсберга». (26)

Наблюдаемая нами реальность есть не что иное, как пересечение индивидуальных субъективных реальностей, в котором мы и остальные участники событий (отнюдь не только люди) можем получать совместный опыт. (27)

Все формы жизни проходят через нашу плоскость восприятия, используя материальные образы как средство для своего выражения, а затем постепенно из неё пропадают. Но это всего лишь означает, что мы перестаём их воспринимать как часть нашего окружения, а вовсе не то, что они больше не существуют. (28)

Одна из особенностей нашего посмертного существования та, что, уходя с земного плана, мы переносим туда вместе с собой и наши земные привычки, знания, и опыт. (29)

Физический и тонкий, «материальный» и «идеальный» миры являют собой динамически взаимодействующие составляющие одной и той же глобальной Реальности, подобно тому, как наш внутренний мир неотделим от того опыта, который мы получаем из мира внешнего. (30)

Нет никаких сомнений в том, что наука является важнейшей областью деятельности человека на земной стороне, и она вплотную соприкасается с главными задачами его духовного развития: познанием окружающего мира и самого себя. (31)

Как это всегда бывает, самоцензура приводит к тому, что свобода познания приносится в жертву чьей-то серости и примитивизму. (32)

Ограничение доступа к знаниям всегда было одним из ключевых элементов в системе управления человеком. (33)

«Особо избранным» – знаниям и возможности, а остальным – материализм или подменяющий его суррогатный клерикализм, вместе с мифом о «единственной земной жизни» и правом слепо «веровать», не задавая лишних вопросов. (34)

Разный уровень духовного развития предполагает совершенно разные предпосылки, а значит, и разные выводы. (35)

В науке, как и во многих других областях человеческой деятельности, многое определяется нашей внутренней мотивацией и мировоззренческими установками. И я вас

уверяю, что человек, наделённый научными регалиями, но при этом считающий, что главным смыслом жизни является кормить своё физическое тело и тела своих родственников, при рассмотрении одних и тех же фактов придёт совершенно к другим умозаключениям, чем тот, кто полагает себя вечно эволюционирующим духовным существом, временно облачённым в земную плоть. (36)

Тонкий мир расставляет всё по своим местам. Ведь для него безразличны наши ритуальные маски и идейные ярлыки, а важно только то, кто мы есть на самом деле. Приговор там выносит вовсе не какой-то внешний судья. Тот тип сознания, который мы развили, и будет нашим «билетом в один конец». (37)

Принцип «подобное притягивает подобное» работает безотказно, и мы ничего не сможем с этим поделать. Единственный выход из этой ситуации – измениться внутренне, и в Тонком мире есть множество волонтеров, которые помогают человеку в данной работе, при условии, что он сам к ней готов. (38)

Всё больше и больше фактов говорит в пользу того, что субъективный опыт человека имеет самостоятельный онтологический статус, демонстрируя лишь согласованность с некоторыми физическими процессами, происходящими в головном мозге и нервной системе, но отнюдь не тождество с ними. (39)

По мере того как наука продвигается в постижении мира, всё больше учёных будут так или иначе переступать через грань материализма, чтобы обратиться к вопросу о природе нашей внутренней сущности – души человека. (40)

Спиритизму как и инструментальной транскомуникации выпала замечательная судьба – обладать двойственной природой, являясь и наукой, и духовной практикой одновременно. (41)

В перспективе духовная практика должна стремиться к такой степени точности и выверенности, чтобы по существу стать наукой. С другой стороны, людям, придерживающимся научного мировоззрения, стоит постепенно избавляться от таких внутренних качеств, как чванство, невежество и высокомерие. (42)

Необходимо помнить, что любое начинание, меняющее этот мир, создано из усилий отдельных личностей, и множество «малых дел», соединённых и скоординированных между собой, способно сдвинуть горы. По сути, на этой дороге нет мелочей. (43)

То будущее, где есть знание о вечной жизни, где Человечество не одиноко, но представляет собой гармоничное целое с иными планами существования, я верю, будет намного прекраснее и счастливее. Так давайте же вместе его приблизим! (44)

СЛЕДУЮЩАЯ ФАЗА ЖИЗНИ

Все сообщения о потусторонней жизни разнятся между собой в подробностях; я полагаю, однако, что и большинство рассказов о нашей жизни на земле в подробностях согласуются друг с другом ничуть не больше, но всё же, в общем, между ними есть определённое сходство; то же самое и здесь.

Мы не так уж много знаем о грядущей жизни, чтобы брать на себя смелость описывать её с такой же исчерпывающей точностью как, к примеру, маленькую цветочную клумбу посреди площади. Вероятно, что те посланцы, которые возвращаются к нам, находятся на более или менее одинаковом уровне развития и представляют ту же самую жизненную волну, откатывающуюся от наших берегов. Сообщения обыкновенно приходят от тех, кто скончался недавно, и, как и следовало бы ожидать в таком случае, постепенно ослабевают. В этой связи уместно отметить, что, согласно преданиям, явления Христа своим ученикам или Павлу происходили только первые несколько лет после его смерти и что среди ранних христиан нет больше никаких утверждений или упоминаний о том, будто они видели его позднее. Словом, все наши взгляды исходят от одного поколения, и поэтому мы не можем считать их окончательными, но лишь предварительными и частичными. Однако, хотя картина, даваемая нами, и может оказаться неполной, всё же, такова как она есть, она весьма последовательна, логически выдержана и чрезвычайно интересна, поскольку затрагивает нашу собственную участь и участь тех, кого мы любим. В этом смысле сообщения представляются мне в высшей степени ободряющими, утешительными, будь то касательно нашей собственной судьбы или же судьбы наших друзей.

Отшедшие в один голос указывают, что переход обычно лёгок и в то же время безболезнен и сопровождается необъятным ощущением мира и покоя. Человек обретает себя в духовном теле, которое является точной копией его физического тела, исключая его болезни, слабости и уродства, которым новое тело не подвержено. Тело это стоит или витает близ старого тела и одновременно сознаёт его и окружающих людей. В этот миг покойник ближе к материи, чем он будет когда-либо позднее, а потому именно в эту пору происходит большая часть случаев, когда мысли его обращаются к кому-либо из живых, находящемуся в отдалении, и когда духовное тело его устремляется вместе с мыслями и является этому человеку. Такие появления происходят чаще всего в мгновение смерти, когда новое духовное тело ещё настолько близко к материи, что глаза сочувствующего человека могут его воспринять, чего, однако, уже не сможет случиться впоследствии.

Всё же сравнительно с общим числом смертей, подобные случаи крайне редки. В основном я склонен объяснять это тем, что умерший человек слишком озабочен собственными необычными впечатлениями и переживаниями, для того чтобы много думать о других. Вскоре он, к своему изумлению, обнаруживает, что хотя он и пытается общаться с теми, кого видит, однако его эфирный голос и эфирные прикосновения равно неспособны как-либо воздействовать на человеческие органы, настроенные лишь на более грубые возбудители. Это благодатный предмет для размышлений и исследований, хотя ни более полное знание о световых лучах, которые, как мы знаем, существуют по обе стороны спектра, ни о звуках, существование которых мы можем доказать вибрациями мембраны, несмотря на то, что звуки эти слишком высоки для того, чтобы быть воспринятыми нашим слухом, не продвинул нас ни на шаг в психическом знании. Поэтому, оставив всё это в стороне, давайте проследуем за судьбой отшедшего духа.

Теперь он уже сознаёт, что в комнате рядом с людьми, которые были здесь при его жизни, есть ещё и другие, которые представляются ему столь же вещественными, как и живые, и среди них он узнаёт знакомые лица и чувствует, как ему пожимают руку и целуют в уста те, кого он когда-то любил на земле и потом потерял. Затем вместе с ними и с помощью и под водительством некоего лучезарного существа, которое стояло тут же и ожидало вновь прибывшего, он, к своему удивлению, устремляется сквозь все препятствия и материальные преграды навстречу своей новой жизни.

Это вполне определённое утверждение, и данный рассказ повторяется всеми, одним за другим, с настойчивостью, которая внушает доверие. Всё это сильно разнится от любой

старой теологии. Дух не есть падший или отверженный ангел, но просто сам человек со всеми его достоинствами и недостатками, мудростью и глупостью, так же как и его внешностью. Вполне можно поверить, что самые пустые и глупые люди, потрясённые столь необычным и страшным испытанием, будут до такой степени напуганы, что сразу и вдруг переменятся; но впечатления скоро притупятся и изгладятся, и тогда былой нрав этих людей утвердится и в новых условиях, и глупцы останутся глупцами, что подтверждается также и некоторыми результатами наших сеансов.

Далее, прежде чем вступить в свою новую жизнь, дух должен пережить пору сна, бессознательности, которая может длиться самое разное время, вообще едва существуя у одних и растягиваясь у других на недели и месяцы. Мне думается, что продолжительность этого сна определяется общей суммой беспокойств и умственной перенапряжённости в земной жизни, так как более длительный отдых предоставляет бóльшие возможности к забвению их. Это, конечно, лишь простое предположение, но налицо полное согласие мнений относительно существования такой полосы забвения после первых впечатлений духа от новой формы его жизни и прежде, чем он приступит к своим новым обязанностям.

Пробудившись от этого сна, дух слаб, как бывает слабо новорождённое дитя. Силы, однако, скоро возвращаются, и начинается новая жизнь. Это подводит нас к рассмотрению проблемы рая и ада. Не существует ада как места особого и постоянного. Но идея искупления, очищения страданием, т.е. чистилища, подтверждается сообщениями с того света. Без такого наказания в мире не было бы справедливости, ибо невозможно помыслить, чтобы, к примеру, у Распутина и у отца Дамиана была та же самая участь. Наказание вполне определённо и очень серьёзно, хотя в своей наименее суровой форме оно сводится к тому, что более грубые души находятся в более низких областях и с тем знанием, которое им там определили их земные деяния, но для них также есть надежда, что искупление, а также помощь Высших Духов поднимут их на более высокую ступень развития. Высшие Духи посвящают часть своей деятельности этому делу спасения.

Оставив, однако, в стороне области испытания и искупления, которые, быть может, следует рассматривать скорее как больницу и школу для слабых душ, нежели как тюрьму для отбывающих свой срок преступников, скажем, что сообщения с того света все согласуются друг с другом в том, что условия жизни в потустороннем мире в высшей степени приятны. Они согласуются в том, что сходное и однородное притягивается и что те, кто любят друг друга или имеют общие склонности и интересы, объединяются и живут вместе, что жизнь полна интереса и деятельности и что духи не желают возвращаться назад на землю. Всё это, конечно, известия в высшей степени радостные, и я повторяю, что это отнюдь не туманная вера или смутная надежда, но неоспоримые факты, основанные на законах очевидности, согласно коим, если множество независимых друг от друга свидетельств дают сходные показания, то показания эти имеют право считаться истиной.

Всякий дух во плоти переходит в следующий мир точно таким, каков он есть, без каких-либо изменений. Смерть безболезненна. Люди одеваются, как и следовало ожидать, поскольку нет никаких причин отказываться от скромности и приличий в новых условиях.* А тело наше там представляет собой точную копию нашего земного тела в его наиболее прекрасную пору, т.е. молодые мужают, а старики молодеют, и все, таким образом, пребывают в пору наибольшего расцвета сил. В их мире нет телесной боли, но могут быть душевные муки. Жизнь имеет большое сходство с жизнью на земле в её лучшем виде. В том мире жизнь преимущественно духовная так же, как в этом она телесная. Всепоглощающие заботы о еде, деньгах, всевозможные вожеления, боль и тому подобное исходят от тела и потому там отсутствуют. У них есть удовольствия – музыка среди них. Музыка, искусства, интеллектуальное и духовное знание значительно обогатились, и развитие их продолжается.

* На первый взгляд, вопрос об одежде может показаться странным. Но ничего странного в этом нет. Так, на сеансах с материализацией духи, которых мы знали людьми, являются в том костюме, в каком мы видели их при жизни в материальном мире. Но что касается духов, отрешившихся от всего земного, то их одеяние состоит большей частью из драпировки с длинными развевающимися складками, и они представляются, помимо того, с распущенными длинными волосами. (И.Р.)

Духи живут семьями и сообществами, поскольку, как и следовало ожидать, всё сходное стремится к соединению, и мужской дух находит свою настоящую подругу, хотя там и нет сексуальности в грубом смысле слова и нет деторождения. Мужья и жёны необязательно встречаются, но те, что действительно любили друг друга, непременно встречаются вновь.

Так как связи сохраняются и остаются на том же уровне, следует ожидать, что нации пока ещё грубо разделены между собой, хотя язык больше и не является препятствием, поскольку средством общения служит сама мысль. Человек там знает больше, чем знал при жизни. Духи пользуются превосходной справочной библиотекой либо же обладают невероятной памятью, производящей нечто вроде всеведения.* Это мир света и смеха. Общие условия жизни намного счастливее, чем на земле. Духи счастливы и не желают возвращаться на землю. Ими правят, у них нет ни богатых, ни бедных, они едят пищу.

* Сегодня есть основания полагать, что второе предположение гораздо ближе к истине, хотя и превосходные библиотеки там также имеются, и в них хранится множество сочинений, не известных здесь у нас, на земле, либо потому, что они у нас материально не сохранились, либо потому, что были созданы авторами уже после их перехода туда. (И.Р.)

Духи молятся и умирают в своём мире прежде, чем вступить в другой. Среди них есть католики, протестанты, буддисты и магометане, но все живут одинаково. Все признают, что ни одна земная религия не имеет преимуществ перед другой, но что характер и утончённость определяют всё. В то же время все согласны с тем, что всяческих похвал достойны религии, учреждающие молитву, отстаивающие чистоту и благородство души, внушающие презрение к мирским делам. В этом смысле и ни в каком ином, как опора для жизни духовной, любая форма религии может кому-нибудь подойти. Если вращение латунного цилиндра наводит тибетца на мысль, что есть в мире нечто более высокое, нежели его горы, и нечто более ценное, чем его яки, то на данном уровне и это уже хорошо. Мы не должны быть слишком взыскательны в таких вещах. Но если даже человек и не верит в Бога, то он не будет за это страдать в следующей жизни, хотя, правда, и не достигнет в ней высокого положения. Молитва, однако, великолепная вещь, так как она поддерживает нас в соприкосновении с миром духов.

Продолжительность жизни в их мире меньше, чем на земле. Все утверждают, что жизнь по ту сторону продолжается ограниченное время, после чего они переходят в другие стадии существования, но между теми стадиями, повидимому, больше общения, чем между нами и Страною Духов. Низшие не могут подниматься, но высшие могут спускаться по своему желанию.

Я не раз говорил уже о том, сколь поразительно согласуются друг с другом рассказы о загробной жизни: несмотря на то, что все они исходят из совершенно разных и независимых один от другого источников, согласование это касается самых мельчайших подробностей. Разнообразие при этом возникает от способности видеть более полно, которая позволяет заметить и описать и то, что не попадает непосредственно в поле зрения. Как бы то ни было, но все рассказы о той счастливой стране, попасть в которую однажды обычному смертному дозвоительно стремиться, довольно точны и последовательны. После того, как я написал это своё исследование, мне стали известны три новых и независимых друг от друга свидетельства, которые опять являются подтверждением сказанного. Одно из этих свидетельств приводится королевским адвокатом в недавней его книге «И был мне Голос», ознакомиться с которой я советую всем исследователям, хотя автор и проявляет в ней ярко выраженный католический уклон. Но это только показывает, насколько нам трудно выйти из привычного круга понятий. Вторым свидетельством является небольшая книжка «Будущий Свет», в которой приводятся очень интересные подробности, касающиеся потустороннего мира; книга эта составлена участниками одного дублинского спиритического кружка, столь же серьёзного, сколь и уважаемого. И, наконец, третье свидетельство, и, как мне думается, наиболее поучительное и назидательное, содержится в частном письме, присланном мне г-ном Губертом Уэйлзом.

Г-н Уэйлз – исследователь осторожный, добросовестный и довольно скептический. Путём автоматического писания он собственноручно получил очень интересные сообщения, но, вникнув в них, с недоверием отбросил. Прочитав, однако, мой отчёт об условиях посмертного

существования, он отыскал свои старые записки, которым поначалу придал столь мало значения. Он сообщает:

«Прочитав Вашу статью, я был потрясён, почти испуган тем, что сообщения, когда-то полученные мною самим касательно условий посмертного существования, совпадали – мне кажется, вплоть до мельчайших подробностей – с теми, которые Вы приводите в Вашем обзоре, составленном из большого количества материалов, собранных на основе разных источников. Не думаю, что в прочитанной мною ранее литературе можно найти объяснение такого совпадения. Я, определённо, не читал ничего ранее написанного Вами по этому поводу. Я намеренно избегал «Рэймонда» и всех иных книг этого рода, с тем чтобы они не повлияли на мои собственные результаты. Читаемые же мною в ту пору «Протоколы О.П.И.», как Вам известно, никак не касаются условий существования после смерти. Так или иначе, в разное время мною были получены (как Вы сейчас увидите) сообщения, которые утверждают, что в этом новом периоде существования люди обладают телами, которые, хотя и невосприимлемы нашими органами чувств, для них тем не менее так же вещественны, как для нас наши. Тело это основано на важнейших особенностях нашего земного тела, но в его улучшенном, идеализированном виде. У него нет возраста; оно не ощущает боли. Среди них нет ни богатых, ни бедных. Они носят одежду и едят пищу; они не спят, хотя и говорят о том, что время от времени погружаются в полубессознательное состояние, которое они называют «сном», состояние это – оно мне знакомо – приблизительно соответствует гипноидальному трансу. После некоторого периода времени, который обыкновенно короче, чем средняя продолжительность жизни здесь, на земле, они переходят в какую-то следующую стадию существования.* Люди сходных мыслей, вкусов и чувств стремятся друг к другу и живут вместе. Супруги не обязательно воссоединяются, но любовь мужчины и женщины продолжается и свободна от всего, что здесь у нас препятствует её полному выражению. Сразу же после смерти человек погружается в полубессознательное состояние покоя, длительность которого у разных людей различна. Они не способны испытывать телесную боль, но временами бывают подвержены душевным мукам. Мучительная смерть совершенно неизвестна. Принадлежность к той или иной вере не создаёт различий в положении на том свете, и вся их жизнь в целом в высшей степени счастлива, и никто там даже не в состоянии себе помыслить, чтобы он вдруг пожелал вернуться на землю. Мне ни разу не встретилось само по себе слово «работа» как таковое, но было много указаний на разного рода интересы, которые их занимают. Вероятно, это другой способ говорить то же самое. У нас «работа» обычно означает «средство к существованию», а это, как мне доподлинно известно, не имеет места у них, поскольку все их жизненные потребности каким-то таинственным образом «предугадываются». Они говорят, что всё, что мы любим и что необходимо для нашего счастья на земле, сопровождает нас и в той жизни. Не встретилось мне также и никаких определённых сведений о каком-либо «временном наказании», но у меня есть указания на то, что люди там начинают свою жизнь на том умственном и нравственном уровне, с которым они покидают землю; и так как их счастье основывается главным образом на симпатии, то те, кто приходят туда с низким уровнем нравственного развития, поначалу длительное время бывают лишены возможности оценить это счастье и им наслаждаться».

* Здесь и несколько выше имеется в виду главным образом перевоплощение. Умы, сформированные в традициях протестантского мировоззрения, не понимают идеи перевоплощения и её отвергают. Характерно, что даже после перехода, став духами, такие люди продолжают игнорировать закон реинкарнации – один из главнейших законов жизни. Поэтому и в посланиях духов, в странах протестантских, идея перевоплощения обыкновенно отрицается. В этом причина огромного превосходства *французского спиритизма* (или карденизма) над *англо-американским спиритуализмом*. (Й.Р.)

Ещё одна тонкость, о которой стоило бы упомянуть. Не следует забывать, что всё зависит от соотношения со своим окружением. Если б мы могли помыслить мир, который был бы в тысячу раз плотнее, тяжелее и темнее нашего, мы ясно увидели бы, что для своих обитателей он будет казаться таким же, каким нам кажется наш, при условии, что сила и ткань в нём будут находиться в том же соотношении. Если, однако, обитатели такого мира

соприкоснутся с нами, то мы покажемся им существами в высшей степени воздушными, живущими в какой-то странной атмосфере света и духа. Они, быть может, не вспомнят, что и мы чувствуем и действуем так же, как они, при условии, что наше существо и окружение гармонизируют и соотносятся друг с другом.

А теперь давайте рассмотрим другой случай – с жизненным слоем, который настолько же превосходит наш, насколько мы превосходим мир свинцовых людей. Нам тогда также покажется, что люди эти, эти «духи», как мы их называем, обитают в мире туманов и теней. Мы не учитываем при этом, что и там всё находится в соответствии и гармонии, и поэтому область, в которой духи живут и движутся и которая кажется нам миром иллюзий и грёз, для них так же реальна, как для нас реальна наша планета, а духовное тело настолько же вещественно для другого духа, как наше земное тело вещественно для других людей.

Есть ещё и другой вопрос, заслуживающий того, чтобы быть здесь рассмотренным, поскольку на первый взгляд он, пожалуй, способен даже ужаснуть, хотя всё же и поддаётся анализу, коль скоро мы за него возьмёмся. Я имею в виду постоянное утверждение из потустороннего мира о том, будто новоприбывшие не знают, что они умерли, и что проходит много времени, иногда слишком много, прежде чем они окажутся способны это понять. Они все согласны с тем, что подобное состояние замешательства и неопределённости очень вредно для духа и тормозит его развитие и что некоторое знание этой первостепенной истины на земле есть единственный способ уберечь себя от поры тоски и отчаяния в загробной жизни. Не приходится удивляться тому, что они, оказавшись в условиях совершенно отличных от тех, к которым их готовило любое из научных или религиозных учений на земле, воспринимают свои новые необычные ощущения как странный сон, и чем более правверны или материалистичны были их взгляды при жизни, тем труднее им окажется принять эти условия со всем тем, что они налагают. По этой самой причине и ещё по некоторым другим данное Откровение крайне необходимо всему человечеству. Достижением наименьшей практической важности будет хотя бы то, что и людям преклонного возраста придётся понять, насколько им ещё необходимо развивать свой ум: ведь если у них и не окажется времени применить свои знания в этом мире, то они останутся при них как неотъемлемая часть их умственного богатства в последующей жизни.

Такова в общих чертах потусторонняя жизнь в простейшем своём выражении, ибо на самом деле она отнюдь не проста, и мы улавливаем лишь слабые отблески бесконечных кругов внизу, спускающихся во мрак, и бесконечных кругов вверху, восходящих к божественному сиянию, которое развивает, определяет и оживляет все и вся.

Что касается больших подробностей относительно потусторонней жизни, то ими, вероятно, даже лучше и пренебречь по той простой причине, что это большие подробности. Мы все вскоре узнаем их сами, и одно лишь праздное любопытство побуждает нас спрашивать о них сейчас. Ясно одно: в том мире существуют духи и более высокой организации, для которых синтетическая химия, та, которая не только создаёт материю, но и изготавливает из неё предметы, является делом привычным. Во время некоторых сеансов мы видали их за работой в нашей грубой среде, на которую настроены наши материальные ощущения. Если они могут создавать видимые предметы даже в земных условиях, в ходе некоторых наших сеансов, то чего тогда только ни ожидать от них в их собственной среде, когда они работают над сотворением эфирных предметов? Вообще говоря, можно сказать, что духи в состоянии воссоздать любой предмет, аналогичный уже существующему на земле. То, как они это делают, возможно, остаётся предметом догадок и размышлений для менее развитых духов точно так же, как для нас предметом догадок и размышлений являются достижения современной науки. Ведь если бы вдруг какой-то обитатель нечеловеческого мира вызвал одного из нас и попросил его объяснить, что такое тяготение или что такое магнетизм, то как бы беспомощно мы выглядели!

Известный английский поэт, литературный критик, тонкий мыслитель Джеральд Массей в следующих выражениях высказал своё отношение к Спиритизму: «Спиритизм стал для меня, как и для многих других, истинным расширением моего умственного горизонта и пришествием неба, превращением веры в действительные факты; без него жизнь всего более походит на морское плаванье, совершаемое при задраенных люках в тёмном и душном трюме корабля, в коем единственным светом, доступным взору путешественника, будет одно только

мерцанье свечи; и вот, как будто этому путешественнику вдруг позволили великолепной звёздной ночью выйти на палубу и впервые увидеть величественное зрелище свода небесного, пылающего мириадами огней во славу Творца».

Если бы человек мог видеть, слышать и чувствовать всё это и тем не менее оставаться убеждённым в реальности незримых разумных сил вокруг себя, то у него были бы веские основания сомневаться в здравости собственной психики. Тот, кто видел, хотя бы смутно, сквозь завесу, руки, протянутые ему из загробного мира, и кто касался их, хотя бы слегка, тот действительно победил смерть. Есть нечто более сильное, чем просто *вера*, и это – *знание*. Так вот, я утверждаю эти вещи, потому что у меня есть знание о них. Я не ВЕРЮ, я ЗНАЮ.

Свыкнитесь с неоспоримой очевидностью и примите её. Расширяйте и одухотворяйте свои мысли. Плоды этого покажите в своей жизни. Отсутствие эгоизма – вот движущая сила всякого нравственного развития. Осознайте не как вопрос отвлечённой веры, но как осязаемый предмет, столь осязаемый и явный, как, например, улицы города, по которым вы ходите, тот факт, что мы ступаем в иную жизнь, в которой счастье станет доступно всем, и что счастье это может быть задержано или даже отнято у нас лишь безумием и эгоизмом в течение этих немногих скоротечных лет. Проникнитесь этой величественной истиной!

А. Конан-Дойль

1918 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие новейшего русского издателя (<i>Йог Рамананта</i>)	
Вступление	
Глава Первая РАЗВИТИЕ АВТОМАТИЧЕСКОГО ПИСЬМА ВО ВРЕМЯ ТРАНСА МИССИС ПАЙПЕР	
Глава Вторая О ПРОЯВЛЕНИЯХ ДЖОРДЖА ПЕЛХЭМА	
Глава Третья КРАТКИЙ ОБЗОР ДРУГИХ ПРОЯВЛЕНИЙ	
Глава Четвёртая ГИПОТЕЗА «ПРИЖИЗНЕННОЙ ТЕЛЕПАТИИ» И ГИПОТЕЗА СПИРИТИЧЕСКАЯ	
Глава Пятая УТВЕРЖДЕНИЕ СПИРИТИЧЕСКОЙ ГИПОТЕЗЫ	
Глава Шестая НЕДАВНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ТРАНСЕ МИССИС ПАЙПЕР	
Приложение: ИЗБРАННЫЕ ФРАГМЕНТЫ ПРОТОКОЛОВ	

Дополнительные материалы

Жизнь после смерти и возможность общения с умершими (<i>П.А. Гелева</i>)	
Есть ли смысл искать смысл жизни (<i>Б.Н. Крупицын</i>)	
Открытие души потайными науками (<i>Карл Дюпрель</i>)	
Мысли о религии и спиритизме (<i>А.Г. Рубинштейн</i>)	
Тайны спиритизма (<i>Б.Н. Крупицын</i>)	
История новейшего Спиритизма (<i>Аллан Кардек</i>)	
Голоса умерших звучат, и сами они живы (<i>П.А. Гелева</i>)	
Беседы с Оскаром Уайльдом (<i>П.А. Гелева</i>)	
Один частный случай (<i>А. Конан-Дойль</i>)	
Опыты доктора Гюстава Жэле (<i>А. Конан-Дойль</i>)	
За гранью видимого (<i>А.В. Михеев</i>)	
Следующая фаза жизни (<i>А. Конан-Дойль</i>)	

Текст на заднюю сторону обложки:

Ричард Ходсон (1855–1906) – один из выдающихся американских исследователей «психизма»; доктор права и доктор филологии; член Общества психических исследований в Лондоне и секретарь Американского Общества психических исследований. Долгое время д-р Ходсон был ярким гонителем и противником спиритической доктрины, разоблачал медиумов-обманщиков, но, в конце концов, в результате терпеливого изучения и вникания в предмет выступил решительным сторонником спиритического учения. Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой сведения о многолетнем труде, предпринятом им на пути к конечным выводам.

Спиритизм есть философия, выводы, гипотезы и утверждения которой заставляют задуматься всякого образованного читателя. Учение о том, что человек – не тленное тело, но бессмертная душа, или дух, старо как мир и в той или иной форме присутствует во всякой философии (кроме материализма) и во всякой религии (кроме атеизма). Спиритизм учит, в частности, тому, что на Земле (*в плотном мире*) живёт лишь часть человечества (причём не самая большая и не самая лучшая), а большая его часть живёт *в тонком мире* (за пределами материальной Вселенной).

Артур Конан-Дойль (один из столпов и адептов этого учения) писал: «Свыкнитесь с неоспоримой очевидностью и примите её. Расширяйте и одухотворяйте свои мысли. Плоды этого покажите в своей жизни. Отсутствие эгоизма – вот движущая сила всякого нравственного развития. Осознайте не как вопрос отвлечённой веры, но как осязаемый предмет, столь осязаемый и явный, как, например, улицы города, по которым вы ходите, тот факт, что мы ступаем в иную жизнь, в которой счастье станет доступно всем, и что счастье это может быть задержано или даже отнято у нас лишь безумием и эгоизмом в течение этих немногих скоротечных лет. Проникнитесь этой величественной истиной!»

Книга предназначена как для всех взыскующих истины, так и для широкого круга читателей.